

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Датукишвили Екатерина Зурабовна

На правах рукописи

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА
ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(НА ПРИМЕРЕ РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА И ГРУЗИИ)**

Специальность: 23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Тимофеева Лидия Николаевна

Москва

2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Теоретические основы исследования государственно-гражданской идентичности	28
1.1. Операционализация понятия государственно-гражданской идентичности	28
1.2. Концептуальные подходы к исследованию политических технологий как к средству формирования государственно-гражданской идентичности	59
Глава 2. Официальный политический дискурс элит как политическая технология формирования государственно – гражданской идентичности России, Грузии и Азербайджана	86
2.1. Официальный политический дискурс элиты: понятие, сущность, свойства	86
2.2. Реализация технологии официального политического дискурса элит в России, Грузии и Азербайджане по формированию государственно-гражданской идентичности на современном этапе	110
Глава 3. Медиадискурс как политическая технология формирования государственно-гражданской идентичности на примере Азербайджана, Грузии и России	141
3.1. Технологии медиадискурса по формированию государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана и Грузии)	141
3. 2. Технологии медиадискурса по формированию государственно-гражданской идентичности в постсоветской России	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	204
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	214
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	247
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	251

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью формирования государственно-гражданской идентичности в республиках бывшего СССР, обретших независимость и отказавшихся, в связи с этим от сформированного годами концепта государственно-гражданской идентичности - «советский человек».

Создание такой идентичности в новообразовавшихся государствах с полиэтническим и поликонфессиональным населением необходимо для решения внутренних социальных и экономических задач, регулирования этнополитических конфликтов в целях политической стабильности, а также сохранения добрососедских отношений с другими странами. Процесс этот проходит в условиях разнонаправленных тенденций развития современных международных отношений, с учетом исторических и культурных традиций этих образований, опыта существования в составе самого крупного по территории многонационального государства, стоявшего во главе мировой социалистической системы.

В мире наблюдаются две тенденции: центристская и центробежная. Империи распадаются на суверенные государства. Суверенные государства объединяются в новые союзы. С одной стороны, происходит региональная интеграция, диффузия и, в конечном счете, ассимиляция отдельных обществ, что позволяет констатировать постепенное формирование единой общественно-политической структуры, в рамках которой социокультурные различия отдельных обществ постепенно нивелируются.

Примером может служить евроинтеграция, образование Евросоюза и его нацеленность на формирование интеридентичности в отличие от мультикультурализма. Правда, не без потерь – пример выход из ЕС Великобритании. С другой стороны, в различных регионах мира наблюдается

стремление акторов политических процессов к обособлению, укреплению и развитию суверенитета за счет формирования у населения государственно-гражданской идентичности¹, в разной степени, учитывающей характерные для этих вновь образованных государств социокультурные, исторические и географические и другие особенности. Примером таких государственных образований являются страны бывшего Советского Союза, объединенные во время его существования единым идеологическим и интернациональным началом. Руководство большинства бывших советских республик рассматривает формирование прочной государственно-гражданской идентичности в качестве ключевой политической задачи и одновременно – главного стратегического приоритета обеспечения государственной безопасности. В этом случае процесс интеграции в глобальное политическое пространство рассматривается политической элитой этих государств в качестве второстепенной производной задачи, что не мешает им объединяться в такие региональные образования как Евразийский экономический союз, Организацию Договора о коллективной безопасности и др.

В настоящее время очевиден рост значения Российской Федерации (в большей степени), и других постсоветских государств в современном геополитическом процессе. Как справедливо отметил в одной из своих программных статей Президент России В. В. Путин, уникальное географическое положение стран бывшего СССР определяет их ключевую роль в создании и обеспечении системы мировой коллективной безопасности². В этой связи, очевидно, что мир должен быть заинтересован в стабильном прогнозируемом развитии суверенных государств – субъектов бывшего СССР.

¹Исследовательская группа ЦИРКОН™. ЦИРКОН — одна из первых в России независимая частная исследовательская организация, специализирующаяся на проведении социологических и маркетинговых исследований, информационно-аналитическом обслуживании и управленческом консультировании. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://zircon.group>

²Путин В. Россия и меняющийся мир. [Электронный ресурс] // Вести ру. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=726754> (дата обращения: 19.03.2020)

Всестороннее исследование процесса формирования государственно-гражданской идентичности¹ у населения этих государств на национальном и наднациональных уровнях (в рамках различных интеграционных объединений – СНГ, ЕЭС) приобретает важное практическое значение в контексте прогнозирования направлений дальнейшего развития внешнеполитического процесса, как на глобальном, так и на региональном уровнях. Рассмотрение вышеуказанного процесса позволит определить, как параметры внешнеполитического потенциала этих акторов международной политики, так и реальные возможности их интеграции в глобальную политическую структуру.

Сегодня, очевидно, что в условиях, динамично меняющихся и постоянно усложняющихся общественных отношений, а также превращения модели правовой демократической государственности в цивилизационный стандарт политического развития, актуализируется проблема поиска новых оснований легитимности государства и власти правящих элит. Политики ведущих государств мира справедливо воспринимают государственно-гражданскую идентичность в качестве наиболее перспективного основания для обеспечения легитимности и устойчивости государственной власти и политической системы в целом в связи с чем предпринимают активные попытки ее целенаправленного формирования.

В этой связи важнейшей задачей для современной науки является выявление, и, реализация практических возможностей, при которых государственно-гражданская идентичность приобретает характер эффективного механизма, обеспечивающего легитимность государственной власти и стабильность общественно-политического развития.

Выбор России, Азербайджана и Грузии в качестве предмета исследования настоящей работы продиктован следующими обстоятельствами.

¹Мусаев И. М., Гаджиева А. А. Государственно-гражданская политическая идентичность: теория и опыт формирования // Социально-политические науки. 2018. №1.- С. 15-19 / Мусаев И. М., Гаджиева А. А. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32562697> (дата обращения: 01.04.2021)

Во-первых, взаимной геополитической и географической обусловленностью их соседства с Россией в рамках Кавказского региона и необходимостью взаимного учета их внешнеполитических ориентаций в процессе реализации международной политики каждого из государств.

Во-вторых, Россия, Грузия и Азербайджан полиэтнические общества и, государственно-гражданская идентичность, как правило, формируется, в них по схожим сценариям. Соответственно, присутствующие в них центробежные тенденции (Чеченская Республика в России, Абхазия и Южная Осетия в Грузии, Нагорный Карабах в Азербайджане), становятся неким индикатором проблемной сферы процесса конструирования идентичности в ее гражданско-государственном поле, проявляя, скрытые трудности, однопорядковой природы. Видится необходимым отметить, что последний из указанных аспектов, в настоящее время существенно актуализируется, поскольку перманентный конфликт в Нагорном Карабахе недавно вновь перешел в стадию очередного ожесточенного военного столкновения и был погашен благодаря миротворческой миссии России. Представляется, что эти события наряду с неоспоримыми трагическими последствиями образуют специфические условия для формирования государственно-гражданской идентичности в Азербайджане. Немаловажное значение имеет поликонфессиональный фактор, объединяющий для анализа выбранные страны - христианско-исламский и исламо-христианский.

В-третьих, в рамках самоопределения постсоветских государств интересно проследить вариативность типологии формирования новой государственно-гражданской идентичности, пришедшей на смену выстроенной единой «советской».

Исследование процесса формирования государственно-гражданской идентичности¹ в контексте применения политических технологий имеет как

¹Мусаев И. М., Гаджиева А. А. Государственно-гражданская политическая идентичность: теория и опыт формирования // Социально-политические науки. 2018. №1. - С. 15-19 / Мусаев И. М.,

научно-теоретическое, так и практическое значение. Изучение различных аспектов проблематики идентичностей в настоящее время представляет собой один из значимых трендов политологических исследований, поскольку позволяет определить особенности конкретных обществ с целью профилактики и предупреждения разнообразных конфликтов и экстремистских проявлений, угрожающих не только их существованию, но и образующих одну из значимых глобальных проблем современности.

Степень научной разработанности темы исследования. Различные аспекты нашего предмета исследования получили неравномерное освещение в научной литературе.

Традиционно наибольшее внимание уделяется проблемам сущности, формирования и развития различных видов идентичностей. В этой связи следует отметить, что отечественная политология находится в мировом тренде исследования этого направления, получившего развитие со второй половины XX в.

Необходимо подчеркнуть, что традиции изучения понятия «идентичность» формировались в западных общественных науках под влиянием философской традиции, формирование которой происходило еще в эпоху античности. В этой связи следует констатировать, что разнообразные аспекты социальной идентификации находились в центре внимания западных философов периода развития немецкой классической философии (в трудах Г. В. Ф. Гегеля, И. Канта, Ф. В. Й. Шеллинга¹ и др.), неклассической философии (работы Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, К. Ясперса²), постнеклассической философии (работы Ж. Делеза, Ж.

Гаджиева А. А. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32562697> (дата обращения: 01.04.2021)

¹Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. – М.: Наука. 2000. – 495 с.; Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. – СПб.: Наука. 1999. – 471 с.; Шеллинг Ф. В. Й. фон. Сочинения: в 2-х томах. – М.: Мысль Т. 1. 1987. – 637 с. и др.

²Гуссерль Э. Картезианские размышления. – М.: Идея-Пресс. 2001. – 229 с.; Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позд. периода творчества. – М.: Высш. шк.. 1991. – 190 с.; Ясперс К. Истоки истории и ее цель / Пер. М.И. Левиной. – М.: ИНИОН АН СССР. 1978. №. 1. – 210 с.

Деррида, О. Конта, Г. Спенсера, М. Фуко¹ и др.). В рамках современной западной философии разнообразные аспекты идентичности находят свое осмысление в трудах Ж. Бодрийяра, П. Рикера, Э. Тоффлера, Ф.Фукуямы, Ю. Хабермаса² и др.

Примерно со второй половины XX в. идентичность становится предметом исследования в рамках большинства западных общественных наук. В этой связи существенный вклад в разработку данной проблематики внесли представители психологической, психоаналитической и социологической наук, которые обосновали необходимость видовой дифференциации персональной идентичности. Стоит отметить работы Г. Брейкуэлла, П. Бурдые, А. Ватермана, Дж. Марсиа, Дж. Тэрнера и др.³ Особое значение в качестве базисного основания изучения политической идентичности приобрели зарубежные социологические исследования, разрабатывающие проблематику идентичности личности в контексте различных аспектов социального взаимодействия в рамках социальных общностей. В этой связи следует выделить работы Дж. Мида, Р. Брубейкера и Ф. Купера⁴.

¹Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской и Э. П. Юровской. – СПб.: Петрополис. 1998. – 384 с.; Деррида Ж. Письмо и различие. – М.: Акад. Проект. 2000. – 319 с.; Конт О. Общий обзор позитивизма под ред. Э. Л. Радлова. – Изд. 2-е. – М.: ЛИБРОКОМ. 2011. VII. – 200 с.; Спенсер Г. Социология, как предмет изучения. – СПб.: тип. А. Якобсона насл.. 1896. XII - 405 с.; Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем Пресс. 2016. – 383 с.

²Бодрийяр Ж. Система вещей: – М.: Рудомино. 1995. – 168 с.; Рикер П. Путь признания: три очерка. – М.: РОССПЭН. 2010. – 267с.; Тоффлер Э. Футурошок. – М.: Прогресс. 1973. – 379 с.; Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика непричастности. – М.: Альпина Паблишер. 2019. – 256 с.; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб: Наука. 2000. - 377 с. и др.

³См. подробнее о концепциях идентичности этих мыслителей: Оломский А. А. Зарубежные подходы к изучению идентичности личности в психологии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-psikhologii-i-pedagogiki-v-sovremennykh-usloviyakh-sbornik-nauchnykh-trudov-po-ito/sektsiya-19-pedagogicheskaya-psikhologiya/zarubezhnye-podkhody-k-izucheniyu-identichnosti-lichnosti-v-psikhologii/> (дата обращения: 12.08.2020).

⁴Mead H. Mind, Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist. – Chicago. 1934. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://livros01.livrosgratis.com.br/bu000001.pdf> Brubaker R., Cooper F. Beyond identity // Theory a. society. – Dordrecht. 2000. Vol. 29. № 1. –Р. 1–47; Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2012. –

Особый вклад в научную разработку проблематики идентичности внес Э. Эриксон, который не только ввел понятие «идентичность» в научный оборот, но и обосновал междисциплинарный подход к исследованию данного феномена на основе использования методологии всех общественных наук¹. Западная политологическая наука начинает разрабатывать понятие «политическая идентичность», начиная со второй половины XX в., на основе междисциплинарных исследований в рамках его методологического подхода. Политологический контекст анализа идентичности начинает выражаться в рассмотрении проблем политического менталитета, политической культуры, динамики и трансформации политического сознания, формирования политических образов в ходе процесса политической социализации. В этой связи обращают на себя внимание работы Б. Андерсена, П. Бюргера и Т. Лукмана, Э. Гидденса, Л. Гринфельд, Э. Гофмана, М. Кастельса, Ч. Кули, И. Плассеро, Дж. Стефенсона, А. Турена, Ч. Тейлора, С. Хантингтона и др.²

406 с.; Cooper F. *Citizenship, Inequality, and Difference: Historical Perspectives*. – Wiley. 2018. – 224 P.

¹Эриксон Э. Г. *Детство и общество*. – СПб.: Лет. сад. 2000. – 415 с.; Он же. *Трагедия личности*: [перевод с английского]. – М.: Эксмо : Алгоритм. 2008. – 253 с.

²Андерсон Б. *Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма*. – М.: Канон-Пресс. 2001. – 288 с.; Бергер П. *Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания*. – М.: Медиум. 1995. – 323 с.; Гоффман Э. *Представление себя другим // Современная зарубежная социальная психология: тексты*. – М.: Издательство Московского университета. 1984.-С. 188-196.; Гринфельд Л. *Национализм. Пять путей к современности*. М.: 2008; Кули Ч.Х *Человеческая природа и порядок*. – М: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги. 2000. – 320 с.; Плассеро И. *Идентичность народов Европы/ пер. с фр. А. Пондопулло– СПб.: Нестор-История. 2019. – 200 с.; Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. – М.: ООО «Издательство АСТ»: 000 «Транзиткнига». 2004. – 635 с. Touraine A. *Production de la societe*. - Paris: Zd. du Seuil. 1973. - 542 p.; Castells M. *The Power of Identity*. - Maiden M.A.: Blackwell. 2004. - XXII, 537 p.; Stephenson G. V. *Intergroup bargaining and negotiation / G. V. Stephenson // Undergroup behavior / J. C. Turner, H. Giles (eds)*. – Oxford. 1984. - P. 168-198; Giddens A. *Modernity and Self-Identity, Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, CA: Stanford University Press. 1991.– 256 p.; Taylor Ch. *Democratic Exclusion (and its Remedies?)*. In A.C. Cairns. *Citizenship, Democracy and Pluralism*. -Toronto: McGill University Press. 1999 и др.

Обращаясь к состоянию исследования понятия «идентичность» в рамках отечественной политологии, прежде всего, необходимо отметить значительный вклад В.А. Тишкова, Л. М. Дробижевой, В.Ю. Зорина, О.Ю. Малиновой, Э.А. Паина, О.В.Поповой, М.А. Аствацатуровой и др.¹

Особо следует выделить исследования И. С. Семененко, посвященные проблематике концептуализации идентичности как ресурса общественного развития².

Кроме того, из отечественных исследований, посвященных рассмотрению сущности идентичности в политическом контексте, следует отметить работы Т.Г. Азимова, Г. А. Айвазян, Т. В. Бугайчук, Д. Г. Когатько, В. С. Комаровского, С. В. Картунова, О. А. Коряковцевой, О.Ю. Малиновой, К. В. Малова, Е. В. Морозовой, Ю. В.Мухлынкиной, Д. И. Саетгараева, В. В. Титова, Г. А. Филатова, О. В. Поповой и др.³

¹Тишков В. А. Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа. — СПб.: СПбГУП, 2010. –25 с. и др.; Дробижева О. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. – М.: Новый хронограф. 2013. – 336 с.; ее же. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей. 2003. – 376 с. и др.; Зорин В.Ю. Мусульмане России: реалии формирования гражданской идентичности // Ислам в современном мире: внутрисосударственный и международно-политический аспекты. 2016. Т. 12. № 2.- С. 117-126; Пайн Э.А. Проблемы гражданской нации в России и на Западе: общее и особенное // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2018. № 1.- С. 171-191; Аствацатурова М.А. Гуманизм российской гражданской идентичности в системе общественно-политического процесса // В сборнике: Научные исследования в сфере гуманитарных наук: открытия XXI века. Материалы XI Международной научно-практической конференции. 2021. - С. 339-343;

²Политическая идентичность и политика идентичности. В двух томах. Т.2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. Отв. ред. И.С. Семененко. - М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2012. – 471 с.; Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание/ ред-сост. Семененко И. С. -М.: Изд-во «Весь мир». 2017. – 992 с.; Семененко И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политэкс. 2011. Т. 7. № 2. - С.42-51; Ее же. Идентичность в системе координат мирового развития (в соавт. с В. В. Лапкиным, В. И. Пантиним) // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. - С. 40-59; Ее же. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. – С.8-23 и др.

³Айвазян Г. А. Политическая идентичность в транзитивных обществах // Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. 2010. № 4. - С. 137-144; Азимов Т. Г. Идентичность как глобальная проблема современности: политологический анализ:

Ряд исследований посвящено анализу политической идентичности в рамках различных интеграционных объединений. Так, идентичность Евросоюза успешно исследует Г. С. Климова¹, в странах бывшего СССР – П.В. Иванов, Ю. В. Ирхин, О. А. Нестерчук, А. А. Старостин, И. Н. Тимофеев, Л. Н. Тимофеева, Л. В. Томайчук и др.²

автореферат дисс. канд. политологических наук. - М.: 2000. – 31с.; Когатько Д. Г. Российская идентичность как культурно-цивилизационный феномен : автореферат дисс. кандидата социолог. наук. – СПб.: 2007. – 23 с.; Комаровский В. С. Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски // Власть. 2015. № 3.- С. 20-27.; Кортунов С. В. Национальная идентичность: Постижение смысла. — М.: Аспект Пресс. 2009. – 589 с.; Малинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности // Полит. наука. 2005. №3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-politiki-i-diskurs-ob-identichnosti> (дата обращения: 12.09.2020); Малов К. В. Политическая идентичность как основание социально-политического структурирования общества: дисс. канд. социолог. наук. – Новосибирск, 2012. – 162 с.; Мухлынкина Ю. В. Этническая идентичность: сущность, содержание и основные тенденции развития: дисс. канд. философ. наук. – М.: 2011. – 190 с.; Саетгараев Д. И. Соотношение политической и этнической идентичностей: дисс. канд. полит. наук. – Казань. 2011. – 151 с.; Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции – М.: Типография «Ваш формат». 2017; Филатов Г. А. Русская национальная идентичность в современном российском политическом процессе : дисс ... канд. полит. наук. - Ростов-на-Дону. 2005. – 145 с.; Морозова Е. В. Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа // Человек. Общество. Управление. 2012. № 1. - С. 60-65.; Попова О. В. Модели идентичности политических акторов в современной России // Политическая наука. 2018. № 2. – С. 173–194; Ее же. Особенности политической идентичности в России и странах Европы // Полис. Политические исследования. 2009. № 1. – С. 143–157.

¹Климова Г.С. Коллективная память как средство построения европейской идентичности // PolitBook. 2019. № 3. С.53-79.; Климова Г.С. Границы европейской идентичности: взгляд из России // «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России / отв. ред. Т. Л. Лабутина. – СПб: Алетейя, 2019. С. 81-97.

²Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А. Гражданская идентичность как условие развития гражданского общества// Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 26 апреля 2019 г.) / [редкол.: Д. И. Попов (отв. ред.), И. А. Ветренко (отв. ред.) и др.] - С.148-152; Иванов П. В. Политико-правовые основы формирования российской идентичности: исторический аспект: дисс. канд. полит. наук. – М.: 2013. – 200 с.; Ирхин Ю.В. Национальная идея России и идеологема «План Путина»// Россия и современный мир: Проблемы. Мнения. Дискуссии. События. 2008. №. 2 (59) - С. 45 – 56; Нестерчук О.А. Формирование российско-московской культурной идентичности как направление современной молодежной политики // Idea wielokulturowości jako wyzwanie. Dyskurs religijny, kulturowy i społeczny.- Bydgoszcz: Wydawnictwo Kujawsko-Pomorskiej Szkoły Wyzszej w Bydgoszczy. 2015. - С. 117-123; Старостин А. А. Политическая идентичность граждан постсоветской России : модели и технологии формирования : дисс. канд. полит. наук. – Ростов-на-Дону. 2010. – 138 с.; Тимофеев И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции: автореферат дисс. канд. полит. наук.

Все большее внимание в последнее время уделяют исследователи анализу процессов формирования политической идентичности. В исследованиях Ю. В. Зевако, И. В. Коноды, А. В. Лукиной, И. С. Семененко, Л. А. Семеновой, О. В. Поповой, Л. А. Фадеевой¹ реализован комплексный подход к данному вопросу, в рамках которого выявлены основные факторы и детерминанты формирования идентичности.

Необходимо упомянуть исследования, посвященные анализу феномена политической культуры, поскольку процесс формирования политической идентичности, несомненно, оказывает влияние на ее состояние. В этой связи обращают на себя внимание работы И. Г. Алмонда, С. Верба, С. Роккана, Р. Такера, В. Р. Легойды, К. С. Гаджиева, В.Н. Дахина, М. М. Назарова, Б. С. Орлова и др.²

– М.: 2006. – 28 с.; Тимофеева Л. Н. Россия в поисках субъектности // Власть. 2014. № 2. – С. 135-138; Томайчук Л. В. Формирование национальной идентичности на постсоветском пространстве: на примере Украины и Республики Беларусь: дисс ... канд. полит. наук. – СПб.: 2013. – 170 с. и др.

¹ Зевако Ю. В. Технологии формирования политической идентичности в современной России: механизмы, ресурсы, эффективность: дисс. канд. политич. наук. – Саратов. 2012. – 209 с.; Конода И. В. Становление гражданской идентичности россиян в процессе политической социализации: дисс. канд. политит. наук. – М.: 2007. – 206 с.; Лукина А. В. Социокультурные технологии формирования национальной идентичности: историко-методологический аспект: дисс. канд. культ. наук. – Екатеринбург. 2004. – 156 с.; Семененко И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политэкс. 2011. Т. 7. № 2.– С. 42-51; Семенова Л. А. Формирование российской национальной идентичности студентов в условиях поликультурного образовательного пространства вуза : дисс. канд. педагогич наук. – Тюмень. 2015. – 292 с.; Попова О.В. Модели идентичности политических акторов в современной России / О. В. Попова // Политическая наука. 2018. № 2. – С. 173-194; Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал//Политическая наука. 2016. №2. - С.164-180.

² Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. 1995; Lipset S., Rokkan S. Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives. - New York, Free Press. 1967; Tucker R.S. Political Culture and Leadership in Soviet Russia. From Lenin to Gorbachev. Sussex. 1987; White St. Political Culture and Soviet politics. - L. 1979; Легойда В.Р. Символы и ритуалы в политических процессах в США: традиции и современность (Феномен «гражданской религии»): дисс. канд. полит. наук. – М.: 2000 – 242 с.; Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. М: «Логос». 1997. – 541 с.; Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: 1977. – 703 с.; Дахин В.Н. Политическая культура и власть // Свободная мысль. 1996. № 1. - С. 16-26; Назаров М.М. Политическая культура общества 1991-1995 гг.: опыт социологического исследования. – М.: Эдиториал УРСС. 1998. – 175 с.; Орлов. Б.С. Политическая культура и становление демократии в России. - М.: ИНИОН РАН. 1994. – 50 с.

Все чаще предметом диссертационных исследований становятся проблемы формирования политической идентичности, рассматриваемые в разнообразных конкретно-исторических контекстах. В этой связи следует выделить работы А. С. Гусева, М. В. Руткаускайте¹.

В последние годы проявляется внимание к отдельным технологиям, используемым в рамках данного процесса и др. В некоторых исследованиях, например, в работах И. А. Акимовой, В.А. Емелина, О. В. Корф и др. выявляется роль СМИ, в целом информационного общества, в формировании идентичности².

Значимым для проблематики настоящего исследования является рост количества специальных исследований, посвященных анализу феномена официального политического дискурса и дискурса масс медиа и используемых при их реализации политических технологий влияния. В исследованиях данной группы осуществляется моделирование когнитивной базы политического дискурса посредством проведения системного анализа его концептов, метафорических моделей и стереотипов, и убеждений, характеризующих политический статус его субъектов. В данном контексте большой интерес представляют работы Е. С. Абрамовой, А. Г. Баранова, Р. Водак, Е. А. Грудевой, М. Н. Грачева, М. В. Ильина, М.В. Йоргенсен и Л.Дж.Филлипс, Д. И. Каминченко, Ю. Н. Караулова, А. Г. Киселева, Э. Лассан, А. Е. Левченко, Т. В. Марченко, Н. Б. Поляковой, А. И.

¹ Гусев А. С. Формирование политической идентичности в современной России: автореферат дисс. канд. полит. наук. – СПб.: 2014. – 24 с.; Руткаускайте М. В. Формирование политической идентичности современной российской молодежи в процессе политической социализации: факторы и агенты: автореферат дисс. канд. полит. наук. – Пермь. 2012. – 25 с.

²Акимова И. А. Средства массовой информации как фактор формирования идентичности личности в современном обществе // Сервис PLUS. 2009. № 1. - С. 10-14; Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. Монография. – М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2017. – 360 с.; Корф О. В. Медиа́текст как инструмент формирования дискурса в политическом конфликте: на примере конфликта 1994-1996 гг. в Чеченской республике: дисс. канд. полит. наук. 2009. – 148 с. и др.

Соловьева, Ю. С. Степанова, Л. Н. Тимофеевой, Н.Фэрклоу, Е. И. Шейгал, Н. А. Чабан, Л. Эдвардса, и др.¹

Особое значение в русле нашего исследования является подход, обозначенный в российской политологии специалистами в области международных отношений и геополитики: Т. А. Алексеевой, Н. А. Васильевой, Н. В. Загладиным, М. Л. Лагутиной, О. М. Мещеряковой, И. Ю. Окуневым, А. С. Панариным и др.² Они обращают внимание на то, что современный мир

¹ Абрамова Е. С. Социоморфная метафора как средство языковой репрезентации концепта «Россия» в современном массмедийном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота. 2015. № 3. - С. 13-15; Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России: курс лекций: [в 3 ч.] / – СПб. : Балт. гос. техн. ун-т. – 122 с.; Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М., 2004. – 328 с.; Дискурс и коммуникация: монография; [под ред. Е.В. Грудевой]. Новосибирск: Изд. «СибАК». 2015. –234 с.; Ильин М. В. Политический дискурс как предмета анализа // Политическая наука. 2002. № 3.- С. 5-21; Каминченко Д. И. «Новые» средства массовой информации и социальные медиа как субъект политического процесса: автореферат дисс. канд. полит. наук. – Н. Новгород. 2015. – 18 с.; Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов; Отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М.: Наука. 1987. – 261 с.; Киселёв А. Г. Теория и практика массовой информации: общество – СМИ – власть. – М.: ЮНИТИ. 2012. – 431 с.; Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. – Вильнюс. 1995. – 232 с.; Левченко А.Е. Формы и методы воздействия СМИ на общественное сознание. – М.: ИНФА_М.: 2000. – 165 с.; Марченко Т. В. Манипулятивный потенциал интертекстуальных включений в современном политическом дискурсе: дисс ... канд. филолог. наук. – Ставрополь: 2007. – 255 с.; Полякова Н. Б. Конструирование дискурса власти: герменевтический аспект: дисс. канд. философ. наук. – Ижевск. 2003. – 143 с.; Соловьев А. И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи. – Полис. Политические исследования. 2004. № 2. - С. 124-132; Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. - Изд. 6-е. - Москва: URSS. 2007. – 312 с.; Тимофеева Л. Н. Власть и оппозиция: взаимодействие, взаимоограничение, взаимоконтроль, коммуникация. – М.: Изд-во РАГС. 2004 (ОП ИЦ РАГС). – 238 с.; Чабан Н.А. Политические мифы в языке, дискурс, ментальные модели // Язык и культура = Мова и культура. – Киев. 1997. Т. 1. С. 137–138; Шейгал Е. И. Структура и границы политического дискурса // Филология. – Краснодар. 1998. № 14. – С. 22-28; Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.; Волгоград: Перемена. 2000. – 367 с.; Edwards L. Mediapolitik: How the Mass Media Have Transformed World Politics / L. Edwards. Catholic University of America Press, 2001.– 364 p.; Fairclough N. Critical Discourse Analysis. - Boston: Addison Wesley Publishing Company. 1995. - 266 p. и др.

²Алексеева Т.А. Рукописи не горят. Международный порядок: взгляд из Москвы // Международные процессы. -М.: 2006. Том 4. № 1(10). - С.134-139; Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Геополитическое измерение неоевразийской интеграции//Клио; они же Философские вопросы мировой политики // Вопросы философии. 2012. № 10. - С.26-32; Загладин Н.В. Конфликт вокруг Грузии – симптом кризиса системы миропорядка // Россия в глобальном мире: 2000-2011:

характеризуется сосуществованием двух ведущих тенденций – центростремительной и центробежной.

Важное значение для анализа проблематики настоящего исследования имеют работы, посвященные характеристике разнообразных политических технологий и их различного целевого применения. В этой связи следует выделить исследования М. Г. Анохина, О. Е. Гришина, Т. Э. Гринберг, А. А. Иванцова, В. С. Комаровского, Ю. И. Матвеевко, И. А. Савченко, В. Б. Строганова, О. Ф. Шаброва и др.¹

Немаловажное значение имеют и исследования, посвященные характеристикам современных общественно-политических идеологий, лежащих в основе осуществления политики идентичности. В этой связи следует выделить работы Ю. Г. Волкова, Н. Ф. Жирнова, П. Ю. Рахшмира, Г. Самуэля, А.И. Соловьева и др.²

Хрестоматия в 6 томах (Под общ. ред. И.С. Иванова). - М.: Аспект Пресс. 2012. Т.5; Окунев И.Ю. Центростремительные и центробежные силы на политической карте мира// Космополис. 2008. № 1(20). - С.172-179; Мещерякова О.М. Центробежные и центростремительные тенденции в Европейском Союзе и проблемы суверенитета государств – членов // Вестник РУДН, серия Политология. 2009. №1. - С.56-63; Панарин А.С. Философия политики. - М.: 1996. – 424 с. и др.

¹Анохин М.Г. Политические технологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2000. №2; Гришин О. Е. Технологии политической деятельности: сущность и потенциал применения: автореферат дисс. канд. полит. наук. – М.: 2001. – 24 с.; Гринберг Т. Э. Политические технологии. – М.: Аспект Пресс. 2007; Иванцов А. А. Политические технологии общественно-политических движений в постсоветской России: дисс. канд. социол. наук. – М., 2003.–157 с.; Политические технологии в политике и политическом управлении / под ред. М. Г.Анохина, В. С. Комаровского, Ю. И. Матвеевко. – М.: РАГС. 2004.– 347 с.; Матвеевко Ю. И. Политическая модернизация как фактор консолидации современного российского общества : автореферат дисс. д-ра полит. наук. – М.: 2002. – 53 с.; Савченко И. А. Технологии политического действия в трансформирующемся обществе: дисс. канд. полит. наук. – Ростов-на-Дону. 2005. – 147 с.; Строганов В. Б. Технологии политической манипуляции в интернете: дисс. канд. полит. наук. – Екатеринбург. 2020. – 209 с.; Шабров О. Ф. Политические технологии // Знание, понимание, умение. 2012. №4. - С. 328-330.

²Волков Ю. Г. Идеология и идентичность: дискурс противопоставления // Общество и право. 2006. № 4. - С. 7-14; Самуэль Г. Л. Либерализм: опыт изложения принципов и программы современного либерализма. – М.: URSS. 2009. – 488 с.; Соловьев А. И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. - С. 5-23; Исследования по консерватизму / [Сост. и науч. ред. П. Ю. Рахшмир]. – Пермь: Перм. ун-т. 1994.–201 с.; Жирнов Н. Ф. Консерватизм и неоконсерватизм: политические и управленческие

Среди грузинских и азербайджанских политологов, разрабатывающих проблематику настоящего предмета исследования необходимо указать на работы Д. Апасидзе, Ш. Апхаидзе, Г. Зедания, С.Р. Мамедова, Г. Нодиа, М. Хартишвили, Ш. Н. Ягизарова и др.¹

Вместе с тем, в современной науке, наблюдается очевидный недостаток специальных политологических работ, предметом которых является рассмотрение технологий формирования государственно-гражданской идентичности в сравнительном контексте.

Кроме того, понятие «государственно-гражданская идентичность» вплоть до настоящего времени не имеет единообразного определения в научной мысли в силу чего отсутствуют ясные критерии его идентификации. В связи с этим в существующих работах зачастую государственно-гражданская идентичность отождествляется с национальной.

Объект исследования - процесс становления государственно-гражданской идентичности в России, Азербайджане и Грузии.

идеи Эдмунда Бёрка в теории и практике / под ред. Ю. В. Ирхина. – Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина. 2007. – 238 с.

¹Aprasidze D., Formation of a State and a Nation in Modern Georgia: an Unfinished Project? // Identity Studies. Vol.1. 2009. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://identitystudies.ac.ge/1/>. (дата обращения: 06.07.2020); Апхаидзе Ш. В. Грузинские СМИ и их отношение к России: 2003-2020 год / Ш. В. Апхаидзе. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://news-front.info/2020/04/02/gruzinskie-smi-i-ih-otnoshenie-k-rossii-2003-2020-god/?utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения: 06. 07. 2020).; Zedania G., National Form and the Question of Identity // Identity Studies, ed. G. Zedania, Tbilisi, Ilia Chavchavadze State University. Chkhartishvili M., On Georgian Identity and Culture. Nine International Presentations, Tbilisi. 2009, №1.; Мамедов С.Р. Проблемы развития СМИ Азербайджана на современном этапе // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-15. - С. 3404-3407. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37795> (дата обращения: 06.07.2020); Nodia G., Components of the Georgian National Idea: an Outline // Identity Studies, ed. G. Zedania, Tbilisi, Ilia Chavchavadze State University, No.1, pp. 84-101; Ягизаров Ш. Н. Роль СМИ в становлении и развитии политического плюрализма в Азербайджанской республике / Ш. Н. Ягизаров // Вестник экспертного совета. 2017. № 2. - С. 156-160.

Предмет исследования - политические технологии формирования и развития государственно-гражданской идентичности в России, Грузии и Азербайджане, реализуемые на современном этапе.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе анализа современной политической практики определить особенности ключевых технологий, используемых в России, Азербайджане и Грузии для формирования государственно-гражданской идентичности населения.

Для реализации поставленной цели необходимо решение следующих **исследовательских задач**:

- проанализировать сущность понятий «идентичность» и «государственно-гражданская идентичность»;
- выявить концептуальные подходы к исследованию ведущих политических технологий как к средству формирования государственно-гражданской идентичности;
- определить содержание понятия официального политического дискурса элиты и его особенности как политической технологии в процессе формирования государственно-гражданской идентичности в рассматриваемых государствах;
- выделить особенности технологии медиадискурса в формировании государственно-гражданской идентичности в России, Грузии и Азербайджане.

Рабочая гипотеза исследования. Государственно-гражданская идентичность представляет собой сложный идеологический конструкт, являющийся предметом осуществления целенаправленной государственной политики, избранных для анализа стран - России, Азербайджана и Грузии. В целях ее формирования необходимо использовать две ведущие политические технологии: официальный политический дискурс элиты и медиадискурс, которые совместно конструируют эту идентичность, стремясь объединить народ каждого государства в единое сообщество. Без применения этих политических технологий

трудно надеяться на легитимацию политической власти и политическую стабильность в каждом из рассматриваемых государств.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составили системный, структурно-функциональный, дискурсивный, конфликтологический и коммуникативный подходы.

Автор исходит также из приоритетности применения методологии конструктивистского подхода для исследования феномена государственно-гражданской идентичности. В этой связи для достижения цели и решения задач настоящего исследования использовались теоретические выводы классиков конструктивизма – Ю. Андерсона, П. Бергера, Э. Геллнера, Т. Лукмана, Ж. Пиаже, и др. Соответственно, государственно-гражданская идентичность рассматривается в качестве социального конструкта, формируемого посредством целенаправленной рефлексивной intersubjectной общественно-политической практики, ведущим участником которой является государство, создающее посредством реализации своих функций создает понятия и образы, значимые для формирования конструктов «соответствия». Фундаментальным основанием данного процесса является ценностная структура, образующая пространство политической культуры. Кроме того, существенное значение при подготовке настоящего исследования имели методы и научно-исследовательские принципы политической конфликтологии и сравнительной политологии.

Решение основных задач, поставленных в диссертационном исследовании, достигается путем использования комплекса различных методов, характерных для политической науки.

В частности, для осуществления комплексной характеристики государственно-гражданской идентичности в качестве политического феномена в работе применялись диалектический, сравнительный, функциональный, системно-структурный и синергетические методы.

Для анализа политических технологий, реализуемых в рамках официальных дискурсов рассматриваемых стран, а также СМИ для формирования государственно-гражданской идентичности использовались методы дискурс анализа и концепт-анализа.

Оценка влияния политических идеологий на процесс формирования государственно-гражданской идентичности осуществлялась на основе сравнительно-исторического метода.

Эмпирическую базу исследования составил комплекс аналитических составляющих нормативных и официальных документов, итоги социологических исследований и контент-анализа СМИ трех государств, а также – включенное наблюдение автора:

- официальные документы и нормативно-правовые акты, изданные высшими органами государственной власти России, Azerbaijan и Грузии;
- материалы интернет-сайтов высших органов государственной власти рассматриваемых стран, в первую очередь, официальных сайтов Президентов;
- материалы интернет СМИ рассматриваемых стран («Взгляд», «РИА Новости», «Лента ру», «Грузия онлайн», «Спутник Джорджия», «Вести AZ», «Медиа AZ» и др.);
- материалы социологических исследований, проведенных в России, Azerbaijan и Грузии, иллюстрирующие состояние общественного мнения («Левада-центр», «Национальный демократический институт» (Грузия)), «Центр социальных исследований» (Azerbaijan);
- материалы авторского интернет – анкетирования по проблемам формирования государственно-гражданской идентичности (произведено интернет анкетирование 300 студентов высших учебных заведений г. Москвы, имеющих российское, азербайджанское и грузинское гражданство).

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Уточнено содержание понятия «государственно-гражданская идентичность», которое представляет собой сложный идеологический конструкт, созданный под влиянием целенаправленного воздействия политической элиты и масс-медиа, зависящий от исторически формировавшихся культурных кодов общества и современной повестки дня. Это двуединый феномен, сочетающий в себе, во-первых, сознательное самоотождествление граждан с единой гражданской общностью «мы – народ», во-вторых, политические представления, то есть комплексы понятий, утверждений, объяснений и ценностных ориентаций, связанных с институтом государства и его политическим курсом.

2. Концептуальные подходы к анализу политических технологий позволили выделить наиболее перспективные из них с точки зрения эффективного влияния на процесс формирования государственно-гражданской идентичности: прогрессивно-конструктивный и оперативно-вспомогательный. Их главными акторами являются, в первом случае, политическая элита и контрэлита, и медиа - во втором. В рамках технологии политического дискурса элит в качестве ведущей темы выступает «моделирование истории» в контексте создания взаимосвязанных мифов о единой национальной общности, выступающей в качестве ключевого критерия легитимизации власти политической элиты и народа - главного субъекта политического процесса, делегирующего ей свои полномочия. Технология медиа-дискурса призвана поддерживать и развивать содержание политического дискурса элит, что не исключает существования дискурса контрэлиты и оппозиционных медиа в ряде государств, содержащего критику официального дискурса правящей политической элиты и выдвигающей свои представления о прошлом и будущем страны и культурных ценностях ее народа.

3. По целевой и функциональной направленности политические технологии элиты и медиа могут быть разделены на три основные группы. Это технологии, целевая направленность которых, изменение сознания масс, в сфере формирования норм, правил и техник их совместной деятельности; технологии

внедрения в массовое сознание, отличных, от принятых ранее, иных, ценностных категорий и воззрений; технологии манипулирования поведенческими мотивами индивидуума, а в более широком контексте, и поведением общности в целом, так называемым, «массовым поведением», в категориальном понимании, разнохарактерные и разнонаправленные, при чем, все они, создают атмосферу «позволения» такого рода манипулирования. В таком качестве рассматривается целенаправленное конструирование властной элитой и ведущими СМИ политико-этнических образов, имеющих устойчивую историческую детерминацию, а также политически значимых символов в структуре политической культуры.

4. Определены особенности воздействия официального политического дискурса элиты на процесс формирования государственно-гражданской идентичности. Официальный политический дискурс элит России, Азербайджана и Грузии является противоречивым и содержит как позитивные, так и негативные характеристики, обусловленные их «генетической зависимостью» от дискурса советского государства. Данное обстоятельство, а также отсутствие устойчивых традиций существования правовой, демократической государственности и развития института гражданского общества в рассматриваемых странах определяют простоту содержания концептов официальных дискурсов рассматриваемых стран, их крайнюю зависимость от личностных характеристик и мировоззренческой позиции отдельных представителей властной политической элиты, ритуальный характер политической коммуникации, гипертрофированное воздействие на содержание дискурсов разнообразных манипуляторов общественным сознанием — имиджмейкеров, политтехнологов, политических консультантов.

5. Выявлена значимость медиадискурса, как традиционных, так и новых — сетевых медиа, в процессе формирования государственно-гражданской идентичности. Определены типичные технологии воздействия, используемые медиа рассматриваемых государств в контексте осуществления данного процесса.

Сформулировано общее и особенное в чертах процессуального течения идентификационного процесса государственно-гражданской принадлежности в Российской Федерации, Азербайджанской Республике и Грузинской Республике. Установлено, что в первых двух странах реализована гибридная модель осуществления данного процесса, предполагающая большее определение содержания медийного контента со стороны властной элиты, а в Грузии конкурентная модель, являющаяся результатом конфликтов власти и оппозиции, препятствующая в условиях низкого уровня политического сознания населения выработке единого идейного концепта государственно-гражданской идентичности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Государственно-гражданская идентичность представляет собой важнейший компонент интегральной характеристики личности, а также ключевое основание обеспечения легитимности власти. В этой связи формирование данного вида идентичности необходимо представлять, как одно из приоритетных направлений внутренней политики государства, которое целесообразно обозначать как политику формирования идентичности. При этом соотношение двух компонентов в рамках государственно-гражданской идентичности следует рассматривать в иерархическом контексте – предпосылкой для формирования гражданской идентичности служит существование устойчивой государственной идентичности, включающей в себя выраженные этнополитический и религиозный компоненты. Образование государственной идентичности в развивающихся странах бывшего СССР приводит к конкуренции двух компонентов идентичности (центробежного и центростремительного характера), что дестабилизирует общественно-политическую обстановку, создает условия для возникновения острых социальных конфликтов. Образование государственно-гражданской идентичности происходит в контексте влияния содержания и аксиологической основы той или иной политической идеологии, которая в силу того, что разделяется правящей политической элитой претендует на статус государственной.

2. Формирование государственно-гражданской идентичности в рамках осуществления политики идентичности предполагает два последовательных этапа, обеспечивающих политическую социализацию личности. На первом этапе должно происходить конструирование властной элитой идейных концептов в рамках официального политического дискурса на основе «моделирования истории». На втором этапе обеспечивается интеграция данных концептов в общественное сознание посредством целенаправленного применения технологии медиадискурса, с помощью закрепления определенных стереотипов.

3. Официальный политический дискурс элит России, Азербайджана и Грузии обладает противоречивой характеристикой, обусловленной «генетической зависимостью» от дискурса советского государства. Данное обстоятельство, а также отсутствие устойчивых традиций существования правовой, демократической государственности и гражданского общества в рассматриваемых странах определяют простоту содержания концептов официальных дискурсов, их крайнюю зависимость от личностных характеристик и мировоззренческой позиции значимых представителей властной политической элиты, ритуального характера политической коммуникации, гипертрофированного воздействия на содержание дискурсов разнообразных манипуляторов общественным сознанием – имиджмейкеров, политтехнологов, политических консультантов, которые становятся «соредакторами», «разработчиками» конструируемой идентичности. Анализ официальных дискурсов рассматриваемых стран позволяет выявить сходства и различия в содержании базовых идейных концептов, используемых в настоящее время для формирования государственно-гражданской идентичности. Сходство определяется политическими технологиями их формирования. Первоочередное значение имеет типовая технология конструирования государственной идентичности, преимущественно, на основе этнической. Данная технология получает практическую реализацию в рамках официальных речей и концептуальных посланий первых лиц государств, в первую очередь, президентов.

Кроме того, существенное значение приобретает технология конструирования государственно-гражданской идентичности посредством формирования совокупности политически значимых символов в рамках политической культуры рассматриваемых государств. Различия определены содержанием данных идейных концептов. Для России и Азербайджана характерна эволюция от классических либеральных ценностей западной цивилизации к умеренным национал-патриотическим (консервативным) идеологемам, основанным на представлении об уникальности «социокультурного кода». Для Грузии имеет место конкуренция национал-патриотического и евроатлантического идейного концепта при последовательном усилении влияния второго.

4. В России, Азербайджане и Грузии и используют технологии медиа-дискурса преимущественно трех основных видов: технологии, обеспечивающие формирование в структуре массового сознания новых представлений, норм, ценностей и категорий, отражающих параметры перспективной государственно-гражданской идентичности; технологии, обеспечивающие достижение направленного изменения содержания и правил взаимодействия между ведущими акторами внутривнутриполитического процесса; технологии, позволяющие осуществлять манипулирование поведением общественных масс. В России и Азербайджане реализована гибридная модель формирования государственно-гражданской идентичности, предполагающая безусловную гегемонию властной элиты в определении содержания медийного контента, а в Грузии конкурентная модель, в результате конфликтов власти и оппозиции, препятствующая в условиях низкого уровня политического сознания населения выработке единого идейного концепта государственно-гражданской идентичности. В силу различных обстоятельств наиболее влиятельные СМИ («Взгляд», «РИА Новости», «Лента ру», «Грузия онлайн», «Спутник Джорджия», «Вести AZ», «Медиа AZ» и др.) в рассматриваемых государствах в большинстве своем являются проводниками идеологического дискурса элит. Это обусловлено, в первую очередь,

экономическими факторами. Очевидно, что большинство СМИ в рассматриваемых странах не имеет возможности нормально функционировать без финансовой поддержки властной политической элиты, осуществляемой различными способами. В этой связи медиа дискурс имеет вспомогательное значение для формирования государственно-гражданской идентичности. Содержательно медиадискурс в рассматриваемых странах реализуется, как правило, в унисон официальному, способствуя внедрению в общественное сознание аналогичных идейных концептов с использованием таких политических технологий как конструирование исторических мифов, сознательное искажение исторического процесса, ритуализация практик прославления значимых с точки зрения современной политической конъюнктуры исторических фактов и событий, использование образов врага и идеализация личности «лидера нации».

5. Процесс формирования государственно-гражданской идентичности в России, Азербайджане и Грузии находится на разных стадиях своего развития и далек от своего конечного концептуального оформления, выраженного в обеспечении ее устойчивости. При этом ключевым фактором, обеспечивающим достижение такого результата, является формирование устойчивого концепта интегрированной с обществом государственной идеологии, влияние которого позволит сформировать в структуре политической культуры значимые для утверждения государственно-гражданской идентичности символы.

Теоретическая значимость работы заключается в осуществлении комплексного анализа методологии процесса формирования государственно-гражданской идентичности в России, Азербайджане и Грузии. В данном контексте сделаны выводы о специфике применения политических технологий для повышения его эффективности. Основные выводы представленного исследования могут быть использованы для дальнейшего исследования влияния деятельности ключевых акторов внутривнутриполитического процесса на политическое мировоззрение граждан конкретного государства, а также для изучения взаимосвязей и

соотношения государственной и гражданской идентичности в качестве отдельных видов социальной идентичности личности.

Практическая значимость работы выражается в возможности использования основных положений и выводов проведенного исследования для разработки концепции информационной политики, эффективного политического менеджмента, необходимых для формирования устойчивой государственно-гражданской идентичности, выступающей в качестве ключевого фактора обеспечения внутривнутриполитической стабильности и социальной консолидации в России, Азербайджане и Грузии. Кроме того, материалы представленного исследования могут быть использованы в образовательном процессе для формирования общих и специальных курсов по политологии.

Апробация исследования.

Ключевые положения и заключения по тематике проведенного исследования, изложены в десяти научных статьях соискателя, как в русскоязычных, так и англоязычных, как авторских, так и в соавторстве. Материалы опубликованы в научных и научно-практических журналах, в том числе в рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации – семь. Кроме того, исследование, на разных этапах, прошло апробацию в материалах докладов автора на международных и всероссийских конференциях:

- VIII Всероссийский конгресс политологов РАПН с международным участием «Политика развития, государство и мировой порядок». Москва, декабрь 2018,
- Международная научно-практическая конференция «АСТАНА- город мира», Казахстан, Астана, июнь 2018,
- Всероссийская научная конференция РАПН с международным участием «Траектории политического развития России: Институты, проекты, акторы». Москва, декабрь 2019 г.

– Всероссийская научная конференция с международным участием «Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы», ноябрь РАПН 2020 г.

Структура диссертационной работы обусловлена поставленными целями, задачами и особенностями применяемой методологии. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на шесть параграфов, заключения, списка литературы и двух приложений.

Глава 1. Теоретические основы исследования государственно-гражданской идентичности

1.1. Операционализация понятия государственно-гражданской идентичности

Одной из важных обществоведческих проблем на современном этапе является вопрос о взаимоотношениях личности, общества в целом и государства как ведущей политической организации общества. В контексте осуществления данных процессов личность выступает в различных ипостасях – как в качестве пассивного управляемого объекта, так и в статусе субъекта, активного созидателя, деятельностного конструктора социального пространства, в рамках которого политическая организация общества выступает как одно из оснований социального взаимодействия.

Несмотря на то, что эта проблема находит различное решение в рамках предмета той или иной общественной науки, можно говорить о существовании универсальной научной категории, определяющей и характеризующей данную взаимосвязь. В таком качестве следует рассматривать идентичность.

Р. Брубейкер говоря об идентичности, акцентировал внимание на существующей многовариативности толкований и отсутствия своего рода рамок, что приводит к тому, что употребление термина «идентичность» требует от автора непрямого объяснения ее смысла и границ применения¹.

Идентичность используется для констатации различных типов социальных взаимосвязей. В контексте характеристики предмета исследования настоящей

¹Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами "идентичности" Brubaker R., Cooper F. beyond identity // theory A. society. - Dordrecht, 2000. Vol. 29, n 1. - P. 1-47 // Полит. наука. 2005. №3. [Электронный ресурс]- Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/brubeyker-r-kuper-f-za-predelami-identichnosti-brubaker-r-cooper-f-beyond-identity-theory-a-society-dordrecht-2000-vol-29-n-1-p-1-47> (дата обращения: 12.09.2020).

работы целесообразно использовать понятие «государственно-гражданская идентичность», поскольку, на наш взгляд, оно в наибольшей степени отражает сущность и содержание взаимосвязи государства и отдельной личности, а также первичных и вторичных социальных групп, образованных ими и, в конечном счете, общества в целом.

Прежде чем анализировать возможности операционного использования понятия «государственно-гражданская» идентичность для описания содержания конкретных социально-политических процессов, целесообразно охарактеризовать современные научные подходы к определению содержания категории «идентичность» и его конкретизации в рамках видовой классификации, обусловленной воздействием социально-политических процессов, а именно – государственно-гражданской идентичности.

В первую очередь, следует отметить, что категория «идентичность» представляет собой одну из самых сложных и многоаспектных категорий современной общественной науки, прежде всего, социологической.

Как справедливо указывают отечественные авторы научно-исследовательской работы Исследовательской группы Циркон, посвященной текущему состоянию научного анализа этой категории, данный факт обусловлен несколькими причинами:

- отсутствием у данной категории четко определенного предметного содержания;
- различиями в правилах порождения различных дискурсов идентичности в зависимости от того, кто, кого, с чем и ради кого и чего идентифицирует (отождествляет);

- ввиду различий в прагматике порождаемых дискурсов идентичности; в упрощенном виде следует различать, как минимум, разговор-описание того, что есть, и разговор-изменение того, что есть¹.

При этом сложности в практическом использовании категории «идентичность» объясняются, по мнению исследователей, наличием «как минимум четырех «смысловых валентностей», определяющих сущностные характеристики данной категории, а именно:

- идентификатора — того, кто идентифицирует, отождествляет;
- объекта идентификации — кого идентифицируют, отождествляют с референтом;
- референта — то, с чем идентифицируется, отождествляется объект;
- наблюдателя — для кого производится идентификация, на кого ориентирован, кому адресован акт идентификации»².

Естественно, что данные обстоятельства определяют имеющуюся многовекторность категории «идентичности», а, следовательно, – сложности при ее операционализации.

В настоящей работе при характеристике представлений о сущности категории «идентичность» используется комплексный критерий. Иначе говоря, обращается внимание на наиболее важные с нашей точки зрения оригинальные представления по проблеме выявления сущности идентичности, принадлежащие представителям различных общественных наук с учетом их специфики представляемых ими научных направлений. Хронологический критерий, на наш взгляд, имеет меньшее значение, поскольку идентичность стала восприниматься в качестве предмета исследования преимущественно со второй половине XX в.,

¹См.: Состояние и перспективы развития российской гражданской идентичности. Обзор научных исследований и публикаций 2010 – 2015 гг. Отчет по результатам научно-исследовательской работы. – Исследовательская группа Циркон. 2015. [Электронный ресурс]- Режим доступа: http://www.zircon.ru/upload/iblock/c9b/Civil_Identity.pdf (дата обращения: 20.01.2020).

²Там же.

когда ее изучение превратилось в важный исследовательский тренд общественных наук.

В рамках философской мысли онтологическая сущность идентичности определяется как «конструирование» смыслового содержания связей между реальным миром и человеческим сознанием. По утверждению Д. Юма, процессы конструирования смысла в рамках идентичности определяются такими внешними выражениями социальности как имя, репутация, слава¹.

«Подлинная бездна смысла», в трактовке Э. Гуссерля, которая занимает пространство, отделяющее сознание от реальной действительности, как раз и является той субстанцией, которая определяет широту пространства для идентичности и возможностей ее развития².

В рамках философской мысли категория «идентичность», как правило, используется для характеристики субъективной реальности, рассматриваемой в контексте многообразных практик социального взаимодействия, порожденных конкретной социальной реальностью объективного свойства. Естественно, что такое специфическое представление об идентичности, не может служить основанием для операционализации данной категории.

Более концептуальное и предметное рассмотрение проблемы идентичности получило развитие в исследованиях психолога и социолога, Дж. Мида, которое мы проанализируем ниже.

Дж. Мид рассматривал сущность категории «идентичность» через призму символических аспектов социальных взаимодействий. Идентичность, будучи сознаваемой, не исключает наличия несознаваемой ее категории, которая зиждется на бессознательном принятии норм, привычек, и набора ожиданий, транслируемых социальной группой принадлежности индивида³.

¹Юм Д. О тождестве личности // Юм Д. О человеческой природе.-СПб.: Азбука. 2001. С. 297-407.

²Гуссерль Э. Картезианские размышления. М.: Идея-Пресс. 2001. - С. 115.

³ Mead G. H. The philosophy of the act. Chicago. 1950 – 632 p.; Mead G. H. The social psychology. – Chicago. 1956- 228 p.

Рассматривая идентичность в качестве синонима «Я», исследователь понимал сущность данной категории в качестве особой способности индивида к восприятию своей жизнедеятельности как единого целостного комплекса, реализованной посредством когнитивных процессов, в первую очередь, рефлексии. Результатом реализации такой способности, является, предвосхищение, «восприятие» социальных установок партнеров по социальной группе, иначе говоря, восприятие себя с позиции партнера, принятие его «социальной роли».

Кроме того, идентичность следует воспринимать в качестве способности личности осуществлять комплексную оценку своих действий и поведения, на основе которой происходит синтез отдельных сторон рефлексивного Я и последовательно формируется образ собственной личности – ее «самость»¹.

В таком качестве идентичность определяет баланс импульсивного, внутриспсихического и социального в структуре конкретной личности в силу чего ее необходимо рассматривать в качестве ключевого условия социализации личности. При этом идентичность представляет собой исключительно социальный продукт, образованный вследствие осуществления социального взаимодействия².

Таким образом, можно сказать, что идентичность обладает сложной структурой, в рамках которой можно выделить два взаимосвязанных уровня – рациональный и иррациональный. Наличие этих уровней отражает устойчивые взаимосвязи, существующие в процессе перехода от неосознанно принимаемых индивидом ценностей и норм к осознанному отношению к себе и своим действиям.

Ключевым механизмом возникновения идентичности является, символические категории, продуцируемые языковыми средствами. На их

¹Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. - СПб.: Алетейя. 2000. - С. 41.

²Хачатрян, Л.В. Основные подходы к осмыслению феномена идентичности // Манускрипт. 2019. №7. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-osmysleniyu-fenomena-identichnosti> (дата обращения: 29.06.2021).

основании индивид не только определяет целеполагание собственной деятельности, но и формирует содержание собственной идентичности в условиях конкретизации обществом норм и законов своего существования. В итоге формируются два аспекта идентичности «Я» и «Мы». В результате соотношения этих двух аспектов идентичности появляется феномен «обобщенного другого в конкретном индивиде». Иначе говоря, в процессе формирования идентичности конкретный индивид стремится достичь своего развития в условиях гармоничной связи с окружающим социумом. В этом смысле негативное воздействие социальных факторов может повлиять на формирование противоречивого поведения индивида¹.

Оригинальную теорию понимания идентичности предложил И. Гофман. В ее основе находились концептуальные выводы теории Дж. Мида. Результатом такой интерпретации стала «драматическая теория» идентичности. Центральным элементом концепции И. Гофмана явилось понятие «порядок взаимодействия», характеризующее особую реальность, возникающую при непосредственном взаимодействии (физическом присутствии) личностей между собой. Сам «порядок взаимодействия» в своем практическом проявлении, по мысли ученого, имел много общего с актами театральных представлений. Соответственно, в таком взаимодействии конкретные личности могут либо успешно себя проявлять, либо терпеть провал. Последний вариант развития событий следует рассматривать в качестве главной угрозы процессу социального взаимодействия².

Вышеуказанная аналогия, проводимая ученым, позволяла ему формулировать сущность категории «идентичность» в качестве многогранного явления. В связи с этим И. Гофман выделял:

¹См.: Mead G. H. Mind, self and Society. - Chicago. 1934. - P. 26.

² Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. - М.: Канон-пресс-Ц : Кучков поле. 2000. - 302 с.

- социальную идентичность, представляющую собой типизацию конкретной личности в представлениях других членов группы на основе атрибутивных характеристик общности социальной принадлежности;
- личную идентичность, раскрывающуюся через уникальные признаки, определяемые уникальной комбинацией элементов субъективного жизненного опыта¹;
- «Я» идентичность, в качестве субъективного ощущения своеобразия жизнедеятельности конкретной личности.

При этом, по мысли И.Гофмана, наибольшую смысловую и функциональную нагрузку в контексте развития социологического знания несет социальная идентичность, состоящая из множества личных идентичностей, которые ученый по аналогии с театральным представлением воспринимал в качестве актерских «масок», определяющих содержание поведения конкретной личности и одновременно «угнетающих» Я-идентичность человека.

Другими словами, И. Гофман выразил, с нашей точки зрения, совершенно правильный тезис о том, что тотальный контроль социокультурных дефиниций человеческого сознания, ставит индивид перед фактом, необходимости имитировать возможные модели своего поведения в социуме, «проигрывать» возможные сценарии жизнедеятельности, в установлений принуждает человека постоянно проигрывать роли, в транскрипции рамочных установок, планировать процесс принятия, новых для него порядков как привычку, естественно и непринужденно, входящую в его сознание данность².

¹ Жигунова Г. В. Социальная идентичность лиц с инвалидностью. В мире научных открытий. 2011. № 5-1 (17). - С. 484-490.

²Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. - М.: Канон-пресс-Ц.: Кучково поле. 2000. - С. 123-124.

Соответственно, генезис идентичности объяснялся фактом существования конкретного общества, наличием социального взаимодействия в нем¹. Экстернализация и интернализация в поле границ реального социума- являются ключевыми процессами при формировании личностной идентичности.

Результатом перечисленных особенностей процесса формирования идентичности является операционализация данной категории как конструкции социальной реальности, причисления индивида к общности, при условии его активной позиции в отношении общности и непосредственном участии ее в жизнедеятельности. Такой характер взаимоотношений социума и личности, дает стимул к индивидуальному ее развитию, и стимулирует преобразования его функционирования в нем².

Иначе говоря, идентичность в теории Гофмана представляется в качестве ключевого «динамического компонента», обеспечивающего направленные изменения социальной реальности. В этом смысле значение объективного компонента идентичности абсолютизировалось.

Обращался к анализу категории «идентичность» в своих работах классик западной социологической науки Давид Эмиль Дюркгейм. Предметом его научных интересов было, в том числе, исследование аспектов, формирующих идентичность личности в социуме, и результатов воздействия на нее различных социальных групп.

Исследователь, основываясь на данных такого анализа, смог сформулировать теорию «трансляции социальных идентичностей», положения которой, подводят к пониманию сути, и этапов формирования концепта «социальная сущность индивида».

¹Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. - М.: Academia-Центр; Медиум. 1995. - С. 281.

² Там же.

По мысли Э. Дюркгейма, данный атрибут личности выражается в индивидуальном восприятии феномена «надындивидуального», формируется в результате ее идентификации в рамках определенной социальной группы, и показывает степень интеграции, посредством трансляции групповых моральных, нормативных, религиозных и прочих ценностей социума, которые передаются из поколения в поколение. В целях определения принадлежности индивида к социуму были введены индикаторы - индивидуально ориентированные ценности и нормы.

Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что в широкий научный оборот понятие «идентичность» ввел один из классиков западной социальной психологии Э. Эриксон, характеризуя специфическое состояние субъективного бытия, которое он назвал «кризис идентичности». По мнению исследователя, идентичность представляет собой сложное, многоуровневое понятие, определяемое особенностями человеческого субъективного бытия, а именно – наличием в его структуре трех взаимосвязанных составляющих индивидуального, социального и личностного свойства.

Решающее значение для процесса формирования идентичности, по мнению Эриксона, имеют психологические механизмы. В этой связи ученый отмечает: «С точки зрения психологии формирование идентичности предполагает процесс одновременного отражения и наблюдения, процесс, протекающий на всех уровнях психической деятельности, посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждения о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него»¹.

¹Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. - М.: Прогресс. 1996.- С. 31.

При этом в рамках каждой из указанных составляющих определяются локальные смыслы идентичности конкретного человека, которые в совокупности образуют целостное смысловое наполнение данной категории.

Так, на первом уровне, уровне индивида, он определяет идентичность через понимание собственных временных рамок, в которых индивид представляется некой постоянной величиной, что дает возможность осознавать самого себя как человека с определенной внешностью, темпераментом и способностями, с прошлым, которое ему принадлежит, и с устремлениями в будущее. Со второй, личностной точки зрения, идентичность есть восприятие себя как уникальной данности, осознание неповторимости своего жизненного опыта, установление для себя особой общности с самим собой. Э. Эриксон определяет такое строение идентичности как итог процесса скрытого самосинтеза, как особый вид интеграции самости, которая формируется из наших детских представлений, но она намного шире, нежели результат их простого суммирования. Этот актор идентичности, представляет собой «осознанный личностью опыт собственной способности интегрировать все идентификации с влечениями *libido*, с умственными способностями, приобретенными в деятельности и с благоприятными возможностями, предлагаемыми социальными ролями».

Третья идентификационная ступень, по мнению исследователя, выглядит как построение личностного микромира, который является показателем внутренней общности индивида со средой, его солидарности с групповыми идеалами и нормами, тем самым способствуя его самокатегоризации. Эту форму он определяет социальной идентичностью¹.

Подчеркивая сложный и комплексный характер категории «идентичность», Э. Эриксон определил ее отдельные смыслы применительно к социологическому знанию, а именно:

¹Эриксон Э. Детство и общество / пер. с англ. Обнинск. 1993. - 196 с.; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. - М.: Прогресс. 1996. - 344 с.

- осознание своей физической сущности как личности в окружении себе подобных, но качественно других, в своей общественно-культурной среде, видение своей особенности и неповторимости;

- ощущение своего «Я» как чего-то цельного, как самодостаточной личности с собственной, текущей единой полосой истории жизни;

- идентификация, в первую очередь, с самим собой, познание себя в различных сферах социального опыта, и осознание собственной принадлежности к различным общностям определенных социальных свойств.

- выявление значимой характеристики индивидуума для проведения конкретного исследования, такого как «профессиональная идентичность»¹;

- мыслительная деятельность о современном обществе и индивидуумах в нем².

Э. Эриксону принадлежит важнейший с точки зрения методологии операционализации понятия «идентичность» вывод о том, что формирование идентичности представляет собой процесс имманентной социализации личности, практическим результатом которого является хронологическая преемственность содержания идентичностей отдельных личностей, на основе которых возникает идентичность общности.

Итак, по Эриксону, идентичность -это сложная и многогранная сущность, определяющая способность человека вести эффективную жизнедеятельность, с одной стороны, и обобщенная характеристика психосоциального состояния человека, степени его уравновешенности и сбалансированности.

С точки зрения операционализации данного понятия решающее значение имеет вывод Эриксона о том, что идентичность проявляется в восприятии индивидом своей принадлежности к той или иной группе социума, в контексте

¹Жигунова Г. В. Социальная идентичность лиц с инвалидностью. В мире научных открытий. 2011. № 5-1 (17). -С. 484-490.

²Erikson E.H. Life history and historical moment. - New York: Norton. 1975.- P. 18-19.

наличествующего социального статуса, комплекса социальных связей, реализуемых социальных ролей и эмоциональных переживаний, возникающих в данной связи.

Существенный вклад в разработку проблематики идентичности внесли П. Бергер и Т. Лукман, которые рассматривали данный феномен как частную предпосылку социализации личности. В таком качестве идентичность рассматривалась в качестве средства социального конструирования реальности, а ее сущность анализировалась в едином синонимичном ряду с такими категориями психологической науки как «Я-концепция», «образ Я». В таком качестве «идентичность» представлялась ученым в качестве устойчивого, неизменного и субъективного целостного образа самого себя. Но, видится необходимым, уточнить, что не каждая самоидентификация, отражает идентичность, поскольку, она (идентичность), по сути своей, есть «целостная иерархическая система, которая основывается на нескольких базовых принципах и относительно которой одни факты биографии выступают более значимыми, нежели другие. Обретение идентичности проходит в контексте специфической социальной структуры»¹.

Как справедливо отмечает О.Ю. Малинова: «Следствием теоретических и эмпирических исследований конструктивистов явилось постепенно утверждающееся в научном дискурсе представление о том, что «идентичность» — вовсе не «цельная и истинная» сущность, а нечто неоднозначное, подвижное, множественное, зависящее от контекста. Вопреки привычному семантическому репертуару, в аналитическом смысле данное понятие отнюдь не указывает на некое стабильное ядро»².

¹Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии сознания. - М.: 1995. - 323 с.

²Млинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности // Полит. наука. 2005. №3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-politiki-i-diskurs-ob-identichnosti> (дата обращения: 12.09.2020).

Еще один классик западной социологической науки Т. Парсонс, разработал понятие «индивидуальная идентичность». Данное понятие ученый рассматривал в качестве ключевой характеристики конкретной личности и понимал под ней систему кодов, выполняющих роль символизации социальных действий конкретной личности. В таком качестве следовало рассматривать язык, идеалы, ценности. Руководствуясь данным выводом, Т. Парсонс, категорию «идентичность», представлял, не как состояние индивида, а скорее, как его, концептуальную структурную особенность, поскольку рассматривал это понятие через призму таких характеристик, как «положение и значимости личности в социуме», уровня его осознания и понимания аспекта «норма», и «общественная роль», а так же знания акторов системы ее жизнедеятельности, и степени их влияния на личность¹.

Также необходимо отметить и концепцию идентичности А. Кардинера, базирующуюся на выяснении связей, существующих между идентичностью конкретной личности и культурой социума².

Исходя из данной концепции, основой развития личности, является базовая личностная организация, становление которой, обусловлено массивом и характером социальных практик, присущих социокультурной системе определенной общности, а идентичность следует рассматривать в качестве базовой характеристики личности, определяющей наличие устойчивых взаимосвязей между ней и той или иной культурой.

Таким образом, в рамках зарубежной социально-психологической науки ключевой проблемой, решаемой при операционализации понятия «идентичность», является выявление соотношения субъективных и объективных компонентов в содержательной структуре данной категории.

¹Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс. 1998. - 270 с.

²Kardiner A. My Analysis with Freud. Reminiscences by A. Kardiner, -M.D. - N. Y. : W. W. Norton & Co., Inc.. 1977.-123p.

Во второй половине XX в. окончательно сформировались две альтернативные точки зрения по данному вопросу, которые разделяют представители различных исследовательских направлений в социологической теории. В первом случае идентичность определяется как образ восприятия человеком себя через идентификацию с определенными социальными группами. По мнению исследователей, это результат ассимиляции общества, и одновременно, модель усвоения некоторых существующих в обществе типичных смыслов. Во втором, идентичность рассматривается как результат самоконструирования представлений человека о себе в целом, его самовидение, подверженное влиянию социальной среды, преимущественного внешнего воздействия. Данный образ обладает значительной устойчивостью. Во всех жизненных ситуациях человек реализует себя через понятие идентичности, то есть ассоциирует себя с определенной социальной группой, которая остается практически неизменной.

Вместе с тем, еще одно достаточно важное значение для понимания сущности идентичности имеют научные представления о ее генезисе. Автор полагает, что наиболее перспективным при объяснении данного вопроса является дискурсивный подход. Видными представителями данного подхода в современной зарубежной науке являются Б. Бенвелл, Э. Эриксон, Х. Тэшфел, Дж. Тернер, Д. Макадамс и др.¹

Рассмотрим основные принципы данного подхода. Исходной установкой дискурс-анализа в данном контексте является ориентация на «перемещение» идентичности из области приватного, субъективного в область объективно-социального. Иначе говоря, методология дискурс-анализа акцентирует свое

¹Benwell B., Stokoe E. Discourse and identity. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2006.; Erikson E.H. Identity: Youth and crisis. - N.Y.: Norton. 1968; Tajfel H. Social categorization, social identity and social comparison // Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations / Ed. by H. Tajfel. N.Y.: Academic Press. 1978. P. 61—76; Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // The social psychology of intergroup relations / Ed. by W.G. Austin, S. Worchel. Monterey (CA): Brooks/Cole. 1979. - P. 33—47.

внимание на системе социальных взаимодействий конкретной личности. В связи с этим социальная структура конкретной личности исследуется исключительно в контексте разнообразных социальных практик, формирующих ее идентичность.

Вторым принципом дискурсивного подхода к анализу идентичности является утверждение о том, что применение четко определенных категорий должно являться строго ограниченным ввиду повышенных лабильности и динамизма предмета исследования, а следовательно – постоянного изменения результирующих социальных действий.

В связи с этим образование новых категорий для обозначения идентичности следует рассматривать как процесс создания новых лингвистических способов самоописания и самоопределения тех или иных социальных структур и отдельных личностей. Поэтому процесс и результат социальной категоризации следует представлять в качестве способа активной языковой символизации социальных представлений. В этой связи конкретные социальные идентичности в рамках дискурса - анализа всегда рассматриваются исключительно как принятые, выполненные и воплощенные с помощью разнообразных языковых и внеязыковых средств.

Третий принцип дискурса - анализа социальных идентичностей заключается в констатации относительности (релевантности) социальной принадлежности субъекта. В соответствии с данным принципом для каждого социального субъекта существует большое количество разнообразных альтернативных вариантов категоризации самого себя и других членов социальной общности. При этом в каждом конкретном случае субъект подбирает наиболее подходящую для себя категорию идентичности. В связи с этим первостепенной задачей исследователя является понимание контекста социального действия, сущности механизма его использования в каждом конкретном случае.

Понимание идентичности как фактора размежевания организаций из людей, осознавших свою особую групповую идентичность, определенных

социальных групп, рассматривается в рамках теоретического подхода Липсета-Роккана¹.

Отечественная социальная и психологическая наука при определении содержания категории «идентичность» оперирует и развивает идеи вышерассмотренных концепций западноевропейских ученых. Наибольший вклад в разработку проблематики идентичности, на наш взгляд, внесли такие отечественные исследователи как М. К. Горшков, Л. М. Дробижева, О.Ю. Малинова, Е. В. Морозова, О. В. Попова, И. С. Семененко, В. А. Тишков и др.²

С точки зрения В. А. Тишкова операционализировать содержание категории «идентичность» целесообразно в сравнении с такой психосоциальной характеристикой личности как самосознание. Идентичность, по Тишкову, выражается на эмоционально-чувственном уровне как переживание индивидом своей принадлежности к определенной социальной общности, либо культурному типу. В этой связи можно говорить о наличии у конкретной личности целого спектра идентичностей, количество которых увеличивается пропорционально развитию процесса социализации и формирования все большего количества социальных взаимосвязей. Их качественная специфика выступает в качестве критерия видового разнообразия идентичностей.

¹Lipset S., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignment // Party Systems and Voter Alignments. - New York: Free Press. 1967. - 64 p.

² Государство в политической науке и социальной реальности XXI века. Колл. монография / Под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пантина / ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Весь Мир». 2020 – 384 с. ; Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политической идентичности в России: от 1990-х к 2000-м годам// Полис. Политические исследования. 2016. № 6. - С.139-158; Семененко И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности//Полис. Политические исследования. 2008. № 5.- С. 7-18

По мнению Тишкова, определяющее значение для личности в современном глобализированном мире имеет государственно-гражданская идентичность при одновременном нивелировании роли этнической¹.

Л. М. Дробижева определяет сущность идентичности в большей мере социальными факторами, где принципиальное значение имеет характер социальной общности, к которой себя причисляет личность. В связи с этим, идентичность состоит из двух компонентов: существующих представлений о своей группе - нашего образа – «образа «мы», и его эмоционального восприятия, которое формирует поведение индивидуумов и общностей, что отражается в нормативно-регулирующем компоненте идентичности. Человек ассоциирует себя с широким спектром групп, аккумулирует представления о них, а они, в свою очередь, уже формируют содержание личностной и групповой идентичности, характерной для каждой из групп².

М. К. Горшков абсолютизирует социальную сущность идентичности. Он воспринимает ее как основную, исторически сложившуюся идею, в парадигме которой функционирует общность, и именно она, по его мнению, отражает природу народа, природу государства, статус, роли и задачи нации на заданном этапе, а так же эталонные формы ее бытия во всемирной истории. Таким образом, идентичность рассматривается вне контекста наличия психоэмоциональной связи с конкретной личностью, что, как представляется, не отражает специфики содержания данной категории³.

Таким образом, в рамках социологической и психологической наук идентичность определяется в качестве системообразующей категории,

¹Тишков В. А. Старые и новые идентичности. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/obrazy_rossii/starie-i-novie-i.html (дата обращения: 25.01.2020).

²Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. - М.: Институт социологии РАН. 2003. - С. 336.

³Горшков М. К. Модернизационный потенциал идентичности (вместо предисловия) // Россия реформирующаяся. 2013. № 12. - С. 14.

характеризующей личность, а ее потенциал в качестве субъекта социального взаимодействия.

В таком качестве идентичность представляет собой субъективное отношение, личностную мировоззренческую позицию, сформированную в процессе социального взаимодействия. Иными словами, идентичность выражает самоопределение индивида, характеризует его «Я-концепцию» в рамках культурно-исторической обусловленности и детерминации. В конечном счете, идентичность определяет соотношение различных форм бытия: логических социально обусловленных конструкторов и форм их восприятия личностью.

При этом очевидно, что при соотнесении с конкретными формами социального бытия данная категория приобретает типологизирующее и индивидуализирующее значение, иначе говоря, определяет тождественность конкретного субъекта той или иной социальной структуре, подчеркивая уникальные характеристики субъекта. Именно поэтому «общее и универсальное в данной категории заключается в том, что речь во всех этих случаях идет о фиксации одной и той же формы регулярности, порядка – тождественности и самотождественности вещи»¹.

Различные характеристики сочетания социальных и индивидуальных связей, находящихся в структуре идентичности, выступают в качестве ключевых критериев выделения их типологии. Кроме того, имеет значение соотношение субъекта и объектов идентификации. Практическая реализация данных критериев позволяет выделять три основных вида идентичностей, второй из которых можно разделять на подвиды.

Так, в случае, совпадения субъекта и объекта идентификации имеет место самоидентификация, которая воплощается в образе субъекта для субъекта.

¹Тхагапсоев Х. Идентичность как философская категория и мера социального бытия // Философские науки. 2011. № 1. – С. 23

В случае ориентации субъекта на значимого «Другого» (социальную общность, выделяемую на основе какого-либо социально значимого признака) имеет место самопрезентация, которая непременно содержит нормативный компонент; то есть отражает не столько сущее, сколько ситуативно желаемое (не обязательно должное)¹.

В рассматриваемом случае идентичность представляет собой своеобразный «горизонт», где определенный индивид жизнедействует единым концептом, при этом, относиться к нему и воспринимать его, индивид может как угодно, но существовать без него, он не в состоянии².

Иными словами, идентичность данного вида характеризует принадлежность личности к определенной социальной общности. В соответствии с типовыми характеристиками данного вида можно выделять такие ее подвиды как политическую, национальную, идеологическую, этническую, культурную, наконец, государственно-правовую идентичность.

Наконец, в последнем случае имеет место выраженное несовпадение субъекта и объекта идентификации, выражаемые в форме категоризации «Другого». Характеристики данного вида идентичности в современной науке понимаются в рамках процесса стигматизации, то есть искусственного формирования основ для образования той или иной идентичности.

Можно сказать, что категория «идентичность» операционализируется не только как системообразующая категория, но и в качестве чувственно-эмоционального и психологического феномена, отражающего субъективные

¹См.: Состояние и перспективы развития российской гражданской идентичности. Обзор научных исследований и публикаций 2010 – 2015 гг. Отчет по результатам научно-исследовательской работы. – Исследовательская группа Циркон. 2015 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.zircon.ru/upload/iblock/c9b/Civil_Identity.pdf (дата обращения: 20.01.2020).

²Резчикова В. В. Проблема идентичности: философско-антропологический анализ // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. №3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-identichnosti-filosofsko-antropologicheskii-analiz> (дата обращения: 02.04.2021).

переживания, связанные с восприятием социальной реальности, позволяющие структурировать социальную организацию на основе выделения социальных общностей и групп, обладающих индивидуальными характеристиками и свойствами.

При этом констатируется субъективно-объективное содержание идентичности, которое выражается в констатации наличия устойчивой связи между личностью и социальной общностью, воплощенной в ее эмоционально-чувственной сфере, именно она образует мотивировочную основу для осуществления деятельности.

Важно отметить, что категория «идентичность» в настоящее время все чаще начинает использоваться и в рамках *политологического дискурса*. Учитывая его базовые характеристики, политологи апеллируют понятиями «политическая идентичность», «национальная идентичность», «государственно-гражданская идентичность». При этом в качестве объектов идентификации определяются те или иные политически значимые объекты. В этом смысле идентичность в политическом контексте рассматривается в качестве описательной категории, необходимой для отнесения индивидов и социальных групп к «тождественным себе»¹.

Развивая данный тезис, И. С. Семененко рассматривает идентичность как личностное миропонимание человека, осознание своего положения в социуме, через проецирование на себя ценностно-поведенческих маркеров, ролевых функций и общественно значимые действия и культурные показатели функционирования личности в открытой среде, во взаимодействии с институтами, социальными отношениями и процессами. Идентичность в таком контексте выступает как причинно-следственный катализатор конструирования единообразного, коллективного и индивидуального поведенческого действия.

¹Малахов В.С. Идентичность // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль. 2001. Т. 3. – С. 78 – 79.

Исследователь считает, что при условии самостоятельного отнесения себя с «большими сообществами», которые могут быть представлены социальными группами или сообществами (профессиональными, конфессиональными и пр.), и далее, по нарастающей: община, этнос, нация, цивилизация, и происходит сам процесс формирования идентичности¹.

Распространенным в современной политической науке является представление об идентичности как об определенной запрограммированности, человеческого сознания, которая предопределяет его поведенческую модель и действия-восприятия в отношении социума².

Анализ современных политологических исследований идентичности позволяет сделать следующие выводы относительно сущности и характеристик государственно-гражданской идентичности.

Во-первых, с учетом того, что данный вид идентичности формируется на основе отношений и социальных взаимосвязей, складывающихся в политической сфере общественной жизни, допустимо воспринимать в синонимичном ряду категории «политическая идентичность» и «государственно-гражданская» идентичность.

Т.е. «государственно-гражданская» идентичность формируется, по принадлежности к идеологическому конструкту отождествления индивида с государством, разделения «государственных» ценностей, идеологии, общественных нарративов. При этом «государственно-гражданская» идентичность в некоторых случаях вступает в противоречие с «национально-государственной» идентичностью, основывающейся на отождествлении себя с этно-национальной

¹Семененко И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политическая экспертиза: Политекс. 2011. № 2. - С.5-24. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-identichnost-v-kontekste-politiki-identichnosti> (дата обращения: 29.06.2021).

²Мусаев И. М., Гаджиева А. А. Государственно-гражданская политическая идентичность: теория и опыт формирования // Социально-политические науки. 2018. № 1. - С.16.

принадлежностью, традициями, религией, культурой. Можно сказать, что если процесс формирования «государственно-гражданской» идентичности в определенной мере подобен концепции «плавильного котла» (melting pot), то «национально-государственная» идентичность более близка концепту «миска салата» (salad pot).

Во-вторых, мы разделяем мнение И. С. Семененко о том, что сущность политической идентичности следует воспринимать как результат сопоставления индивида с политико-институциональной организацией общности, на базе личностной принадлежности к данному социуму, посредством артикуляции его потребностей, доверительно воспринимаемых им, политическими акторами-субъектами политического процесса, среди которых политические партии, массовые движения, группы интересов и представляющие их структуры и организации гражданского общества. В результате, «политическая идентичность» как сложносоставной конструкт причастности индивида к общности, укореняется в результате, достаточно длительного, и психоэмоционально затруднительного, в большинстве случаев процесса калькирования личностных нарративов идеала развития общности, на идеологические ориентиры и политическое целеполагание политически ориентированных акторов¹.

Но на наш взгляд стоит различать широкое и узкое толкование политической идентичности, где широкое – это понимание принадлежности к государству в целом (Я – гражданин России; я- гражданин Грузии; я -гражданин Азербайджана), узкое- это принадлежность индивида к политической партии, политической идеологии, определенной социальной, или этнической группе.

¹Семененко И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политэкс. 2011.Том 7. №2.- С.5-24. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-identichnost-v-kontekste-politiki-identichnosti> (дата обращения: 29.06.2021).

В-третьих, представляется, что политическая (государственно-гражданская) идентичность в качестве своего единственного объекта идентификации имеет государство в качестве публично-правового образования. Этим она отличается от национальной или этнической идентичности, в рамках которых идентификация личности или социальной группы осуществляется в контексте констатации принадлежности к соответствующей нации или этносу.

В-четвертых, государственно-гражданская идентичность представляет собой сложносоставной феномен, в структуре которого необходимо выделять пассивный и активный компоненты.

Пассивный компонент определен отражением принадлежности к конкретной публично-политической организации общества, формирующейся посредством внешнего властного воздействия на личность.

Существует специфика государственно-гражданской идентичности, т.е. это в первую очередь внешний (по отношению к человеку) конструкт. Восприятие государства определяется принципами, транслируемые социальными институтами, цель которых формирование релевантных знаний об общности территории, равных возможностях, правах и свободах, политике, культуре и государстве. Немаловажное значение при этом, имеет социокультурная деятельность организаций, направленная на сохранение общегражданской культуры, идентификацию граждан со своим государством, их потребности быть его составной частью, образующей целое.

Таким образом, государственно-гражданская идентичность состоит из целого набора компонентов, так например:

- знание государственного развития с исторической и современной точек зрения (когнитивный элемент).
- эмоциональное восприятие своего государства, эмоциональное понимание концепта «Родина», чувственное отношение ко всему сопричастному (эмоционально-оценочный элемент);

- обладание определенным набором норм и ценностей позитивной коннотации, разделяемых всеми гражданами государства (нормативно-ценностный элемент);
- акты демонстрации положений и установок, связанных с позиционированием и восприятием своего положения в стране (поведенческий элемент).

Активный компонент государственно-гражданской идентичности предполагает волевое действие личности, находящее выражение в соотнесении с различными политическими структурами и организациями, выступающими от имени граждан. Такое действие формирует гражданскую идентичность, содержание которой определяется осознанно избранной принадлежностью к конкретной политической организации общества и определенным политическим силам на основании совпадения их целей и идей с политическим мировоззрением личности. Кроме того, государственно-гражданская идентичность включает в себя эмоциональный патриотический аспект, в силу которого индивид настолько соотносит себя с принадлежностью к государству, что готов действовать в его интересах¹.

Достаточно существенное значение имеет и когнитивно-ценностный компонент, характеризующий представления субъекта о нормативно-ценностной системе конкретной общности, ее ресурсах, свойствах своего социального статуса и перспективах его прогрессивного изменения. Данный компонент отражает сущность гражданской составляющей политической идентичности.

Вместе с тем, следует отметить, что ряд современных исследователей выражают сомнения относительно возможности использования категории

¹Состояние и перспективы развития российской гражданской идентичности. Обзор научных исследований и публикаций 2010 – 2015 гг. Отчет по результатам научно-исследовательской работы. – Исследовательская группа Циркон. 2015 [Электронный ресурс]. – http://www.zircon.ru/upload/iblock/c9b/Civil_Identity.pdf (дата обращения: 20.01.2020).

«государственно-гражданская идентичность» для характеристики социального статуса личности.

Так, например, В. С. Малахов обращает внимание на «неуловимость» гражданского общества, и обосновывает это, не только, и не столько аморфностью критериального определения его наличия или отсутствия, а скорее тем, что сама словоупотребительная практика в отношении этого явления, фактически не имеет положительного контекста, а возникает тогда, когда есть необходимость сказать об упадке или деградации, того самого, гражданского общества¹.

По мнению А. Г. Саниной, концепт «государственно-гражданская идентичность» как теоретический конструкт, имеет существенный минус, поскольку, априори, опирается на человеческую потребность выстраивания взаимоотношений индивида с другими членами сообщества, их развитии и активном продвижении. И этот фактор, долгое время рассматривался как естественный и безапелляционный, хотя общемировая действительность рубежа 20-21 вв., не дает оснований полагать, что это утверждение бесспорно и однозначно. Приводя в качестве аргумента определение З. Баумана, она акцентирует внимание на особенности современного общества.

Так, по мнению Баумана, «индивидуализированное» общество современности, прежде всего, характеризуется замкнутостью индивида на собственном «Я», и в этой связи, изменением, а точнее, утратой устойчивости социальных связей, движением в направлении кратковременных, эпизодических, поверхностных межличностных контактов, отсутствием интереса, а порой просто безразличием в отношении других членов сообщества, на фоне человеческой разочарованности в справедливости тезиса о достижении индивидуальных целей общегрупповыми действиями. Отсюда утверждения о «бесполезности общественных действий», их «вредоносности, с точки зрения достижения

¹Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. - С. 43.

благополучия отдельной личности, ее счастливого существования». И как следствие, разрушение политических и социальных ценностных установок, которые, генерируют социально ответственного гражданина, формируют элементы его гражданской идентичности¹.

В. Волков обращает внимание на частную проблему использования категории гражданское общество в русском языке, связанную с ее этимологией. Исследователь отмечает отсутствие семантических и лексикологических параллелей смыслового значения и значения восприятия такого речевого конструкта, как «гражданское общество», поскольку его перевод с языка оригинала, не имеет абсолютно никакого значимого смысла для российского народа, поскольку не имеет исторически корневой принадлежности к нашей стране, а попытки притянуть к этому функциональное трактование, или транспонировать нормативный термин на российское общество и найти в нем, схожие по гражданским обязанностям и правам, структуры - не есть научное обоснование классификации².

Несмотря на отмеченные сложности употребления понятия «государственно-гражданская идентичность», операционализация его необходима в контексте выявления сущностных характеристик и специфики «встраивания» отдельной личности в политический процесс.

При решении данного вопроса нам представляется верной точка зрения И. С. Семененко, которая выделяет два уровня сущностного состава «понятия государственно-гражданской идентичности» микро и макроуровни:

- микроуровень составляет идентификация личности с группой, «гражданина с политической нацией»;

¹Санина А. Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Соис. Социологические исследования. 2012. № 12. - С. 59.

²Volkov V. Obshchestvennost': Russia's Lost Concept of Civil Society // Civil Society in the Baltic Sea Region / Ed. by N. Gotz, J. Hackmann. Aldershot: Ashgate, 2003. – P.63-74.

- макроуровень представляет собой «идентичность государственной общности», т. е., институционализация политической нации, ее общественных институтов и механизмов, поддержание оснований этой институционализации, и как следствие, обеспечение возможности осуществления и реализации прав граждан, посредством тех самых институтов гражданского общества.

Выделяя данный уровень гражданской идентичности, И. С. Семененко развивает идеи Л. М. Дробижевой, дополняя в плане нормативного содержания понятие «государственно-гражданская идентичность», предусматривающий кроме правовой модальности, чувство принадлежности гражданина к государственно-политической общности, наполнено также и эмоциональными смыслами, трансформирующимися в политические действия, т.е. политического самоопределения индивида¹.

Современные исследователи обосновывают потребность акцентирования исследовательского интереса к особым, присущим только самому феномену «государственно-гражданская идентичность», свойств и черт.

К примеру, Т. Водолажская предлагает выделить три основополагающие части - знание, ценности, эмоции:

- наличие усвоенных знаний о социальной группе, понимание идентификации с ней;
- присутствие оценочного мнения и характерного (положительного или
- осознание степени общности с данной группой, то есть, принятие или отторжение ее основных норм, целей и ценностей, а точнее, обоснование своей позиции, по отношению к данной общности и членства в ней².

¹Семененко И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политэкс. 2011. Том 7. №2. - С. 5-24.

²Шикова Р. Ю. Гражданская идентичность современной молодежи: социокультурный анализ: на примере Республики Адыгея: диссертация кандидата социологических наук. Майкоп. 2010. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru> (Дата обращения: 01.04.2020).

По нашему мнению, структуру государственно-гражданской идентичности необходимо рассматривать в более широком контексте, а именно:

- во-первых, «знаниевой» парадигмой (фундаментальные знания в области исторического формирования и развития, политического формирования и государственной трансформации, социально значимых признаках, особенностях и их причинно-следственных связей;
- во-вторых, специфическая коннотация, то есть, эмоционально-оценочная рефлексия на актуальную политическую повестку, индивидуально обоснованное к ней отношения, готовности и способности транслировать субъективное к ней отношение, аргументируя собственные позиции, подтверждая их фактологически;
- в-третьих, имеет место быть аксиологический компонент, который выражается, за счет личностных характеристик, и высокого уровня политической культуры, в адекватном восприятии социально-политической действительности.

Этими качествами являются, к примеру, толерантность, самоуважение, признание права на свободный и ответственный выбор каждого человека, умение определять влияние общественной жизни на свою собственную, готовность к принятию и анализу явлений общественной жизни; принятие и уважение правовых основ государства и общества, то есть, так называемая «гражданственность».

При этом принципиально важным является решение универсального вопроса о соотношении субъективных и объективных компонентов в структуре государственно-гражданской идентичности.

На практике данный компонент выражается в осуществлении социально-значимых ценностно-рациональных действий. В таком качестве активный компонент государственно-гражданской идентичности реализует ряд важнейших функций, а именно:

- интегративную, позволяющую формировать коллективную политическую ментальность;

- обеспечения содействия самоактуализации и самореализации личности;
- функцию защиты, под которой понимается глубинная потребность человека, быть частью группы, что помогает ему справляться с тревогами и страхами, чувствовать защиту и не ощущать одиночество в противостоянии жизненным трудностям и невзгодам.

Таким образом, мы вправе предположить, что при определении сущности государственно-гражданской идентичности решающее значение имеет все-таки пассивный компонент, выраженный в характеристиках конкретного объекта идентификации.

Вместе с тем ряд ученых подчеркивают решающее значение субъективного компонента.

Например, М. К. Акимова акцентирует внимание на таких составляющих, как, чувство долга, гражданская ответственность за свои действия, поступки и решения, подотчетности нормативно-правовому регламенту общности и др. При этом, весьма важным аспектом остается опора на рефлексивно-критическое отношение к миру, и активной жизненной позиции при соблюдении баланса личных и общественных интересов¹.

В этой связи государственно-гражданская идентичность в большей степени чем остальные разновидности идентичности обладает динамизмом содержания, который определяется ценностными установками конкретной личности. Данное обстоятельство в значительной степени затрудняет реализацию процесса формирования содержания гражданской идентичности в контексте «изначальной заданности».

¹Акимова М.К., Иванова И.И., Персиянцева С.В. Гражданские практики как проявление гражданской идентичности у современной молодежи // Психология и психотехника. 2014. № 11. - С. 23.

Вывод к параграфу

Анализ научных представлений о сущности категории идентичность и государственно-гражданская идентичность позволяет прийти к следующим выводам.

Идентичность следует воспринимать в качестве ключевой социальной характеристики личности. В современной научной мысли можно выделить как минимум два подхода к решению вопроса о содержании данной категории – *эссенциалистский*, связывающий идентичность с такими характеристиками как «самость», непрерывность, идентификация, исключительность и *конструктивистский*, представляющий идентичность как искусственный социальный конструкт, формирующийся под воздействием внешнего властно-политического и внутригруппового социального воздействия. На наш взгляд, при определении сущностного выражения идентичности необходимо сочетать оба подхода. Иначе говоря, личностная идентификация становится результатом внешнего властного воздействия, посредством которого возможна «корректурa» содержательного наполнения идентичности.

Многообразие социальных связей и отношений, являющееся главным атрибутом современного глобального общества, определяет видовое разнообразие и множественность идентичностей. В этой связи следует выделять, например, национальную, государственно-гражданскую (политическую), этническую, территориальную, локально-территориальную идентичность.

Любая идентичность имеет универсальную структуру, состоящую из двух компонентов – *индивидуального и социального*. Первый из них раскрывает тот набор качеств, который дает личности осознание неповторимости, исключительности индивидуальности.

Второй же, представляет собой продукт самосопоставления со своей социальной общностью, ее нормами, правилами, надеждами и чаяниями.

Эти два уровня идентичности неразделимы и одинаково определяют сущность категории. Это связано с тем, что восприятие индивидом самого себя, воспринимается как собственное, неотделимо от идентичности и, в конечном итоге является результатом интернализации социальных норм.

Политическая идентичность имеет узкое и широкое толкование: узкое — это принадлежность к политической партии, политической идеологии, широкое — это принадлежность к такому политическому институту как государству (Я – гражданин Российской Федерации, я - гражданин Республики Грузии; я - гражданин Азербайджанской Республики). В широком смысле политическая идентичность входит в понимание государственно-гражданской идентичности.

Государственно-гражданская идентичность представляет собой наиболее сложную разновидность идентичности, что определяется характеристиками, как ее основы (совокупности социальных связей, формирующихся в политической сфере общественной жизни), так и содержанием социального и индивидуального компонентов, определяющих активно-пассивный характер данного вида идентичности. понятия «государственно-гражданская идентичность», которое представляет собой сложный идеологический конструкт, созданный под влиянием целенаправленного воздействия политической элиты и масс-медиа, зависящий от исторически формировавшихся культурных кодов общества. Это двуединый феномен, сочетающего в себе, во-первых, сознательное самоотождествление граждан с социальной общностью, формирующее «образ мы – народ», а, во-вторых, политические представления, то есть комплексы понятий, утверждений, объяснений и ценностных ориентаций, связанных с институтом государства, его политическим устройством.

1.2. Концептуальные подходы к исследованию политических технологий как к средству формирования государственно-гражданской идентичности

Концептуальный подход мы рассматриваем как комплекс ключевых положений, которые определяют общую направленность исследования, в данном случае, существа политических технологий, которые участвуют в формировании идентичности вообще и государственно-гражданской идентичности, в частности, являющейся предметом нашего исследования.

Итак, очевидно, что государственно-гражданская идентичность представляет собой наряду с другими видами идентичностей одну из ключевых характеристик личности в современном глобальном обществе. В связи с этим актуальность приобретает вопрос о генезисе данного вида идентичности, факторах и детерминантах ее формирования.

Механизм образования гражданско-государственной идентичности предполагает формирование субъективного отношения к политической системе, политическим институтам и процессам и, как следствие, оформление и структурирование политического сознания индивида, осознание им своей функциональной роли и значимости в реалиях политической системы общества.

Поэтому, говоря о формировании государственной идентичности как о результате реализации политики идентичности, видится необходимым отметить его прямые и обратные связи с политическими процессами в общности и характерообразующее влияние особенностей и динамики их изменений, деятельности институтов государства, гражданского общества, и прочих акторов политической жизни общности.

Относительно определения содержательных характеристик процесса формирования государственно-гражданской идентичности в современной политологии присутствует известное разнообразие мнений. Вместе с тем

большинство исследователей рассматривают данный процесс в контексте более глобального явления – осуществления политической социализации личности, под которой понимается усвоение конкретной личностью норм, идеалов, ценностей, ролей и стандартов поведения, соответствующих определенным образам значимых объектов политической сферы¹.

При этом большинство исследователей, анализируя содержание данного процесса, выделяют в нем естественный компонент, определяемый особенностями мировоззрения конкретного индивида и искусственный, обусловленный целенаправленным воздействием на него того или иного актора политического процесса, в первую очередь, государства.

В любом случае содержательно процесс конституирования государственно-гражданской идентичности базируется на соотнесении личности с конкретными акторами, которые воспринимаются человеческим сознанием, как принадлежащие непосредственно к сфере политического. В то же время идет процесс формирования «образа мы», то есть, происходит идентификация индивида с определенной общностью, у которой уже есть собственные мировоззренческие ценности, характерное политическое поведение и определенные идеологические представления. Процесс, как правило происходит через три фазы – первичную социализацию, вторичную социализацию и ресоциализацию².

Первая фаза в возрастной категории от шести до десяти лет, и вторая фаза, в возрастной категории от 14 до 16 лет, происходят посредством воспроизводства характерных особенностей выбранного кумира, имитацию его манеры поведения, речевой стилистики, внешнего образа, подражание своему герою всегда и во всем. Это отличительная особенность этих фаз социализации, причем, имеющая место

¹Попова О. В. Модели идентичности политических акторов в современной России // Полит. наука. 2018. №2. - С. 173-184. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35359387> (дата обращения: 04.04.2021).

²Там же. - С. 184.

быть обязательно, хотя свобода выбора того самого «кумира» вызывает некоторые вопросы.

Можно согласиться с мнением о том, что процесс формирования государственно-гражданской идентичности в рамках политической социализации происходит под воздействием определенной совокупности детерминант.

В своих исследованиях, А. А. Николаева, рассматривает пять ключевых детерминант политической социализации:

- взаимодействие между государством и гражданским обществом
- отличительные черты гражданского законодательства и правовой организации общественной жизни
- уровень интеграции права в порядок общественных отношений, в совокупности с прочими регуляторами социальной жизни
- самореализующийся характер личности, который выражается в ее работе в качестве гражданина, поддерживающего государство в решении «общих» и «частных» дел
- специфика способов, с помощью которых член общества (гражданин) приобретает субъектность через социальную активность, не теряя субъективности¹.

Неотъемлемой составляющей процесса генезиса государственно-гражданской идентичности является значительное внешнее воздействие со стороны властных субъектов – органов государственной власти. В этой связи, очевидны две вещи, во-первых, целенаправленный характер формирования государственно-гражданской идентичности, результатом которого является ее появление в качестве специфического мировоззренческо-поведенческого

¹Николаева А. А. Социальная активность как фактор формирования гражданской идентичности современной российской студенческой молодежи- автореферат и диссертация по социологии. 22. 00. 04 – Орел. 2010. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/sotsialnaya-aktivnost-kak-faktor-formirovaniya-grazhdanskoy-identichnosti-sovremennoy-rossiyskoy-studencheskoy-molodezhi#ixzz6zYxYKNib> (Дата обращения: 12.09.2020)

конструкта, а во-вторых, то, что главным субъектом осуществления данного процесса являются властные структуры – органы государственной власти. Вспомогательное значение имеет также влияние иных акторов внутриполитического процесса, которые реализуют официальный «заказ» правящей политической элиты.

Как было отмечено, государственно-гражданская идентичность формируется в процессе политической социализации. При этом в качестве ее «несущей конструкции», определяющей ее содержания и проявления в политической сфере общественных отношений, целесообразно брать политическую культуру. При чем, политическую культуру не только отдельно взятого индивида, но и политическую культуру всего общества. Понимая «политическую культуру» как одну из составных частей культуры человечества в целом, тем не менее, видится необходимым подчеркнуть, что «политическая культура» отражает, прежде всего политику, политическую деятельность, политическое поведение и политическое сознание.

Проблемы сущности политической культуры первоначально разрабатывались в зарубежной, преимущественно американской, политологической науке. Один из родоначальников данного исследовательского направления Г. Алмонд, трактовал понятие «политическая культура» как область индивидуального восприятия политических смыслов, побуждающих индивида к определенным действиям в сфере политики, тот набор ценностей, который в комплексе, ориентирует его на осмысленную политическую деятельность¹.

В настоящее время существуют различные точки зрения по вопросу сущности политической культуры. Как правило, данный феномен представляется как качественно сформированный и стабильный конструкт, побуждающий личность к сознательной политической активности, при этом на его устойчивость

¹Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. 1994. № 4. – С. 122-134.

оказывают существенное воздействие не только знания и ценности накопленные политическим опытом, но и, изначально заложенные нормы и ценности, принципы восприятия и оценивания как самих политических действий, так и политических институтов¹.

Рассматривая позицию Е. Вятра, можно говорить о том, что «политическая культура» представляет из себя характерный для данной общности порядок властно-гражданских взаимоотношений, на основе комплекса ценностей и норм поведения, принятых в данном социуме. По их мнению, «политическая культура» включает в себя:

- интерес к политике, некий набор базовых знаний о политических событиях, фактах и политических лидерах;
- наличие мнения о способах и методах реализации политики, умение оценить политическую ситуацию, политические факты и факторы;
- чувственное восприятие политики, через положительно-эмоциональное отношение к родине, негативного, а порой и ненавистного отношения к «врагу», или, что тоже, можно отнести в эту группу, полной апатии к политическому и политике;
- наличие эталонного варианта политического поведения, принимаемого всей общностью и устанавливающего нормы и формы приемлемого, неприемлемого и образцового политического поведения².

Другими словами, политическая культура представляет собой совокупность разнообразных проявлений личности в политической сфере и, в связи с этим может выступать в качестве одного из условий развития государственно-гражданской идентичности отдельной личности и общества в целом.

¹См. Арзамасова А.Г. Политическая культура России в контексте формирования политических символов : автореферат дисс.кандидата политических наук : 23.00.02 Казань. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com> (дата обращения: 12.09.2020).

²Вятр Е. Социология политических отношений. - М.: Прогресс. 1979. - 456 с.

Фундаментальным элементом политической культуры в качестве специфического вида духовной культуры является совокупность специфических символов, значимых для формирования политического мировоззрения отдельной личности, которое следует рассматривать в качестве практического результата ее политической социализации.

С учетом вышесказанного, следует согласиться с мнением А. Г. Арзамасовой, которая обосновывает значимость всестороннего исследования политической культуры следующими аспектами:

- во-первых, тем, что она позволяет выявить исторически значимые в контексте формирования государственно-гражданской идентичности константы, объективно детерминирующие данный процесс;
- во-вторых, символы политической культуры позволяют успешно решать огромную политико-воспитательную задачу, в нашем случае – задачу «направленного» формирования государственно-гражданской идентичности в рамках политики идентичности, сущность которой будет рассмотрена ниже;
- в-третьих, символические элементы политики государства, облегчают
- восприятие и осуществление решений по наиболее сложным вопросам политико- правового и социального функционирования государства¹.

Таким образом, развитость государственно-гражданской идентичности, а следовательно – устойчивость существующей политико-правовой системы формируется за счет категории «политическая культура», при чем высокого уровня. С учетом учения о типологии политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы можно сделать вывод о том, что целью государственной политики формирования государственно-гражданской идентичности, в рассматриваемых государствах, является формирование такой политической культуры, при которой

¹Арзамасова А.Г. Политическая культура России в контексте формирования политических символов: автореферат дисс. кандидата политических наук: 23.00.02.- Казань. 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru> (дата обращения: 12.09.2020).

каждый индивид в отдельности, и общество в целом, принимают сознательное и активное участие в политической жизни социума, с ориентацией на основные структуры его политической системы, артикуляцию запросов общества, и предоставление обратной связи, по результатам принятых властью, политических решений. Иными словами, необходимостью реального воплощения в общности «политической культуры участия», так называемой партисипаторной политической культуры.

Очевидно, что содержание политической культуры тесным образом связано с политической идеологией, которая является интеллектуальной и духовной основой любой политической деятельности. В вопросе определения сущности данного феномена мы разделяем мнение А. И. Соловьева, в представлении которого «политическая идеология представляет собой определенную доктрину, оправдывающую притязания той или иной группы лиц на власть (или ее использование), добивающейся в соответствии с этими целями подчинения общественного мнения собственным целям»¹. Представляется, что параметры политической культуры определяются воздействием на нее политической идеологии, разделяемой властной (правлящей) элитой. В таком качестве политическая технология превращается в государственную. При этом механизм такого воздействия реализуется через содержательные характеристики символов, внедряемых в общественное сознание, а его результативность определяется уровнем сформированности и консолидированности государственной идеологии (то есть тем, насколько правящая элита разделяет какие-либо общие политические идеи).

С учетом вышесказанного, можно сделать вывод, что одна из ведущих технологий формирования государственно-гражданской идентичности заключается в конструировании политически значимых символов, так как

¹Соловьев А. И. Политология. Политическая теория, политические технологии. – М.: Аспект-пресс. 2005. - С. 335.

политическая культура общества достаточно сильно зависима от употребления символов, знаков и условных элементов, которые принимаются индивидами на уровне эмоций посредством, как вербальной, так и невербальной коммуникации.

В современной политологии сформировалось мнение о существовании как минимум трех моделей формирования государственно-гражданской идентичности:

- «модель империи», это означает, что социальная стратификация в социуме, безусловно, присутствует, как ключевой компонент его жизнедеятельности, а гарантией ее структуры служит контролируемая государством, «деэтатизация» этничности;
- «модель национального государства», ключевыми ее характеристиками, является та же «деэтатизация» этничности, в добавок к которой, имеет место быть «надэтническая политизация нации»;
- «модель мультинационального государства» выражается в том, что межэтническая интеграция, происходит посредством политизации государства, через призму признания «этнокультурного плюрализма».

Практическая реализация любой из указанных моделей позволяет сделать вывод о том, что формирование государственно-гражданской идентичности осуществляется в рамках отдельного направления государственной политики, которое в современной науке принято определять как политику идентичности.

Данный термин был введен в научный оборот в 1960- 1970- х гг. в контексте развития конструктивистской парадигмы анализа социально-политических изменений, связанных с формированием коллективной идентичности национальной общности. При этом ключевым детерминантом развития конструктивистского подхода к анализу идентичности стал подъем правозащитных движений, преимущественно, массового характера, в протесте против дискриминации отдельных социальных групп.

Изначально, понимание «политики идентичности», трактовалось как трансляция, ущемленными в социальном плане, в плане гражданско-правового

статуса, общностями, объединяющим фактором для которых, служила «нетрадиционная идентичность», то есть принадлежность к особым социальным группам, по признаку расовой, гендерной или этнической эксклюзивности, декларирование ими прав и свобод, требования общегруппового (цельно общностного) признания их легитимности.

Как правило, акторами «политики идентичности», выступали, не существовавшие ранее, социальные движения и группы, интересы которых, состояли в реализации возможности сознательного конструирования коллективной идентичности, в целях достижения, конкретной социальной общностью, тех или иных политических преимуществ, а в конечном итоге, улучшения их положения в иерархической структуре заданного общества (сформированного, например, по национально-территориальному признаку)¹.

Практическим результатом реализации политики идентичности стала консолидация непривилегированных социальных групп, традиционно занимающих аутсайдерские позиции в социальной структуре развитых государств в направлении самоопределения в рамках национального политического сообщества. Такое самоопределение (самоидентификация) получило развитие в контексте противостояния унификационным, централизующим тенденциям развития национальной государственности.

«Консолидированное самоопределение», указанных групп, стало возможным в результате усвоения конкретной личностью разнообразных смыслов, пределов и интенций, которые исходят от политического истеблишмента. На этом этапе, политическая социализация может быть завершена. После того, как индивид «заряжен» теми самыми пределами и смыслами, традициями и мифами общности,

¹Ачкасов В.А. Этнополитическая мобилизация: попытка концептуализации понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2014. №3.- С.81-89. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopoliticheskaya-mobilizatsiya-popytka-kontseptualizatsii-ponyatiya> (дата обращения: 13.08.2020).

социальное взаимодействие переходит в тип практик, которые формируют образ группы в сознании личности, происходит восприятие государства как референтной группы, и собственно идентификация ее ролевого положения внутри нее.

Итак, «политику идентичности» в настоящее время следует рассматривать в качестве ведущего инструмента процесса конструирования коллективной идентичности отдельной социальной группы или сообщества. Предметом такой идентичности может являться масштабная социальная общность (нация), либо конкретная политико-правовая организация и степень участия в ее функционировании.

В качестве основных составляющих политики идентичности следует понимать:

- формирование публичного дискурса нации, государства и гражданственности и их «базовых» характеристик;
- «символическую политику», здесь подразумевается переоценка событийного прошлого, и формулирование новой традиционно-ценностной парадигмы, порой на базе реконструкции прежних эмоционально-чувственных восприятий, как государства, так и гражданственности;
- определение статуса этнических групп в составе единой нации, государства;
- внешнюю репрезентацию нации, государства и гражданина государства, реализуемую во внешнеполитическом процессе¹.

¹Ачкасов В.А. Этнополитическая мобилизация: попытка концептуализации понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2014. №3. - С.81-89. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopoliticheskaya-mobilizatsiya-popytka-kontseptualizatsii-ponyatiya> (дата обращения: 13.08.2020).

Оценивая значение указанных составляющих, следует констатировать, что «политика идентичности» представляет собой не только важнейший инструмент формирования государственно-гражданской идентичности, но и образует базовые основания для функционирования современных государств в контексте относительно бесконфликтных геополитических реалий. В таком качестве «политика идентичности» представляет собой важнейший механизм, обеспечивающий функционирования человеческой цивилизации на современном этапе ее развития.

Методологическую основу политики идентичности образует совокупность политических технологий. Следует отметить, что данный феномен в настоящее время представляет собой один из ключевых трендов, определяющих перспективные направления развития политологического знания.

Изначально являясь производственным, понятие «технология», в гуманитарных науках вообще, и в политологии в частности «прижилось» из-за его переводного значения и закрепилось в сознании научного сообщества, а в последствии, и вошло в широкий речевой оборот как – «искусство», «мастерство», «умение», «понятие», «знание». Этот термин описывает «способы, с помощью которых человек воздействует на объекты материального мира с целью изменения их качеств и придания им других свойств»¹.

Применительно к политической сфере в качестве главного объекта такого воздействия следует воспринимать членов конкретно определенной социально-политической общности, которые представляют собой основную движущую силу политического процесса, участвуя в формировании политических институтов и разнообразных акторов политического процесса (например, политических партий и общественно-политических объединений), а также в реализации различных форм политического участия.

²Демидченко В. В. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды. Власть. 2015. № 12. - С. 140.

В этой связи, видится необходимым, сделать акцент на сущностной составляющей концепта «политические технологии». Поскольку их целевая направленность обеспечивает векторное формирование или коррекцию политического поведения масс, то во главе угла выбора инструментария для их реализации, стоит конкретная цель, конкретные задачи, требующие такого решения, при котором достижение поставленной цели, будет осуществлено в «правильном русле».

Такое воздействие в современной политологической науке определяется через категорию «влияние». Как правило, данное понятие характеризуется как способность конкретного актора политического процесса, удобными ему методами и свойствами способами, формировать нужное направление действий социума, для достижения результата, определенного целями, через восприятие и «правильные оценки» происходящей действительности¹.

Политологи выделяют различные основания осуществления влияния, такие как авторитет власти, насилие, наконец, использование политических технологий. При этом политическое влияние может иметь разнообразные свойства и качества: быть открытым и нет, четко выраженным и завуалированным, реально действенным и профанированным.

При рассмотрении сущности политического влияния большинство политологов констатируют очевидную связь между влиянием и политической властью. В этой связи влияние рассматривается в качестве особой формы реализации политической власти.

Интересна концепция Норберто Боббио. Исследователь, ранжирует власть по трем основаниям. Как то, открытость (или публичность), понятная всем категория, не требующая пояснений. Ее антипод, в данной парадигме - скрытая

¹ Chadwick R. W. Social Justice and the Politics of Democracy, in James C. Hsiung and Chung-ying Cheng, Distribution of Power and Rewards. 1991: University Press of America, Lanham, Md., - P. 63-80.

власть, или «криптоправление». (Практикоприменение этого концепта, свойственно для тайных силовых структур самого государства, и конечно же, для криминальных сообществ и незаконных формирований).

Наиболее интересной, в исследованиях Н. Боббио, предстает третий вариант, который и был основным предметом ее научного интереса, и в этой связи, был исследован максимально детально, это «полускрытая, теневая власть». Сущность этой категории, выражена ученым, как целенаправленное воздействие, (не имеет значение, какими способами), на артикуляцию целей любой, политически ориентированной структуры общности, (будь то ответвление государственной власти, некая группа интересов или давления), формально, или законодательно, не обладающая правом или возможностью, «играть первую скрипку» , либо диктовать условия в процессе принятия важных социально-политических условий, структурами элитарных группировок.

Не менее интересна, в данном контексте, интерпретация этого явления, нашим отечественным исследователем, доктором философских наук, профессором Ледяевым В. Г.

В его видении, «политическое влияние», есть ничто иное, как «вторая форма политической власти», ключевой особенностью которой является возможность достижения, акторами политического процесса властвования, нужного им, в данный момент времени, и в текущей политической ситуации, политического решения, при непосредственном участии в этом процессе представителей чиновничества (государственной службы), с простым объяснением их присутствия в заявленном процессе: «...государственная должность часто становится решающим ресурсом власти (влияния). Она обеспечивает легальный доступ ее носителя в определенные политические сферы и позволяет более

эффективно использовать убеждение, побуждение и авторитет для достижения цели»¹.

В контексте предмета исследования настоящей работы особое значение имеют представления о «мягком влиянии» в качестве особой разновидности политического влияния. Данный термин обосновал американский политолог Дж. Най. По его мнению, «мягкое влияние» представляет собой сочетание силового воздействия и силы «привлекательности», которая имеет в своем составе три компонента: культурный, идеологический и дипломатический. Соответственно, для реализации мягкого влияния необходимы соответствующие политические технологии, содержательно альтернативные силовым средствам и методам².

Результативность работы вновь разработанных политических технологий, обязательно выходит на потребность в приведение в соответствие к текущей ситуации, процесса политического и политико-административного управления, максимального введения в действие таких инструментов и методов, которые будут способствовать продвижению желаемого результатов заведомо нужном русле. То есть, возникает необходимость создать такие условия, при которых действие новых политических технологий, принесет максимально возможные, от ожидаемого идеала, результаты. Важны еще наглядность и формализация явлений, их визуальное представление. Таким образом, можно сделать вывод о том, что политическое влияние определяет содержательный аспект реализации политических технологий.

Разнообразие целевого функционала политических технологий определяет существование большого количества их конкретных видов, которые могут быть квалифицированы по различным критериям.

¹Ледяев В.Г. Политическая власть: концептуальный анализ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2010/04/26/1216731380/Политическая_власть_2009.DOC (дата обращения: 17.05. 2020 г.).

² Nye, J. Soft Power: The Means To Success In World Politics– New York : Public Affairs Group. 2004. – 208 p.

Так, с организационной точки зрения возможно выделять два основных вида политических технологий: технологии, практически независимые от места или времени реализации политической стратегии и ориентированные на тщательный учет и места, и времени.

- По целевой функциональной направленности политические технологии могут быть разделены на три основные группы:

- технологии, задачей которых, является направленная трансформация норм и правил участия в политическом процессе, ее участников и акторов. Такие технологии оказывают выраженное деструктивное воздействие на характеристики внутриполитического процесса;

- технологии, направленные на массовое принятие «новых» нормативов и ценностных ориентировок, для операционализации тех нормативно-ценностных постулатов, которые обосновывают верность и необходимость действий групп, их продвигающих; Несмотря на не благозвучность и двоякий смысл интерпретации, эти технологии, тем не менее, носят конструктивный характер, в применении к некоторой перспективе, и, все же, несмотря ни на что, имеют главенствующее значение в этом вопросе;

- технологии, позволяющие манипулировать поведением общественных масс, которые могут подразделяться на разные по своему характеру и численности целевые группы¹. Такие технологии имеют «оперативно-вспомогательный» характер и могут оказывать как конструктивное, так и деструктивное воздействие на процесс конструирования государственно-гражданской идентичности. Содержательно технологии указанной группы в условиях современного постиндустриального общества определяются спецификой регулированием информационных потоков.

¹ Демидченко, В. В. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды // Власть. 2015. №12. - С.140-142

В этой связи можно согласиться с мнением В. В. Демидченко, который видит классификацию вариантов подобной координации:

- максимально возможное ограничение доступности информационного объема для обывателя;
- неперенное присутствие «массовой пропаганды», то есть трансляция в режиме сенсации, или прорывного успеха, только той части информации, которая напрямую свидетельствует о ее правдивости, все остальное нужно «оставлять за кадром»;
- сознательное «перенасыщения информационного потока» мусорной, но на первый взгляд, интересной и, в некоторой степени значимой (в соответствии с манерой подачи) информации, которая отвлекает социум от, действительно актуальной проблематики и не дает шанса социуму на адекватное ее восприятие;
- намеренная, и в большинстве случаев, бездоказательная дискредитация «неудобного актора», транслируемая, с завидной систематичностью, посредством «навешивания ярлыков», регулярно, но фоновое, подтверждая «достоверность выявленного факта», тем самым, ставя под сомнение, чистоту его намерений и благородство помыслов и действий;
- применение технологии, так называемой, «лингвистической ловушки», когда происходит ненавязчивое принуждение формирования оценочного суждения об объекте манипулирования, посредством «нужной» интерпретации, транслируемых им норм и ценностей, в контексте реальной событийности;
- технология «лингвистической деривации», которая по простому, выводит из социально-гражданского речевого оборота, лексические единицы, определяющие нарратив и функционал некоторых социально-политических понятий, в расчете на фактологию, «нет термина – нет проблемы».
- технология «политической номинации», суть которой, состоит в специальной выборке языковых инструментов, для получения «нужной» реакции социума в целом, и отдельного индивида, в частности.

С точки зрения воздействия на институциональные составляющие политического процесса политические технологии могут быть разделены на:

- политические технологии, связанные с формированием и развитием организационного потенциала политического процесса;
- политические технологии, ориентированные на создания лидерского потенциала в качестве фундаментальной составляющей политической элиты;
- политические технологии, ориентированные на формирование финансового потенциала, необходимого для обеспечения функционирования тех или иных политических структур, выступающих в качестве ведущих акторов политического процесса;
- политические технологии, способствующие созданию и развитию позитивного информационного обеспечения деятельности акторов политического процесса.

Применение политических технологий в контексте формирования государственно-гражданской идентичности осуществляется в рамках процесса политической социализации, которая предполагает обеспечение планомерной «включенности» индивида в политический процесс и сущностно представляет собой видовую разновидность процесса социализации.

При этом исследователи выделяют два «потока» политической социализации – генерализованный (обобщённый) поток социализации, в рамках которого формируется конформистско-консервативная мировоззренческая позиция, обеспечивающая через лояльность существующему общественно-политическому порядку устойчивую государственную идентичность и состязательный, создающий основания для формирования активной гражданской позиции.

Целевое назначение первого из указанных потоков политической социализации предполагает активное использование «перспективно-конструктивных» политических технологий, нацеленных в первом приближении,

на благосклонную организацию его восприятия, как к существующему в общности, и принятому ей, политическому режиму, так и понимание ценностных постулатов данного социума, и их безусловное признание и принятие в контексте политической культуры и идеологии; во втором – на постепенное образование в социуме общегражданской национально-государственной идентичности.

В качестве ведущей политической технологии в рамках осуществления «генерализованной» политической социализации следует рассматривать конструирование «надэтнической» национальной общности.

В этой связи представляется, что содержание политических технологий, используемых для формирования этнической и государственной идентичностей, во многом совпадает, поскольку конструирование устойчивой национальной идентичности целесообразно рассматривать в качестве фундаментальной основы для образования государственной.

В качестве наиболее перспективной политической технологии, используемой для достижения вышеуказанных целей, на наш взгляд, следует рассматривать «моделирование истории». Ее сущность в своих работах обосновали классики «нациоведения» Э. Геллнер и Э. Хобсбаум.

По мнению Геллнера, для формирования устойчивой национальной и государственной идентичности принципиальное значение имеет интерпретация прошлого, исходя из требований современной общественно-политической конъюнктуры.

Данное видение можно расценивать как некую манипуляцию, основанную на интересах, специфически ориентированного политического истеблишмента, которая преследует цель выстраивания «нужного направления» и ориентации национальной и политической идентичности, в особенности востребованной, в периоды нестабильности и/или «нужности перемен», внедрения, возможно популистских и «заведомо провальных» нововведений, направленных на «качественное улучшение жизни граждан», и трансформацию, политической

системы общества, которые, при широкой огласке, подаются, как долгожданное благо для всего народа, для его сплочения и объединения.

В таком контексте, исторические события трактуются как некий проект, с «надуманными взаимосвязями и преемственностью», при этом ряд значимых аспектов просто замалчивается, а другие, подаются через «нужную призму» их восприятия, третьи же, либо вымарываются из истории, или изобретаются «на ходу»¹.

Особенно актуальным приемом эксплуатации истории, ее трактовка с позиции собственных интересов и целей правящей элиты, становится на стыке «привычной» (традиционно принятой и усвоенной) и «новой» (массово транслируемой, без обоснования авторитетного авторства и доказательной базы культуры, опять же, в поле общей принадлежности к социуму. В таком раскладе ситуационного восприятия, видится необходимым обратиться к операционализации Геллнера, когда ключевым доводом правильности его позиции, служит изречение: «Национализм... отмежевался от местного патриотизма... Далее, несмотря на то что его социальные корни были связаны с появлением массового анонимного общества, которое требовало стандартизированной общей культуры, национализм выработал легенду (которую абсолютно искренне излагали все его герои и пропагандисты), что он защищает и отстаивает народную деревенскую культуру. И в общем, у него не было другого выхода: отстаивая новую высокую культуру перед лицом старой, он вынужден был заимствовать темы из местного фольклора. Их он стандартизировал и кодифицировал, однако делал вид, что защищает деревню от старой столицы. В действительности же он создавал новый богатый город и совершенно новую столичную культуру»².

¹Gellner E. Nationalism. London / E. Gellner: Weidenfeld and Nicolson. 1997. –387 p.

²Геллнер Э. Условия свободы. – М.: Московская школа политических исследований. 2004. - С. 131.

По мнению Э. Хобсбаума, ведущей технологией формирования государственно-гражданской идентичности является изобретение традиции. Объясняя замысел данной технологии, он говорит о конгломерате общественных практик, преимущественно обрядовых и церемониальных, но, тем не менее, признанных и почитаемых в данной общности. В таком раскладе, происходит «вживание» нужных норм и правил поведения, при регулярном и системном повторении императивов. Э. Хобсбаум акцентировал внимание на то, что: «генерирование, изобретение, а порой, и простое придумывание нужных традиций», соотнесение их с текущей реальностью», всегда связано с ритуализацией и формализацией, при этом новая традиция всегда связывается с прошлым, несмотря на то, что связь эта по большей части оказывается фиктивной¹.

Развивая вышеприведенные тезисы мы вправе утверждать, что такой важнейший компонент государственно-гражданской идентичности, как «историческая память» формируется на основании последовательности «исходных мифов» формирующих восприятие тех, или иных событий в государственном и общественном медиадискурсе и являющихся обязательным для всех членов общества. Одновременное, пусть и производимое, каждым в отдельности, практически идентичное действие, катализирует чувство «мы», формирует такой порядок мыслей, при котором находится обоснование «характерной сущности нации», и под влиянием «золотых» или «черных» периодов ее истории, выстраивает некий ее портрет. Именно «некий ее портрет», но не адекватное понимание истории.

О.Ю. Малинова выделяет два вида «политики исторической памяти» - воспоминания и забвения. В первом случае, речь идет о консолидации нации вокруг наследия прошлого, преемственности этого наследия в настоящем, формированием национальной гордости. Во втором случае можно говорить о тех

¹Хобсбаум Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. 2000. № 1.– С. 52.

исторических событиях в жизни страны, которые разделяют общество на группы по восприятию событий, формируют чувство скорби, стыда и т.п.¹

Подобный конструкт рассмотрен и Г. Шопфлин, по мнению которой государственно-гражданская идентичность представляет собой «особую смысловую ткань», которая формируется особыми интерпретациями и значениями, в том числе и интерпретациями прошлого².

Особое значение при этом приобретает конструирование исторических традиций и манипулирование ими. При этом активно используется такая политическая технология как конструирование фольклора, связанных с ним ритуальных и символических комплексов. Результатом применения такой технологии является появление государственных праздников, которые непосредственно и образуют идентичность сообщества, символизируют связь между его членами и конкретным государством.

Таким образом, по мнению конструктивистов, ведущая политическая технология конструирования государственной идентичности предполагает целенаправленное манипулирование конкретно историческими и культурными контекстами ретроспективной жизнедеятельности какой-либо социальной общности.

Успешное применение данной политической технологии позволяет реализовывать ярко выраженный патриотический дискурс, основными субъектами которого являются такие социальные институты, как бюрократия, армия, образование, церковь, средства массовой информации. Эти институты реализуют запрос на формирование государственной идентичности посредством исполнения государственного заказа.

¹Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. - С. 139-158.

²Schopflin G. Identities, Politics and Post_Communist in Central Europe // Nations and Nationalism. 2003. No 9 (4). - P. 480-481.

В качестве еще одной вспомогательной политической технологии, направленной на формирование государственной идентичности традиционно рассматривается «оптимальное администрирование», которое представляет собой организационную деятельность, направленную на создание эффективной управленческой системы, обеспечивающей комфортное существование личности в государстве. Иначе говоря, данная технология, реализация которой требует высокого уровня развития государственного механизма, предполагает определенный контекст формализации созданного на основе «конструирования истории» мифа о государстве всеобщего благоденствия.

Таким образом, приоритетное значение при формировании государственной идентичности имеет сочетание применения «оперативно-вспомогательных» и «перспективно-конструктивных» политических технологий в рамках конструктивистской парадигмы.

Вместе с тем, существует обоснованное мнение о «содержательных пределах» применения вышеуказанной совокупности политических технологий, которое обосновал в своих работах еще один признанный классик «нациоведения» Э. Смит.

С его точки зрения, в качестве естественных ограничителей конструирования исторического прошлого государства выступают реальные социокультурные характеристики конкретной общности, в первую очередь, традиции и культура.

Развивая данную мысль, Смит указывает на то, что если даже допустить искусственное создание (придумывание) определенного сообщества, то говорить о том, что оно возникло на «ровном месте из ничего», не представляется возможным. Безусловно, на формирование государственной идентичности, активно воздействуют элиты посредством пропаганды, медиа, и, конечно подконтрольного образования. Нельзя не сказать о том, что приведенные инструменты будут актуальны и принесут желаемый результат в недолговременных проектах, для

пролонгации же влияния на более долгий срок, кроме них, а порой, и вместо них, более результативным будет применение инструментария, основанного на традиционном для данного социума ценностном восприятии действительности, через эксплуатацию категорий, важных и значимых для людей смыслов¹.

В качестве ведущей политической технологии, обеспечивающей формирование гражданской идентичности, на наш взгляд, следует понимать организацию направленного политического взаимодействия.

Содержание данной технологии связывается со стимулированием и закреплением типовой, повторяющейся реакции личности на внешний раздражитель, в качестве которого выступает значимость, придаваемая политическому действию какого-либо актора политического процесса.

По мнению представителей символического интеракционизма, посредством указанного взаимодействия формируется активная «волевая» составляющая политической социализации отдельной личности, которая получает реализацию на нескольких взаимосвязанных уровнях:

- при идентификации личного «Я» с предметной средой (фабулой политического процесса);
- в рамках самообозначения личности в контексте противопоставления значимым «иным» (иностранным гражданам, иностранным политическим институтам);
- при выстраивании образа политической реальности в соответствии с персональной перспективой и потребностью личности быть представленной и закреплённой в ней в качестве самостоятельного деятельностного субъекта;
- в контексте соотнесения созданной личностью субъективной политической реальности с ее практическим социальным опытом.

¹Смит Э. Национализм и модернизм. — М.: Праксис. 2004. - С. 239.

Представители постструктуралистского направления в политологии указывают, что благодаря направленному политическому взаимодействию происходит трансформация ситуационной гражданской идентичности, характеризующей статус рядового участника политического процесса в базисную, характерную для активного субъекта политического действия. При этом базисная гражданская идентичность выполняет важнейшую роль – она фиксирует «значимость» для индивида определенных политических отношений. В этой связи ситуационные гражданские идентичности рассматриваются в качестве исходного материала, необходимого для выстраивания базисной гражданской идентичности в силу чего должны быть осмыслены и приняты личностью.

В качестве «частного случая» технологии политического взаимодействия современные политологи рассматривают механизмы «народной демократии», обеспечивающие комплексное и всестороннее политическое участие отдельной личности в практической реализации всех значимых государственных функций. В условиях постиндустриального общества такие механизмы получают свою практическую реализацию посредством применения информационных технологий, в первую очередь, сетевого характера.

Вывод к параграфу

Итак, анализ процесса формирования государственно-гражданской идентичности позволяет констатировать следующее.

Концептуальные подходы к анализу политических технологий позволили выделить наиболее перспективные из них с точки зрения эффективного влияния на процесс формирования государственно-гражданской идентичности: прогрессивно-конструктивный и оперативно-вспомогательный. Их главными акторами являются, в первом случае, политическая элита и контрэлита, и медиа - во втором. Содержание процесса формирования идентичности рассматриваемого вида

предполагает одновременное достижение двух целей – образования тождества между отдельной личностью и государственной организацией, выраженного как в мировоззренческой позиции, так и в готовности осуществлять практические действия с целью удовлетворения публичных интересов, а также стимулирования в сознании личности установки на принятие существующей политической действительности и готовности осуществлять целенаправленные практические действия, направленные на ее конструктивное изменение при руководящей роли государства.

Процесс формирования государственно-гражданской идентичности осуществляется в рамках политической социализации личности, под которой следует понимать усвоение конкретной личностью норм, идеалов, ценностей, ролей и стандартов поведения, соответствующих определенным образам значимых объектов политической сферы¹.

Ведущим средством формирования государственно-гражданской идентичности являются политические технологии, способные обеспечить конструирование политического мировоззрения личности. Политическое влияние определяет содержательный аспект реализации политических технологий.

Политические технологии представляют собой совокупность конкретных инструментов, целенаправленных действий, а также специальных политических институтов, обеспечивающих результативность властного воздействия конкретных акторов политического процесса (в первую очередь, государства) при решении конкретных политических задач. Среди таких технологий по своему функциональному назначению следует выделять прогрессивно-конструктивные и манипулятивные.

¹Попова О. В. Модели идентичности политических акторов в современной России // Полит. наука. 2018. №2. - С. 173-194. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35359387> (дата обращения: 04.04.2021).

В рассматриваемом случае они реализуются для обеспечения результативности политики идентичности – комплекса конкретных задач и мероприятий, осуществляемых с целью конструирования единого концепта государственно-гражданской идентичности у граждан конкретного государства. При реализации политики идентичности ведущее значение имеют дискурсивные политические технологии «мягкого», манипулятивного воздействия, обеспечивающие «плавную» трансформацию политического сознания и мировоззрения, позволяющую прочно «освоить» конкретные идейные послы в качестве фундаментальных основ рассматриваемого вида идентичности. При этом основными субъектами практической реализации данных технологий в современных условиях являются представители властной и оппозиционной политической элиты, конструирующие основные ценности, идеалы, прогрессивное будущее для народа и медиа, оказывающие оперативно-вспомогательную помощь по продвижению их в сознание граждан. При этом манипуляция – это тип социального воздействия, процесс преобразования последовательности кодовых символов, выделение главных из них в современной повестке дня.

Вывод к главе

Итак, государственно-гражданская идентичность представляет собой одну из разновидностей социальной идентичности, которая может рассматриваться как в коллективном, так и в индивидуальном контексте. Содержательно она представляет собой сложный мировоззренческий феномен, определяемый соотношением пассивного и активного компонентов. Первый из них находит свое выражение, в первую очередь, в ценностно-эмоциональном отношении к конкретному публично-правовому образованию (государству), а второй – в готовности совершать целенаправленные действия в его интересах. Соединение указанных компонентов образуют особый конструктивный феномен.

В современных условиях государственно-гражданская идентичность представляет собой важнейшее основание легитимации формы конкретного государства и политики властной элиты. В этой связи ведущие акторы политического процесса обязаны предпринимать конкретные шаги в целях формирования государственно-гражданской идентичности. Такие действия предпринимаются в рамках особого направления государственной политики – политики «идентичности», которая реализуется посредством различных политических технологий, использование которых позволяет обеспечить конструирование единого концепта государственно-гражданской идентичности у граждан конкретного государства. Ведущее значение среди данных технологий имеют дискурсивные политические технологии «мягкого», манипулятивного воздействия, обеспечивающие «плавную» трансформацию политического сознания и мировоззрения в необходимом властной политической элите направлении.

Глава 2. Политические технологии формирования государственно-гражданской идентичности, реализуемые в официальном дискурсе элиты

2.1. Официальный политический дискурс элиты: понятие, сущность, свойства

Использование для достижения цели настоящего исследования дискурсивного подхода предполагает выяснение сущности данного понятия. В зависимости от специфики области научного знания и особенностей научных подходов к исследованиям, содержательная нагрузка термина, приобретает несколько различные смыслы. Именно поэтому, на сегодняшний день, дефиниция «дискурс» стало весьма популярным, и употребляемым не совсем в том смысле, который в нем заложен. Именно это обстоятельство, привело к разночтению его определений, и пониманию изначального значения.

Первостепенное значение в процессе разработки содержания, видовых характеристик и особенностей применения понятия «дискурс» принадлежит современной лингвистике. Ключевой предпосылкой исследования данной проблематики в отечественной лингвистической науке стали выводы западной лингвистики, в первую очередь, представителей структуралистов и постструктуралистов, среди которых особо следует выделить Т. Ван Дейка¹, сделанные в середине XX в.

Дальнейшая разработка результатов исследований западных лингвистов в рамках отечественной науки позволила сделать вывод о комплексности и многозначности понятия «дискурс». В настоящее время исследование данного понятия является предметом огромного количества специальных работ, реализующих различные исследовательские подходы. В задачи нашей работы не

¹См. Ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. - М.: URSS. 2013. – 344 с.

входит их детальный анализ, в связи с чем отметим лишь наиболее, с нашей точки зрения, значимые и обоснованные из них.

По мнению Н. Н. Белозеровой, сложность и многозначность дискурса обусловлены последовательной трансформацией этимологического значения данного понятия¹. Н. Н. Миронова, конкретизируя эти изменения, делает вывод о наличии трех основных этапов этимологической трансформации понятия «дискурс». На первоначальном этапе, в рамках латинской культуры, «дискурс» использовался в понимании «уклонение от курса», «убегание прочь». На втором этапе, связанном с формированием национальных государств в Европе, смысловая номинация дискурса преобразовалась в речевое действие, вследствие чего появившееся во французском языке слово «discours» получило первоначальное значение «диалогическая речь». На третьем этапе, уже в XIX в., слово «дискурс» приобрело полисемантический характер и стало обозначать одновременно и беседу, диалог, и лекцию, основанную на монологичной речи².

Многозначность термина «дискурс», отмечают многие исследователи-лингвисты, и предлагают выделять три его ключевых значения:

- логически выстроенный текстовый внеязыковой материал, транслирующий реалии существующей действительности развития языка, в практическом его применении для трансляции социокультурных, психологически важных для индивида и социума, в котором он существует, дефиниций;
- дискурс, как текст, примененный в конкретном контексте социокультурного события или явления³;

¹Белозерова Н. Н. Парадоксы дискурса. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.studmed.ru/belozeroval-n-n-paradoksy-diskursa_6e1c6620adf.html (дата обращения: 02.06.2020).

²Миронова Н. Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа / Н. Н. Миронова // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1997а. Т. 56. № 4. - С. 52.

³ Там же.

- это монолог своеобразный социальный актор, ориентированный на когнитивное восприятие совместной деятельности членов общности, механизм их объединения на почве значимых для общности процессов.

В таком триедином качестве дискурс, по мнению Н. Д. Арутюновой, следует рассматривать в качестве значимого социокультурного феномена.

Полисемантика смысла понятия «дискурс», выраженная в диалектическом единстве речи и текста, в настоящее время является господствующей точкой зрения в отечественной лингвистике.

Такой вывод основан на исследованиях советских лингвистов М. М. Бахтина и В. З. Демьянкова, которые разработали концепцию «диалогичного текста», в которой понятия «дискурс» и «текст» соотносятся как общее и частное, а их качественное различие объясняется тем, что дискурс представляет собой аналитическое представление текста в единстве его когнитивных и языковых структур¹. Характеристику такого единства обосновал в своих работах В. З. Демьянков, сформировав представление о структуре дискурса, рассматриваемого в качестве особой лингвистической системы.

По его мнению, базовое его строение представляется в логическом порядке, выстроенных простых его составляющих, объединенных пропорциями конъюнкции, дизъюнкции и т. П. Частями, составляющими целостный концепт, в данном случае, являются среда происходящего события, его фоновое сопровождение, уточняющее природу и характерность, отношение непосредственных акторов к нему, прочее сопровождение, дающее понять суть, обстоятельства и причины именно такого, и никакого другого течения событий.

При характеристике понятия дискурса в качестве сложноорганизованного системного явления обращают на себя внимание выводы В. В. Богданова, по мнению которого текстовое и речевое наполнение дискурса, далеко не одно и то

¹Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Литературно- критические статьи. – М.: 1986. - С. 121-262.

же. Поскольку дискурс — это все языковое сопровождение события, это и письменные материалы, живые речи, видео- и аудио трансляции, графика, фото и т. Д., то есть все, что помогает усвоить речевые техники и смыслы. Текст же представляет собой материал, зафиксированный на каком-либо носителе, как, собственно, и речь, разница только в форматах, соответственно, дискурс, в этом случае выступает как родовая единица, а текст и речь — видовыми его дефинициями.

В свою очередь, А. П. Булатова подчеркивает, по ее мнению, ключевые отличительные характеристики «дискурса»:

- дискурс, кроме всего прочего, что ставит его в один порядковый ряд с текстом или речью, обладает еще и компонентом сознания, в независимости от его восприятия участниками;
- дискурс, по большому счету, определяется всем комплексом изречений, и не носит характера линейности или законченной выдержанности порядка трансляции.

Итак, следует констатировать, что дискурс представляет собой сложное обобщающее понятие, включающее в свой состав различные неравнозначные компоненты, основными из которых являются собственно лингвистические компоненты, такие как текст и речь¹, составляющее «ядро внешнего выражения» дискурса, а также характеристики конкретной социокультурной обстановки, образующие смысловые проекции в сознании субъекта дискурса, которые определяют «объективную детерминацию» его содержания.

Исходя из такого представления, дискурс можно определить в качестве когнитивного процесса, имеющего две базовые точки — речепроизводство и производство текста. Соответственно, внутренняя организация любого «дискурса» — это единица когнитивной, аксиоматической и лингвистической структуры.

¹Там же

Через него «аналитическая репрезентация» объекта отражается в процессе дискурсивной реализации, в его соответствии не только языковым и семантическим структурам, но и представлению базовой информации. Именно эти связи родства позволяют установить корреляцию между использованием языка и социальным контекстом¹.

Видовое многообразие дискурсов объясняется, в первую очередь, особенностями организации человека как биосоциального существа, которая предопределяет речь в качестве основного способа выражения сознания. Ее можно рассматривать в качестве механизма «внешнего выражения» деятельности. Соответственно, дискурс следует представлять в качестве механизма «внешнего сопровождения» любой деятельности человека.

К настоящему времени вопрос классификации дискурсов представляет собой исследовательскую проблему, достаточно хорошо разработанную в научной литературе. Среди многочисленных классификаций дискурсов, на наш взгляд, наиболее полными являются варианты, разработанные Н. Н. Мироновой и В. И. Карасиком.

Н. Н. Миронова при характеристике видового своеобразие дискурсов в качестве основного критерия использует содержание и специфику реализуемой деятельности. В этой связи, обобщая представления других исследователей, она выделяет следующие дискурсы:

- педагогический дискурс – определяет нормы, правила и регламент и образ действий детей, подростков и юношества, приемлемые в данном сообществе;
- политический дискурс – предназначен для всех речевых актов в политической сфере;
- научный дискурс – это изложение нового знания, его аргументация, фактологическое подтверждение и обоснование;

¹Шапочкин Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект. – Тюмень: ТГУ. 2012. - С. 52.

- критический дискурс – характерен тем, что в его ходе происходит систематическая трансляция критических аспектов восприятия субъективной действительности, во всех сферах общественной жизни;
- этический дискурс предполагает коммуникативное взаимодействие на базе этических норм и ценностей, сформированных в общности, и проецируемых индивидом на текущую реальность
- юридический дискурс освещает вопросы законодательства, права и юриспруденции, а также нормотворчества и правового оформления жизни социума;
- военный дискурс направлен на проблему войны и мира, военизированных конфликтов и столкновений, их значимости и последствий для мирового сообщества в целом, и каждого индивида в отдельности¹.

Типизация дискурсивных направлений В. И. Карасика органично дополняет представления Мироновой. В ее основе находятся конкретные социальные обстоятельства реализации дискурса. На основании данного критерия исследователь предлагает рассматривать такие дискурсы как: межличностный институализированный. При этом первый из них разделяется на подвиды: бытовой и бытийный.

Бытовой дискурс, определяется как коммуникация «по-простому», то есть в этом случае все проходит без церемоний, объяснения природы причинных событий, их обстоятельств и акторов. Предполагается, что коммуниканты, находятся в достаточно тесном социальном контакте, речь их, по большей части носит разговорный, обиходный характер. Смена тематики и функциональной направленности коммуникации происходит просто и непосредственно, в речи присутствуют скрытые смыслы, понятные только коммуникантам, подтекст и юмор. Чаще всего – это диалог.

¹Миронова Н. Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа / Н. Н. Миронова // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 4. - 157 с.

Бытийный дискурс, напротив представляется скорее информативную коммуникацию посредством «литературного языка», то есть представлен художественными произведениями, и носит характер монолога.

Не смотря на их существенное различие, все же есть некоторые точки равенства: и тот и другой ориентированы на скорейший ответ о смысловой нагрузке коммуникации, но если бытовой осуществляет это через осмысление ситуации общения, то бытийный опирается на умственные и познавательные способности и возможности коммуниканта.

Если говорить о дискурсе институциональном, то ключевой особенностью здесь выступает статусно – ролевое взаимодействие в заданных условиях. В качестве примера можно представить такие его профилированные разновидности как: юридический, политический, религиозный, медицинский и т. Д.

Представленный список далеко не окончательный и, в общем-то, открытый, и это обусловлено тем обстоятельством, что институты в современном обществе, существенно отличаются друг от друга, это совершенно не однопорядковые акторы, и более того, с течением времени, претерпевают трансформационные изменения, некоторые из них, соединяются воедино, другие – напротив отделяются от некогда общих, возникают заново в актуальной реальности, или отмирают вовсе за ненадобностью.

Предмет настоящего исследования предполагает концентрацию внимания на политическом дискурсе, в рамках которого происходит актуализация общественного сознания в контексте реализации разнообразных политических отношений. Существование политического дискурса объективно – оно определяется тем, что политику, представляющая собой специфическую сферу человеческой деятельности, возможно рассматривать в качестве специфической совокупности речевых действий¹.

¹Шейгал Е. И. Структура и границы политического дискурса // Филология. – Краснодар. 1998. № 14. - С. 22-29.

При этом представляется, что применительно к системе классификации дискурсов В. И. Карасика, следует констатировать комплексный характер политического дискурса, что означает одновременное присутствие в его структуре характеристик персонального и институционального дискурсов.

В последнее время исследование политического дискурса превратилось в значимый тренд общественной науки, в рамках которой постепенно формируется особая отрасль знания – политическая лингвистика. Соответственно, в современной науке существует большое количество категориальных определений данного понятия. При этом представляется возможным дифференцировать их на две большие группы.

В рамках первой из них категория «политический дискурс» рассматривается в максимально широком контексте. В качестве характерных примеров приведем следующие:

- политический дискурс характеризуется включением в процесс коммуникации всех языковых, речевых и прочих коммуникативных видов взаимодействия, направленных на политическую сферу;

- одновременно, это и социально направленная коммуникация, то есть взаимодействие институтов, субъектов и объектов на предмет взаимообмена мнениями, восприятиями и ожиданиями, для решения вопросов, имеющих социальное значение для сторон, при чем в условиях развитой демократии, такие решения принимаются совместно, и носят название метода публичного принятия решений.

- еще одна интерпретация политического дискурса, определяет его значение как паралингвистического актора политической деятельности, транслирующей политические взгляды, ценности и идеологии;

В плане своего строения политический дискурс не отличается от любого другого, функционально ориентированного дискурса, он так же, как и другие, имеет полевое строение, ядром которого выступает жанровость политической

конкуренции претензий на власть, а по внешнему периметру располагаются прочие жанры социально-политической окраски.

Важно отметить, что непосредственным основанием, позволяющим рассматривать политический дискурс в широком смысле, является обоснованный в современной науке вывод о существовании «политического языка» в качестве набора лингвистических инструментов для использования на общественно значимых площадках. Политическая лексика, в этом случае, должна быть ориентирована, и принимать во внимание должен учитывать растущую власть медиа, новых информационно-коммуникационных технологий и приемов, глобализационное распространение, и, конечно же все большую ориентацию на прибыльность и коммерческую оставляющую процесса коммуникации.

Политический язык следует представлять в качестве основного средства политической коммуникации и используется для распространения конкретных политических идей, расширения прав и возможностей граждан, поощрения политических действий, формирования национального консенсуса в плюралистическом обществе, принятия и легитимации социальных и политических решений¹.

При этом в качестве ключевой особенности политического языка необходимо рассматривать его выражение в среде массовой информации вне всяких условий корпоративности с учетом широты субъекта его направленности (массовой аудитории).

На основе таких представлений о содержании политического языка «политический дискурс» выступает в качестве комплекса речевых инструментов, которые способны распознать коммуникантов и направить информационное взаимодействие между ними в ту тематическую сферу, которая актуальна в данный

¹Шапочкин Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект. – Тюмень: ТГУ. 2012. - С. 57.

момент времени для социума. То есть, определяется, с одной стороны предметом коммуникации, а с другой – дискурсивными практиками и языковыми способами¹.

Представители другой группы исследователей стремятся рассматривать политический дискурс в узком смысле. Наиболее последовательно такую позицию обосновывает голландский лингвист Т. Ван Дейк².

В его представлении политический дискурс следует рассматривать как совокупность политических языковых стилей. Таким образом, исследователь рассматривает обсуждения различных вопросов правительством, дебаты в парламенте, партийные дебаты и программы политических партий. Уникальность жанра реализуется в программах и выступлениях политиков в и позволяет исследователю определить его как дискурс профессиональных политиков. Как таковой, политический дискурс представляет собой особую форму институционального дискурса. Другими словами, по мнению ученого, политический дискурс сопровождается политическим актом и является политическим контекстом (например, конференция политической партии).

Эта позиция находит поддержку и в рамках отечественной науки, в связи с чем «политический дискурс» это актор институционализированного взаимодействия, инструментом которого выступает определенный порядок специальных лексических конструкций и практик.

Исследователи справедливо отмечают, что в условиях современных политических отношений, политический дискурс невозможно рассматривать в качестве исключительно профессионального дискурса. В тоже время, представляется, что акцентировать внимание на профессиональном статусе его отдельных субъектов необходимо.

¹Баранов А. Н., Добровольский, Д. О. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56, № 1. – С. 11-21.

²Van Dijk T.A. What is political discourse analysis? / T. A. Van Dijk // Political linguistics; ed. Jan Blommaert, Chris Bulcaen. – Amsterdam. 1998. – P. 12-43.

Так, Р. Водак, говорит о том, что, речевые особенности политической коммуникации, на которых, собственно и базируется «политический дискурс», есть ничто иное, как среднезначимая дефиниция суммарного лингвистического выражения профессиональной лексики и специфического. Сам по себе, политический лексикон, является специально предназначенным инструментом, для того, чтобы быть понятым (в соответствии с пропагандистской повесткой дня), но в то же время, направлен на использование в специфической профессиональной среде, социально-исторически сформированной для политических целей. Отсюда двойственность его ориентации и функциональных качеств¹.

Принимая во внимание вышеизложенное, и основываясь на собственном видении данной специфики, нами выведено определение политического дискурса, как специфического вида дискурса, выступающего в качестве ключевого средства двусторонней коммуникации в сфере политических отношений. Содержание политического дискурса образует комплекс коммуникативных событий, происходящих между акторами политического процесса и гражданами государства. При этом двусторонний характер политической коммуникации определяет наличие в качестве его субъектов разнообразных лиц, часть из которых осуществляет политические действия без соответствующей профессиональной подготовки. В тоже время политический дискурс имеет признаки определенного корпоративного статуса, что обусловлено спецификой его основы – политического языка.

Содержание политического дискурса следует рассматривать в двуедином контексте, аналогично любой другой разновидности дискурсивной практики. В этой связи справедливо мнение о том, что политический дискурс представляет собой такую форму коммуникации, которая происходит в контексте определенного духовного мировосприятия.

¹Водак Р. Специальный язык и жаргон: о типе текста «партийная программа» // Язык. Дискурс. Политика. Волгоград. 1998. - С. 10, С. 24.

Ф. Соссюр подчеркивает его внутреннюю организацию, связность, отмечает, что в рамках конкретного текста (дискурса) анализируется смысл содержащихся в них доводов. С одной стороны, дискурс рассматривается как инструмент, позволяющий манипулировать посредством речи, а с другой – используется для выражения для валидации единиц и методов специфического анализа для идентификации непосредственно самого дискурса (дискурс-анализ)¹.

Основными опорными точками, которые заложены в природе политического дискурса, выступают единицы идеологических и политических дефиниций, так называемых «практик» текста и речи, в конкретно-исторических условиях. Такой текст имеет специфическую структуру, включающую три основных типа лексических единиц: специализированные вербальные (политические термины, антропонимы), специализированные невербальные (политические символы) и неспециализированные, которые не были изначально сориентированы на данную сферу общения, но вследствие устойчивого функционирования в ней приобрели содержательную специфику.

Появление такой группы знаков обусловлено стремлением политиков при выражении дискурса скрыть и завуалировать свои цели, используя понятные для обыденного сознания лексические средства и формы для применения таких приемов как номинализация, эллипсис, метафоризация, интонация. Содержание информационного контента, реализуемого в рамках такого текста, отражает политическую практику тех или иных акторов политического процесса и преследует цель актуализировать ее в рамках общественного сознания.

Как справедливо отмечает Л. Н. Тимофеева, любой дискурс власти демократического государства реализуется в условиях постоянного влияния оппозиции. Именно поэтому, «политическая оппозиция в этом дискурсе играет весьма значимую и социально ответственную роль. Она обязана представлять

¹Соссюр ф. Де. Труды по языкознанию/Перев. с франц. под ред. А.А.Холодовича. - М.: Прогресс. 1977. - 695 с.

действующей власти альтернативы принятия политических решений на основе серьезного анализа социально-экономических реалий и критики ошибок правительства и защищать интересы «обиженных». Особенность политического дискурса власти и оппозиции состоит в том, что их цели в этом общении изначально амбивалентны и конфликтны: с одной стороны – это взаимное приспособление практик и перспектив своей деятельности путем социально направленного политического диалога с тем, чтобы подтвердить легитимность каждого в глазах народа; а с другой стороны – стремление к односторонней победе на поле коммуникации с целью завоевания достаточного ресурса голосов для победы на выборах»¹.

С точки зрения Л. Н. Тимофеевой, именно воздействие фактора дихотомического взаимодействия «власть-оппозиция» является решающим детерминантом, определяющим содержание любого политического дискурса. Исследователь отмечает, что «дискурс власти и оппозиции — это, и то, что они из себя представляют, в каких условиях действуют, и то, что они «говорят» друг другу, какими текстами и смыслами обмениваются в определенном историческом и политическом контексте»².

Кроме того, по ее мнению, равноправный диалог власти и оппозиции, может иметь право на существование, при наличии в нем следующих компонентов:

- «конфликтный дискурс» - то есть наличие аспекта дискуссии, выяснения актуальности и значимости важных социо-политических детерминант критического их восприятия и актуальности (например дебаты); При этом, происходит значительное сужение и упрощение «проблемное переговорное поле», а его бесконечное продолжение, чревато деструктивными последствиями.

¹Тимофеева Л. Н. Власть и оппозиция в России: проблемы политического дискурса // Власть. 2007. №4. - С. 3-9. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-oppozitsiya-v-rossii-problemy-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 13.09.2020).

²Тимофеева Л. Н. Власть и оппозиция: конфликтно-дискурсивный анализ (теория, история, методология); автореф. дисс. д-ра полит. наук. – М.: 2005. - С. 16.

- «дискурс согласований», то есть поиск точек соприкосновения понимания роли и места политических событий и процессов (как вариант – переговоры, «круглые столы», пакты). Этот вариант, напротив, значительно увеличивает шансы на максимальное сближение, транслируемых взглядов, и социоприменимость и значимость, при условии отсутствия конфликтогенного компонента в диалоге. Но, при прочих вводных, этот вариант, на практике, не представляется реальным, если «конфликтный дискурс», не имел бы места быть по данному вопросу.

Поскольку, по своей природе, дискурс предполагает присутствие в контексте и «анализа», и «синтеза», то отсутствие какого-либо из компонентов, перечеркивает необходимость их существования и применения в реальной политической конфронтации, но и полностью обнуляет практическую значимость этого политического актора.

Как единство указанных элементов политический дискурс обладает типовой совокупностью системообразующих признаков, основными из которых являются цель коммуникации, участники коммуникации, способы коммуникации, а также реализуемые коммуникативные стратегии и тактики¹.

Функциональная сущность политического дискурса предельно ясна – он реализуется в контексте достижения главной политической цели – захвата власти, либо обеспечения ее устойчивости. Обеспечивая устойчивость власти, политический дискурс реализуется с целью создания условий для ее поддержки, формирования позитивного имиджа действующей власти в общественном сознании, который также представляет собой важнейшее средство обеспечения общественного консенсуса. В этом смысле цель субъекта политического дискурса заключается в том, чтобы найти такое лексическое обоснование содержания своих политических целей и принимаемых решений, с помощью которого стало бы

¹Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. канд. филолог. наук / О. Л. Михалева. – Кемерово. 2004. – 21 с.

возможным удовлетворить запросы и потребности большинства населения той или иной страны. Достижение такой ситуации и следует рассматривать в качестве ключевого фактора обеспечения устойчивости политической власти.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что значение «политического дискурса», в отношении общественности, сосредоточено на внедрении в политическое сознание, порой, через общебытовое, либо научно обоснованное социальное восприятие, текущей действительности, тех «политически правильных действий и/или оценок», способных убедить общественность в «верности и значимости обсуждаемых дефиниций», а соответственно, предложить «единственно возможный вариант политического действия, по заявленной политической проблематике».

При этом есть два варианта достижения данной цели с помощью политического дискурса – посредством прямого манипулирования общественным сознанием, либо посредством организации конструктивного диалога с иными акторами внутриполитического процесса. Примерами прямого манипулирования российской властью общественным мнением может служить перевод его внимания в информационной повестке дня 90-х прошлого века с проблем массовой невыплаты зарплат трудящимся, всеобщего отключения электричества по всей стране из-за неуплаты и т.д. на гибель английской принцессы Дианы, проведение собственного расследования кому была выгодна ее смерть. Или другой пример - поиск, идентификация и захоронение останков императорской семьи Романовых в Петропавловской крепости с принесением покаяния за преступление большевиков. В связи с этим, накануне выборов президента в 1996 с учетом низкого рейтинга Б.Н. Ельцина, главным в аналитической программе НТВ, которую вел Евгений Киселев, был вопрос о восстановлении монархии, незаконно свергнутой в 1917 году и передаче власти маленькому наследнику семьи Романовых- цесаревичу и великому князю Георгию Михайловичу, которому тогда еще не исполнилось и 15 лет. Естественно, был поставлен вопрос о регентстве в лице Б.Н.Ельцина. Согласно

правилам, учрежденным еще Павлом I, при вступлении на престол императора до его совершеннолетия (16-летнего возраста) учреждались правительство и опека в одном лице или в двух лицах. Были и другие попытки вернуть российскую имперскую идентичность с указанием на успешные европейские государства, где до сих пор уживается монархия с конституцией и демократическими процедурами выбора правительства и парламента (Великобритания, Дания, Испания, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Монако, Нидерланды, Норвегия, Швеция и т.д.). Правда, тогда продвижение этой технологии медиадискурса не нашло понимания у большинства населения страны и была использована другая – установление либерально-демократических ценностей под лозунгом «Голосуй или проиграешь!» иначе опять вернутся концлагеря, государственный террор, очереди в магазинах и т.д. Стала массовым тиражом выходить газета «Не дай Бог!», которую бесплатно приносили и бросали в почтовый ящик сторонники Ельцина. Кроме того, ни одного положительного высказывания о политическом противнике Ельцина – Геннадии Зюганове в СМИ не допускалось. Согласно данным мониторинга «Европейского Института СМИ», проведенного в результате наблюдения за тремя всероссийскими каналами (ОРТ, РТВ и НТВ) за две недели перед вторым туром голосования зафиксировано 247 положительных упоминаний о Б.Н. Ельцине и ни одного отрицательного, критического о нем. Всех остальных кандидатов, кроме А.И.Лебеда на последнем этапе, либо игнорировали, либо преподносили в черном свете. На этом основании директор Института Петер Ланж заявил: «Отсутствие существенных процедурных нарушений недостаточно, чтобы назвать выборы свободными и честными. Поведение СМИ запятнало демократический процесс»¹.

При этом многие новоиспеченные российские работники служб связи с общественностью, имиджмейкеры, специалисты по проведению избирательных

¹Цит. по книге Джульетто Къеза "Прощай Россия!" - М.: 1997. - С. 193.

кампаний, журналисты полагали, что наступила эпоха голого технологизма; их девиз, если перефразировать известную поговорку: «технологии не пахнут». А это означает, что нормативно-ценностный подход к политике и политической коммуникации исключен. Нравственно все, что ведет к победе твоего кандидата. Этот пример показывает, как в унисон работали технологии дискурса элиты и медиадискурса¹.

С учетом вышесказанного представляется возможным выделять общеупотребимые смыслы политического дискурса любой принадлежности и направленности. При этом, совершенно спокойно воспринимаются такие акторы как политика, власть и т. Д., поскольку нет существенных отличий понимания этих терминов как в научной, так и в повседневной интерпретации.

Поскольку видение генерального предназначения «политического дискурса» формирует направление его функционирования. То основная масса исследователей этой области, согласны с тем, что все-таки, задача политического дискурса – лидерство в конкурентной борьбе за власть, а при лучших условиях, и обладание ей.

В ключе такой установки, политический дискурс следует воспринимать в качестве эффективного средства ведения боевых действий на «политическом поле битвы», в связи с чем «он не нацелен на диалог политический дискурс, чтобы быть эффективным, должен строиться в соответствии с определенными требованиями военных действий»².

Общепонятный и принятый социумом вектор применения в общественно-политической жизни, феномена «политический дискурс» определяет основные

¹См.: Тимофеева Л.Н. «Открытая власть»: информационная деятельность государства в условиях становления демократии // Массовые информационные процессы в современной России. Очерки /Отв. ред. А. В. Шевченко – М.: Изд-во РАГС. 2002. - 302 с.

²Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обывденного языка / В.З. Демьянков // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В.Н. Топоров. – М.: Языки славянских культур. 2005. - С. 41.

характеристики содержания его «ядра» – политически ангажированного текста. В рамках современной лингвистической политологии уже сформировано устойчивое представление о содержании таких характеристик.

А. А. Карамова, в своем исследовании отмечает, что основополагающими характеристиками «политического дискурса», как явления, значимого для политической организации служат «идеологичность, оценочность, экспрессивность и манипулятивность».

Определяя «идеологичность», в качестве базовой характеристики, исследователь поясняет, что идеологическая окраска присуща всем политизированным текстам, поскольку любой «политический дискурс», в первую очередь, преследует цель донесения «нужной» информации, в «нужный» момент времени, «нужному» адресату. При этом, транслируемая «правильными» инструментами коммуникации, идеология, должна «прижиться» на почве сознания и восприятия реальности индивидом¹.

Именно идеологичность политического дискурса в конечном счете определяет его остальные характеристики. Например, говоря об *оценочности*, исследователь поясняет, что «субъекты политической коммуникации, имея достаточно разнонаправленные мотивы восприятия концепта «эталонное социально-политическое устройство», и при оценке «политического актора», в большинстве случаев сознательно, но порой и на бессознательном уровне, сами не понимая того, сравнивают «собственный идеологический эталон» с предлагаемым ему, условным политическим дискурсом, соотнося его качества и характеристики, с привычным и давно усвоенным политическим стереотипом.

В рамках политического дискурса реализуется социально-политическая оценка, представляющая собой совокупность используемых применительно к

¹Карамова А.А. Грамматические средства идеологичности политического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. №2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskie-sredstva-ideologichnosti-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 11.04.2021).

конкретным явлениям, процессам и событиям общественно-политической жизни этических и телеологических восприятий. При этом такие восприятия характеризуются нестабильностью и предельной изменчивостью под влиянием развития характеристик текущей общественно-политической конъюнктуры¹.

Экспрессивность политического дискурса, обладает некоторым набором отличительных характеристик, которые присущи только ей. Например, экспрессивность, социально-политическая, которая выражается посредством модальности, в природе которой, ключевым компонентом, выступает эмоционально-оценочное свойство восприятия индивида.

Манипулятивность. Как справедливо замечает исследователь, манипуляция представляет собой коррекцию, а иногда, и полное переформатирование взглядов на идеи, нормы и ценности, а также ситуативное восприятие действительности. По сути своей – это латентное информационно-политическом дискурсе, трансформируется во взаимодействие, характерное для закономерности отношений «лидер – массы». В этой связи манипуляцию следует рассматривать в качестве особого вида политической коммуникации, содержанием которой является одностороннее взаимодействие манипулятора и манипулируемого².

Манипулятивность как характеристика политического дискурса определяется тем, что его презентация и развитие происходят в контексте изменений значения и содержания лексических форм, их переосмысления, появления новой семантики, стилистических переоценок отдельных слов. Такие изменения позволяют реализовать манипулятивный контекст политического дискурса, связанный с внушением адресатам – гражданам определенного политического сообщества необходимости совершения «правильных» с точки зрения субъектов политического дискурса действий и соответствующих их оценок.

¹ Там же.

² Карамова А. А. Современный политический дискурс: автореф. дис... д-ра филолог. наук. – Уфа. 2013. – С. 8, 14, 16. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/197477119.pdf> (дата обращения: 11.04.2021).

Кроме того, следует отметить, что манипулятивный потенциал политического дискурса реализуется «посредством тщательно продуманных способов речевого поведения – коммуникативных стратегий»¹.

Представляется, что именно манипулятивный характер любого политического дискурса определяет его характеристики в качестве центрального объекта исследования со стороны политтехнологов, которые при этом ставят цель поиска наиболее эффективных коммуникативных стратегий с точки зрения оказываемого ими манипулятивного эффекта на общественное сознание аудитории.

Эффективность реализации манипулятивного потенциала любого политического дискурса определяется степенью его «убедительности» для аудитории. В контексте убеждения политик, формируя содержательную сторону политического дискурса, должен обеспечить целенаправленное воздействие на определенные области общественного сознания, применяя при этом самые разные аргументы и способы, зачастую имеющие нерациональный, алогичный характер, сопряженные с экспрессивной эмоциональностью.

Для политического дискурса характерна видовая дифференциация по различным критериям, отраженная в ряде работ современной научной школы².

На основании комплексного критерия – характеристик субъектов политического дискурса и их статуса в рамках той или иной политической системы, а также форм его выражения можно выделять несколько его видов. В первую очередь, на наш взгляд, нежно сказать об «институциональном политическом дискурсе, все же он видится ключевым по важности, в рамках этого дискурса, функционируют тексты, непосредственно созданные политиками и используемые

¹Там же.

²См., например: Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров; ИНИОН РАН. М.: 2000; Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. Гос. Пед. Ун-т. - Волгоград: Перемена. 2000. - 368 с.

в политической коммуникации (политические документы, парламентские речи и дебаты, публичные выступления и интервью политических лидеров и т.д.). Сюда же можно отнести официальный политический дискурс, связанный с аппаратной коммуникацией, в рамках которой создаются тексты, предназначенные для сотрудников государственного аппарата». Если говорить о «медийном политическом дискурсе», его еще называют «масс-медийный», то здесь речь идет о материалах от профессиональных политических журналистов, как правило, они транслируются по медиа каналам (СМИ и интернет). Причастны к «политическому дискурсу» и обычные граждане. Их вклад заключается в создании, различного рода обращений к политическим деятелям и государственным органам власти, СМИ и пр. Их участие в «политическом дискурсе» эпизодично и зависит от остроты политического события. Также выделяют «околополитическое творчество» (политически окрашенные мемуары и воспоминания, литературные произведения и поэзия, народное творчество- частушки, анекдоты, пародии и пр.), а также, научно-исследовательские и аналитические материалы политического толка¹.

Признавая справедливость такой типологии, все же, на наш взгляд, видится необходимым, привести некоторое уточнение, и:

- акцентировать внимание, еще и на том, что политический дискурс, по своему содержательному наполнению, напрямую зависит от политического режима, при котором, он применяется;
- дополнить классификацию «институционального политического дискурса», его подвидами – официальный и неофициальный. Соответственно, критерием такого разделения является юридическая принадлежность его субъектов к институтам и публично-правовым образованиям того или иного государства. В

¹См. : Перельгут Н.М., Сухоцкая Е.Б. О структуре понятия «политический дискурс» // Вестник Нижегородского государственного университета. 2013. №2. - С. 35-41. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vestnik.nvsu.ru/2311-1402/article/view/49218>; Рыбакина А. В. Проблемы политического дискурса. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://pgu.ru/upload/iblock/5b3/uch_2009_ii_00039.pdf (дата обращения: 04.06.2020).

этом смысле «официально направленный политический дискурс» состоит, по сути из устойчивой совокупности результатов речевых инструментариев и продуктов их приложения (текстов, речей, высказываний, публикаций, интервью и пр.) в отношении важнейших общественных категорий, ценностей, норм, которые используются в целях публичного разъяснения действий и намерений властной политической элиты. Очевидно, что официальный политический дискурс представляет собой один из способов осуществления власти и обладает всеми вышеуказанными характеристиками.

Вывод к параграфу

Итак, проведенное в данной части настоящей работы исследование позволяет сделать следующие выводы.

Дискурс представляет собой многоаспектное, фундаментальное понятие, содержание которого обусловлено конкретной исследовательской стратегией его использования. В этой связи данное понятие применяется в общей и специальной лингвистике, философии, истории, культурологии, социологии и политологии.

Анализ имеющихся точек зрения на сущность понятия «дискурс» позволяет определять его в качестве специального текста, содержащего особые речевые выразительные средства, детерминированные определенной коммуникативной ситуацией (целевым назначением и сферой использования дискурса, а также историческим, психологическим, идеологическим социокультурным контекстом). В таком качестве дискурс следует рассматривать широко как особое «коммуникативно-деятельностное событие», которое отражает процесс коммуникации, принятия решений и его реальный результат.

Содержание любого дискурса определяет его концепт, то есть центральное звено, не имеющее адекватной передачи в языке, но обладающее четко выраженным и фактически неизменным смысловым выражением. Характеристики

концепта дискурса позволяют реализовывать его функциональное назначение, которое заключается в осуществлении вербализации определенной ментальности, интерпретации, специфическом отражении и конструировании особой реальности. В таком качестве дискурс позволяет представить особый способ видения и упорядочивания реальности, присущие конкретному социуму.

Политический дискурс элиты следует рассматривать как актуальное использование языковых концептов в социально-политической сфере. Отмечается, что объектом политического дискурса является политика, которая характеризует его структуру, функции и свойства. Элементами структуры политического дискурса являются цель, участники и способ выражения (вербализационные тактики и стратегии). Языковые концепты данного дискурса имеют политическую тематику, они содержательно ограничены политической сферой и, как правило, имеют институциональный характер, то есть реализуются в процессе функционирования разнообразных политических институтов.

Иначе говоря, любой политический дискурс сопровождает политический акт, реализованной в политической обстановке. В таком смысле политический дискурс элиты образует фундаментальную основу «инфраструктуры» политической сферы общества.

Основным критерием выделения официального политического дискурса является политический статус его носителей, а именно – принадлежность к властной политической элите и к ее контрагентам. Официальный дискурс отражает политическую и идеологическую практику конкретного государства. Его следует рассматривать в качестве устойчивой совокупности высказываний относительно важнейших общественных категорий, ценностей, норм, которые используются в целях публичного разъяснения действий и намерений властной политической элиты.

Официальный политический дискурс элиты в наибольшей степени актуализирует общественное сознание, отражая текущую политическую ситуацию,

поскольку содержательно представляет собой устойчивый набор тематических дискурсивных опций, векторально направленных на общественно важные дефиниции, имеющие практическое приложение к риторике политической элиты, при публичной трансляции идей, нарративов и ценностей.

В качестве приоритетной цели реализации официального дискурса рассматривается обеспечение «усвоения» в массовом сознании той или иной политической позиции, характерной для властной политической элиты. При этом достигаться такая цель может либо посредством прямых манипуляций и искажений социальной реальности, осуществляемых в рамках официального политического дискурса, либо с помощью попыток организации конструктивного диалога с оппозицией. В этом смысле официальный политический дискурс элиты в рамках демократического правового государства может иметь исключительно монологичный характер и таким образом создавать потенциально конфликтные взаимоотношения с оппозицией, либо диалогичный согласительный характер. Представляется, что наличие второй разновидности официального политического дискурса следует рассматривать в качестве значимого критерия определения степени развития демократии и сформированности государственно-гражданской идентичности.

Другим важным признаком официального политического дискурса является его идеологичность. Исходя из данного обстоятельства, официальный политический дискурс элиты необходимо рассматривать в качестве специфического инструмента влияния на психологическое восприятие индивидом, транслируемых потоков информации, которые незаметно для него самого, постепенно превращают, воспринимаемое, в, по его мнению, самостоятельно оформившиеся правила, нормы, цели и ценности, побуждающими к действиям определенной политической направленности.

Важно отметить, что «идеологическая ангажированность» в значительной степени усиливает его «доказательственную способность», доказывает верность

политических концептов, реализуемых властной элитой. При этом обеспечивается повышение устойчивости действующей власти, поскольку влияние официального дискурса по своим характеристикам априори превышает иные политические дискурсы, реализующиеся в обществе. В таком качестве официальный политический дискурс элиты представляет собой один из ключевых способов осуществления государственной власти.

2.2. Потенциал технологий официального политического дискурса элит в России, Азербайджане и Грузии в процессе формирования государственно-гражданской идентичности на современном этапе

Прежде чем приступить к исследованию технологий официальных политических дискурсов (далее – ОПД) элиты в рассматриваемых государствах в контексте определения их влияния на процесс формирования государственно-гражданской идентичности, необходимо конкретизировать содержание данного понятия применительно к настоящему исследованию.

Как было отмечено в предыдущей части исследования, в качестве ОПД необходимо рассматривать политический дискурс элиты, прежде всего, *субъектов политического процесса*, имеющих юридически закреплённый официальный статус в рамках государственного аппарата России, Азербайджана и Грузии.

В этой связи, учитывая характеристики формы современного государства Российской Федерации, Азербайджана и Грузии, в качестве главного субъекта реализации ОПД в настоящей работе рассматривается Президент. Представляется, что именно это официальное лицо в большей (применительно к Российской Федерации и Азербайджану, форма государства которых имеет устойчивую тенденцию к эволюции в направлении оформления суперпрезидентской

республики) или меньшей степени (применительно к Грузии, где наблюдается переход от президентской к парламентской республике) определяет содержание ОПД. В связи с этим, проводимый в рамках настоящего исследования контент-анализ будет в большей мере основываться на выступлениях, заявлениях, обращениях первых лиц России, Азербайджана и Грузии.

Кроме того, характеристика содержания ОПД, реализуемого в рассматриваемых государствах на современном этапе их развития (то есть в последние пять лет), предполагает осуществление его ретроспективного анализа в период становления суверенной государственности России, Азербайджана и Грузии, который длился с момента крушения СССР и юридического оформления политического суверенитета данных государств примерно до окончания первого десятилетия XXI в, когда основные параметры элементов формы рассматриваемых государств получили окончательное закрепление.

В этой связи представляется возможным выделить следующие универсальные особенности ОПД на этапе становления суверенной государственности России, Азербайджана и Грузии:

6. Развитие на основе официального дискурса авторитарного советского государства. Данная особенность определяет противоречивость и непоследовательность ОПД рассматриваемых государств, прежде всего, в силу антонимического соотношения основных концептов дискурсов, характерных для авторитарных (тоталитарных) и демократических государств. Кроме того, вышеуказанное обстоятельство определяется и отсутствием у рассматриваемых стран за исключением России, устойчивого и длительного исторического опыта существования суверенной государственности.

При этом «генетическая зависимость» современных ОПД от дискурса советского государства определяет гипертрофированное воздействие на его содержание разнообразных манипуляторов общественным сознанием —

имиджмейкеров, политтехнологов, политических консультантов, которые становятся фактически самостоятельными его субъектами (разработчиками), подменяя тем самым важнейшую функцию представителей властной политической элиты;

2. Простота и образность содержания концептов, обусловленная характеристиками основного адресата ОПД – электорально значимого большинства, обладающее низким уровнем политического сознания в силу незавершенности процесса его политической социализации, и имеющее лишь незначительные, фрагментарные знания о содержании политического процесса. Такие особенности адресата ОПД предопределяют, с одной стороны, его повышенный манипулятивный потенциал, а с другой – затрудняют реализацию содержательных концептов в силу аполитичности большинства населения;

3. Противоречивость содержания основных концептов, реализуемых в рамках ОПД. В структуре ОПД рассматриваемых государств одновременно актуализированы образы, отражающие политические институты и реалии политических процессов развитых правовых, демократических государств и образы, направленные на утверждение социокультурной специфики, иначе говоря, имеющие националистический характер. Эти образы конкурируют между собой в процессе формирования государственно-гражданской идентичности населения. При этом их соотношение в разные периоды становления суверенных государств было различным. Если в 1990-е гг. в структуре ОПД преобладали образы, характерные для евроатлантической цивилизации, то начиная с 2010-х гг. в большей (в России и Азербайджане) и в меньшей (в Грузии) степенях в структуре ОПД стали преобладать образы, подчеркивающие социокультурную и политическую специфику российского, азербайджанского и грузинского обществ;

4. Замкнутость официального дискурса, чрезвычайная зависимость его содержательных концептов от личностных характеристик и мировоззренческой позиции отдельных представителей властной политической элиты. При этом

независимое экспертное сообщество, включая профессиональных политологов, несвязанных с властной элитой, не имеет сколь-нибудь значимых возможностей оказывать воздействие на определение содержательных концептов ОПД и принципы их реализации. В этой связи содержание ОПД в рассматриваемых государствах на всех этапах его развития определяет сравнительно небольшой круг лиц, которые последовательно монополизировали основные каналы презентации ОПД;

5. Преимущественно ритуальный характер политической коммуникации в рамках ОПД, заимствованный из советского политического дискурса. Следствием ритуализма является безапелляционность базовых концептов дискурсов и нетерпимость в отношении альтернативных концептов.

Господствующая политическая элита стремится к однородности базовых идейных концептов дискурса. Следствием таких устремлений стали пороки и недостатки, аналогичные советскому официальному дискурсу, такие как несоответствие слов и действий политической элиты, желание выдавать желаемое за действительное, маскировать истинный смысл своих устремлений, схоластичность и безапелляционность оценок. В тоже время содержание этих концептов может определяться на основе запросов наиболее активных структур гражданского общества в контексте поиска компромиссов и согласований с ними.

Однако, представляется, что политические элиты рассматриваемых государств используют такую тактику определения ключевых идеологем ОПД лишь в условиях наличия реальных угроз потери легитимности, реализуя таким образом вынужденные «тактические маневры», формально учитывая мнение оппозиции. Практические результаты ограниченного использования дискурса согласований в рассматриваемых государствах были обусловлены появлением в рамках их политических режимов институтов, характерных для развитых демократических государств, таких как многопартийность, политический плюрализм, легальная оппозиция. Вместе с тем развитие данных институтов вплоть

до настоящего времени происходит сугубо в ограниченных рамках под контролем со стороны уполномоченных властных структур. В большей степени такая ситуация характерна для современного внутриполитического процесса России и Азербайджана. В меньшей степени такие характеристики свойственны официальному дискурсу Грузии, поскольку эта страна к настоящему времени имеет значительные достижения в осуществлении интегративного процесса со странами Запада. Их «оборотной стороной» являются многочисленные проблемы социально-экономического развития, падение реального уровня жизни населения.

Анализ содержания современного ОПД рассматриваемых государств в контексте влияния на процесс формирования государственно-гражданской идентичности позволяет сделать вывод о сходстве политических технологий, используемых для достижения данной цели. Ведущей из них является «моделирование истории» в контексте создания взаимосвязанных мифов о единой национальной общности, выступающей в качестве ключевого критерия легитимизации власти политической элиты и главного субъекта политического процесса, делегирующего свои полномочия властной элите.

Анализ современного ОПД рассматриваемых государств позволяет привести конкретные примеры использования вышеуказанной технологии в рамках политики идентичности.

Ниже рассмотрим материалы для контент-анализа имеющегося дискурса о государственно-гражданской идентичности современных России, Азербайджана и Грузии на материалах выступления первых лиц, итоги которого отразим в Приложении № 2.

Российская Федерация. «Исходным пунктом» моделирования государственно-гражданской идентичности РФ является концепт национально-государственной идеологии, который последовательно формулируется президентами РФ на протяжении всех 2000-х гг. вплоть до настоящего времени. Современный концепт формирования государственно-гражданской идентичности

в России находит свое отражение в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666¹.

Л. Н. Тимофеева в своей работе в общих чертах проследила эволюцию процесса формирования государственно-гражданской идентичности. По ее мнению, первый вариант российской государственной идеи, который был представлен Президентом РФ², по сути, выглядел как проект «Патриотизм, державность, государственничество, социальная солидарность». Позднее, уже в феврале 2008 года, когда период его второго президентства практически завершился, на заседании Госсовета, он произнес речь, содержащую приоритетные направления развития РФ, основными посылами которой, стали: «общество равных возможностей», «отсутствие бедности» и «гарантия равной безопасности для каждого».

Предвыборная кампания Д. А. Медведева, не могла обойти эти тезисы стороной, и взяв за основу вышеуказанную речь, объявил цель и задачи дальнейшего развития России: «У каждой нации должен быть набор понятных принципов и целей, которые объединяют людей, живущих в данной стране. И строятся эти принципы на вполне реальных задачах, востребованных обществом. Это, прежде всего, свобода и справедливость. Второе – это гражданское достоинство человека. Третье – его благополучие и социальная ответственность». В этом направлении активно работает В. В. Путин, который одним из приоритетных направлений миссии президентства видит в возрождении величия

¹Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212190001.pdf> (дата обращения 04.04.2021).

²Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий»//Независимая газета. 30.12.1999. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html (дата обращения: 05.04.2021).

народа, ценностных традиций и моральных постулатов, среди которых патриотизм занимает ведущее место¹.

Таким образом, следует отметить, что уже в первое десятилетие XXI века в Российской Федерации начал формироваться концепт некой интегральной (национально-государственной) идеологии, лежащий в основе ОПД. При этом важно отметить, что данный концепт, основанный на представлении об уникальности российского общественно-политического развития в целом и российской государственности в частности соответствует социальным ожиданиям, о чем свидетельствуют данные социального опроса 2007 г, приведенные В. С. Комаровским: 47,6 % опрошенных констатировали необходимость поиска Россией своего собственного пути развития².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ключевой идеей консолидации гражданской общности в целях осуществления политики идентичности является смысловой концепт уникальности российского государства, который является очередной интерпретацией официальной идеологии Российской империи «самодержавной триады», созданной в 1830 – е гг. министром просвещения С. С. Уваровым: «Православие. Самодержавие. Народность». Есть точка зрения, что в советские времена она была негласно на практике перелицована как «Коммунизм. ЦК КПСС. Народ». В качестве ее базовых идейных оснований можно выделить идейно-нравственную составляющую (ранее – ведущую конфессию), воплощаемую в лидере нации или в ведущей политической силы, и единстве, интернационализации, согражданстве народов в многонациональном государстве.

¹Тимофеева Л. Н. Новый имидж России как символ возрождения страны // Дискурс – Пи. 2014. № 1. - С. 121.

²Комаровский В. С. Политическая идентификация России в свете идеологам «суверенной демократии»// Модель «суверенной демократии» в России: что за кадром? Материалы научного семинара / Под ред. В.И. Якунина. № 9 (14). М.: Научный эксперт. 2008. - С. 27.

В этой связи президент В. В. Путин в качестве приоритетной политической цели неоднократно подчеркивал необходимость обеспечения прогрессивного развития Российской Федерации в качестве уникального государства. Так, например, в официальном послании Федеральному собранию в 2019 г. Путин конкретизируя перспективы дальнейшего развития России подчеркнул: «Мы идём к их (повседневных задач государственной политики) решению системно и последовательно, выстраивая такую модель социального, экономического развития, которая позволит обеспечить наилучшие условия для самореализации человека, а значит, дать достойные ответы на вызовы стремительно меняющегося мира, сохранить Россию как цивилизацию, основанную на собственной идентичности, на многовековых традициях, на культуре наших народов, ценностях и наших традициях. Добиться поставленных целей мы сможем, разумеется, только объединяя усилия, только вместе, при сплочённости общества, готовности всех нас, всех граждан России достигать успехов в конкретных делах»¹.

Как видим приоритет сохранения социокультурной уникальности в ОПД сочетается с традиционным посылом обеспечения гражданского единства, который постоянно использовался в официальной риторике официальных лиц на протяжении всего существования советского государства.

Стремление к совмещению в рамках российского ОПД идейных концептов различных исторических эпох проявляется и в том, что официальная риторика президента Путина на современном этапе все чаще апеллирует к идее формирования социального ответственного сильного государства, стремящегося к обеспечению благосостояния многонационального российского народа на основе использования личностно-ориентированных управленческих инструментов.

¹Послание Федеральному собранию 20 февраля 2019 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/59863> (дата обращения: 09.06.2020).

При этом именно осознание единства российского общества в контексте реальных достижений и перспективных свершений отличает ОПД России на современном этапе. Данная идея является рефреном последних публичных выступлений Президента Путина. Приведем некоторые его характерные высказывания, подчеркивающие данную мысль: «Наступивший, 2020 год во многом рубежный. Это переход к третьему десятилетию XXI века. Перед Россией стоят прорывные исторические задачи, и в их решении значим вклад каждого. Вместе, сообща мы обязательно изменим жизнь к лучшему. Часто говорю это слово – «вместе», потому что Россия – это мы. Я имею в виду не тех, кто находится в этом зале, или не только тех, кто в зале находится, а всех граждан нашей страны, потому что верю: успех определяет наша добрая воля к созиданию, к развитию, к достижению самых смелых планов, наш труд во имя своей семьи, своих близких, детей, их будущего, а значит, ради величия России, ради достоинства её граждан»¹. «Подчеркну: благодаря многолетнему общему труду и достигнутым результатам сейчас мы можем направить и сконцентрировать на целях развития колоссальные, во всяком случае для нашей страны колоссальные, финансовые ресурсы. Нам их никто не подарил. Мы не взяли их взаймы. Эти средства заработаны миллионами наших граждан – всей страной. Ими нужно распорядиться так, чтобы приумножить богатство России и благополучие российских семей»².

Таким образом, к началу 2010 – х – гг. вышеуказанный концепт государственной идеологии был институционализирован в программных документах правящей партии «Единая Россия», где получил название «суверенная демократия».

¹Послание Федеральному собранию 15 января 2020 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/62582> (дата обращения: 09.06.2020).

²Послание Федеральному собранию 20 февраля 2019 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/59863> (дата обращения: 09.06.2020).

Во II разделе программы партии «Россия, которую мы выбираем»¹ заявлено: «наша стратегическая цель — строительство России как великой державы на основе исторических традиций и самобытных культурных ценностей ее народов, лучших достижений мировой цивилизации. Россия, которую мы выбираем, — это сильное демократическое, социально ориентированное государство. Это свободное, справедливое и духовно сплоченное общество. Это конкурентоспособная инновационная экономика. Это высокое качество жизни граждан»².

Ключевой технологией формирования государственно-гражданской идентичности на основе вышеуказанного идейного концепта в рамках ОПД является актуализация патриотического сознания населения РФ на основе тезиса о «народе победителе» главной угрозы существования человеческой цивилизации на протяжении всей истории ее развития – нацистской Германии. При этом российское руководство постоянно подчеркивает ключевое значение вклада советского народа в победу во Второй мировой войне, сам факт которой рассматривается как ведущий механизм обеспечения национального единства, гражданской консолидации в рамках сильного государства.

Указанная идея является лейтмотивом выступлений первых лиц Российской Федерации на протяжении длительного периода времени. Так, в канун празднования 75-летней годовщины победы в Великой Отечественной войне президент В. В. Путин отметил, что в празднование этого, по истине, Великого события сплачивает и объединяет, всех, без исключения россиян, независимо от национальной, социальной, гендерной или возрастной категории принадлежности,

¹Забурдаева Е. В. Политическая кампания. Стратегии и технологии / Е.В. Забурдаева. - Москва: Аспект Пресс. 2012. - 343 с.

²Комаровский В. С. Политическая идентификация России в свете идеологам «суверенной демократии»// Модель «суверенной демократии» в России: что за кадром? Материалы научного семинара / Под ред .В.И. Якунина. М.: Научный эксперт. 2008. № 9 (14).- С. 31.

при этом, акцентируя внимание на единстве исторической памяти, общенародном патриотизме и чувстве благодарности Героям, и осознании высокой степени социальной и морально-этической ответственности перед ними и перед будущими поколениями¹.

Таким образом, в современном ОПД РФ факт победы в Великой Отечественной войне приобретает фактически сакральный характер, выступает ведущим средством гражданской консолидации в контексте обеспечения ключевого политического приоритета – сохранения сильного независимого государства. В данной связи можно сказать, что в рамках российского ОПД для формирования государственно-гражданской идентичности широко используется контекст правопреемственности с советской историей. Правда такой контекст достаточно узок – первые лица государства обращаются исключительно к славным страницам советской истории, оставляя без детального комментария характеристики формы советского государства. При этом традиционно большое значение имеет идеализация значения армии для российского государства и общества. В этой связи, по утверждению В.В. Путина, «Уроки Великой Отечественной войны, вся история страны учат нас, что наша армия должна быть всегда сильной, способной ответить на любые вызовы и угрозы, надёжно обеспечить суверенитет и национальные интересы России, безопасность и мирную жизнь наших граждан. Поэтому будем и дальше развивать, совершенствовать Вооружённые Силы. При любых обстоятельствах реализуем намеченные планы по укреплению всех видов и родов войск, по оснащению их передовым оружием и техникой, в том числе стратегическими, не имеющими до сих пор аналогов

¹Полный текст поздравления Владимира Путина с 75-летием Победы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://discred.ru> (дата обращения 28.05.2021).

в мире высокоточными и гиперзвуковыми системами, беспилотными и автоматизированными ударными комплексами»¹.

Вместе с тем государственно-гражданская идентичность с точки зрения современного ОПД России должна формироваться с учетом современного цивилизационного стандарта правовой демократической государственности, который должен обеспечивать конкурентоспособность российского государства на международном уровне на основании идей национального прагматизма.

Определяя ее характеристики, В.В. Путин отмечал: «При дальнейшем государственном строительстве перед нами стоят, казалось бы, прямо противоположные задачи, служат ориентиром ценности, которые могут на первый взгляд представляться несовместимыми. Что имею в виду? Мы должны создать систему прочную, надёжную, неуязвимую и по внешнему контуру абсолютно стабильную, безусловно, гарантирующую России независимость и суверенитет. В то же время систему внутри себя живую, гибкую, легко и своевременно, главное, меняющуюся в связи с тем, что происходит в мире, вокруг нас, а главное, в связи с развитием самого российского общества. Систему, обеспечивающую в том числе сменяемость тех, кто находится у власти или занимает высокое положение в других сферах. Такое обновление – неотъемлемое условие для прогрессивной эволюции общества и пусть не безошибочного, но стабильного развития, когда незыблемым остается главное – интересы России».

Схожесть содержания российского ОПД на современном этапе с советским определяется и использованием других традиционных идеологам, связанных с необходимостью обеспечения «прорывного развития» на основе конструктивного потенциала молодежи и идеализацией управленческого потенциала органов власти.

¹ Поздравление В. В. Путина выпускникам высших военно-учебных заведений России 10 мая 2020 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/63332> (дата обращения: 09.06.2020).

Характерными в этой связи являются следующие высказывания Президента Путина на последнем съезде «Единой России»: «Наша цель – скажу это вновь – обеспечить прорыв в развитии России. Этот исторический вызов касается всех: и власти, и политической системы – всего общества. Чтобы задать и выдержать такой высокий темп, темп перемен, партия должна, и сама меняться изнутри, быть предельно открытой, доступной, в том числе для молодёжи, для наших сторонников из волонтерского, добровольческого движения. И конечно, прямо нацеливайте партийные ресурсы на продвижение ярких, талантливых, активных, патриотично настроенных ребят. Партия должна делом доказать, что является эффективным «социальным лифтом» для тех людей, которые хотят служить Родине. «Единая Россия» должна быть партией лидеров, которые определяются не должностью и своим положением или статусом, а тем, как они служат своему народу»¹.

Мотив идеализации управленческого потенциала органов государственной власти выразился в оценке противодействия эпидемиологической угрозе, связанной с распространением, корона вирусной угрозе. В этой связи Президент подчеркнул, что «все уровни власти работают ритмично, организованно, ответственно. Ситуация находится под полным контролем. Всё наше общество объединяется перед общей угрозой. Ещё раз хочу поблагодарить тех, кто по зову сердца протягивает руку помощи ближним, тем, кто в ней сегодня нуждается, сказать спасибо всем вам. Никаких сомнений нет: мы достойно пройдем через посланные нам испытания»².

Можно сказать, что существующий в Российской Федерации государственный подход к формированию идеологии государственно-

¹Выступление В. В. Путина на пленарном заседании партии «Единая Россия» 23 ноября 2019 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/62105> (дата обращения: 09.06.2020).

²Поздравления В. В. Путина с праздником Пасхи 19 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]- Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/63222> (дата обращения: 09.06.2020).

гражданской идентичности многонациональной России исторически базируется на таких постулатах, как «величие российского народа» и «историческая миссия России», в будущем предполагает укрепление и развитие концепта «сильное суверенное государство», за счет таких составляющих, как «патриотизм», «сильная армия», «прорыв в развитии России». Идеино же государственная гражданская идентичность формируется как «Единая российская нация», которая имеет «собственную уникальную идентичность», что позволяет «сохранять традиции», одной из которых является «всемирная причастность к победе в ВОВ» - «Наша победа». (См. Приложение 2).

Азербайджан. Потенциал ОПД Азербайджанской республики в контексте формирования государственно-гражданской идентичности в настоящее время реализуется на основании идеологического концепта «азербайджанства». В этом смысле можно в отличие от ОПД России, в рамках которого современные технологии формирования государственно-гражданской идентичности начали практически реализовываться лишь с середины 2000- х гг., наблюдать четко выраженную идеологическую преемственность, поскольку концепт «азербайджанства» в общем и целом был сформирован в 1990- е гг. первым президентом республики Г. Алиевым.

По утверждению А. Гасанова, Гейдар Алиев смог осуществить превращение национального концепта «Азербайджанство» в площадку общенационального объединения всего мирового сообщества азербайджанцев, причем, не только коренных, но тех, кто в какой-то мере связан с Азербайджаном.

В «доалиевский период» идея азербайджанства, несомненно, в каком-то виде существовала, существовала как этническая, специфически-лингвистическая, культурно-этнографическая, культурно-философская и духовная ценности. Но свое развитие и деятельное воплощение она приобрела, именно с его подачи, его инициации придания этому явлению общенародной ценности и обрела суть составного элемента социально-государственного строительства, социального,

национально-религиозного единения народа внутри страны, не взирая на разность политических убеждений¹.

«Можно быть в оппозиции к власти, государственным структурам и политическому курсу, но ни в коем случае, нельзя быть в оппозиции к своей Родине, своему народу, своей национальной самобытности. Понимание идеологии азербайджанства через эти категории, и есть тот нормативно-ценностный «скелет», который постепенно обрастает стратегическими концептами, внешнеполитическими принципами, и внутригосударственными постулатами организации жизнедеятельности в соответствии с его волей, потребностями и функционированием внутри социума, при этом, сохраняя национальную самобытность население прошлого, и стремление в счастливое будущее, трудясь и развиваясь на благо родного отечества.

Только так, через идентичность азербайджанства, нация продвинется к современному, развитому и благополучному, во всех отношениях Азербайджану, государству и обществу развитой политической общности, сохраненной самобытностью и материально-духовной самодостаточностью, и национально-государственным единством².

Итак, «азербайджанство» в рамках ОПД современного Азербайджана следует понимать как идеологический концепт, ориентированный на перспективу создания сильного независимого национального государства, в рамках которого должно быть обеспечено стабильное общественно-политическое развитие, прогрессивный экономический рост, ориентированный на формирование статуса Азербайджанской республики в качестве сильной региональной державы. При этом азербайджанство предполагает реализацию традиционной политической

¹Гасанов А. Гейдар Алиев и учение о национальной государственности - Азербайджанство. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://azertag.az/ru/xeber/Geidar_Aliev_i_uchenie_o_nacionalnoi_gosudarstvennosti_Azerbaidzhantstvo-1163346 (дата обращения: 05.06.2021).

²Там же.

технологии обеспечения прочного национального единства на основе президентской республики с сильным элементом авторитарного правления. Важно отметить, что «азербайджанство» предполагает и реализацию внешнеполитической технологии влияния, связанной с оформлением политической субъектности «паназербайджанства». В этой связи «азербайджанство» ориентировано на формирование «космополитичной» государственно-гражданской идентичности.

«Исходным» историческим опытом реализации азербайджанства является обращение к историческому факту существования независимого Азербайджанского государства в начале XX века. При этом ОПД современного Азербайджана допускает предельно вольную интерпретацию его характеристик, не приводя для этого достаточных фактических оснований: «Мы гордимся тем, что именно азербайджанцы стали основателями первой в мусульманском мире демократической республики. Азербайджанцы впервые в мусульманском мире выразили желание жить в свободном обществе, где защищаются все права человека. Роль Азербайджанской Демократической Республики в развитии современного Азербайджана велика. Мы также гордимся сегодня решениями, принятыми ими 100 лет назад. Одним из них стало предоставление женщинам избирательного права, причем это решение было принято раньше многих европейских государств. К сожалению, Азербайджанская Демократическая Республика просуществовала чуть менее двух лет, трагическое падение республики стало уроком для всех нас»¹.

Учитывая такие характеристики первого в истории независимого азербайджанского государства, государственность в рамках ОПД Азербайджана должна представлять для каждого азербайджанца самое ценное историческое

¹Гасанов А. Гейдар Алиев и учение о национальной государственности – Азербайджанство // Внешнеполитический дискурс Азербайджанской Республики на уровне государственного руководства. Практикум. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет. 2018. - С. 17-19.

достижение в связи с чем его защита, обеспечение его вечности воспринимается как священный долг каждого азербайджанца. Г. Алиев, считал, что для формирования национальной идеологии, в первую очередь важно и необходимо, образовывать и воспитывать всю общность, доносить принципы и ценности морально-этнического восприятия до каждого индивида, особенно, в молодом возрасте, и безусловно в подростковом. Тогда идейные концепты азербайджанства, уже через одно, два поколения, начнут самовоспроизводиться, в естественных условиях, в семье, образовании, да и просто в социуме. Именно поэтому, сейчас принципиально важно, вести воспитательно-разъяснительную работу в концепте гражданской преданности национальным постулатам, и философии независимой гражданственности в целом, и суверенности Азербайджана, в частности¹.

Наибольший потенциал идейного концепта «азербайджанства» в контексте формирования государственно-гражданской идентичности имеет идея о значении личности для обеспечения государственного величия. Другими словами, ключевое значение в процессе формирования государственности должен иметь «идеальный гражданин Азербайджана», обладающий необходимыми качествами: чувством справедливости, гражданской активностью и, конечно же политическим сознанием, высоким уровнем политической культуры, и наконец, волевой и принципиальный, причем, независимо от его гендерной принадлежности, и обязательно, владеющий в совершенстве родным языком, и отлично знающий истоки национальной культуры и истории. Ведь если граждане, осознают важность и значимость их работы на пользу национальной и гражданской идентичности, пользуются результатами собственного труда, основываясь на справедливости распределения социальных благ, и гражданской ответственности, конечно, весь народ, со временем станет сильным, могущественным и величественным². Таким

¹ Там же.

² Гасанов А. Гейдар Алиев и учение о национальной государственности -Азербайджанство. [Электронный ресурс]- Режим доступа:

образом, значение «азербайджанства» в качестве концепта формирования государственно-гражданской идентичности определяется и моральной составляющей данной идеологии, ориентированной на воспитание интеллектуально развитого, образованного законопослушного гражданина, тщательного хранящего и соблюдающего национальные традиции, одной из которых является почитание первого президента Азербайджана Г. Алиева в качестве создателя его суверенной государственной идентичности.

«Азербайджанство» в современном ОПД азербайджанской республики предполагает идеализацию всех сторон жизни суверенного Азербайджана. Показательным в этой связи является последнее традиционное послание президента Азербайджана И. Алиева к Дню солидарности азербайджанцев мира – празднику, который является ключевой составляющей формирования государственно-гражданской идентичности граждан республики. В своем обращении Президент отметил: «Азербайджан является уникальным пространством, где сохраняются стабильность, этнорелигиозная толерантность и мультикультуральные традиции. Надеюсь, что наши соотечественники, в какой бы общности они не существовали и действовали, наряду с интеграцией в жизнь стран, в которых проживают, будут хранить национальную самобытность, морально-нравственные ценности, привязанность к исторической Родине, демонстрировать единство действий и идей, нерушимую солидарность во имя настоящего и светлого будущего Азербайджана. Уверен, что наши многочисленные диаспорские организации в зарубежных странах и впредь с решительной волей и высоким патриотизмом будут прилагать усилия во имя этих целей, всегда будут приумножать славу нашего народа и государства¹.

https://azertag.az/ru/xeber/Geidar_Aliev_i_uchenie_o_nacionalnoi_gosudarstvennosti_Azerbaidzhanstvo-1163346 (дата обращения: 05.06.2021).

¹Азербайджанцам мира [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.president.az/articles/35418> (дата обращения: 09.06.2020).

Следует отметить, что в ОПД Азербайджана периода президентства И. Алиева стала реализовываться новая технология формирования государственно-гражданской идентичности, в основе которой находится две противоречивые идеи – восприятие Азербайджана в качестве хранителя традиционных исламских ценностей и одновременно в качестве мультикультурного толерантного государства. При этом и в том, и в другом случае ОПД Азербайджана допускает идеализацию азербайджанской республики. В частности, И. Алиев отмечал, что «ислам начал распространяться в Азербайджане с середины VII века, и наша страна превратилась в один из культурно-исторических центров исламской цивилизации. Наш народ на протяжении столетий на такой культурно-духовной основе даровал истории общечеловеческой мысли великих личностей, всемирно известным азербайджанским ученым и мыслителям, гениям слова и искусства принадлежат исключительные заслуги в развитии исламской культуры.

В настоящее время, когда в ряде стран исламофобия приобрела размах, мы и дальше будем продолжать наши последовательные усилия по пропаганде общечеловеческих исламских ценностей, призывающих людей к единству, равноправию, миру и толерантности, а также инициативы, направленные на межкультурный диалог и сотрудничество¹.

С другой стороны, по утверждению И. Алиева, «Мультикультурализм является государственной политикой в Азербайджане, нашим образом жизни. Мы гордимся тем, что у нас многонациональное, многоконфессиональное общество. Представители всех религий и этнических групп живут в Азербайджане в условиях мира и спокойствия, как одна семья. Считаю это большим достоянием в сегодняшнем мире»².

¹Участникам II Международного симпозиума «Исламская цивилизация на Кавказе». Выступление И. Алиева [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.president.az/articles/33796> (дата обращения: 09.06.2020).

²Речь Ильхама Алиева на открытии VI Глобального Бакинского Форума (приводится с некоторыми сокращениями) 16 марта 2018 г. // Внешнеполитический дискурс Азербайджанской

Таким образом, государственно-гражданская идентичность в Азербайджане выстраивается, как соотношение традиционных исламских ценностей и мультикультурного общества. Данное соотношение обеспечивается светским характером власти и основывается на традициях «первой мусульманской демократической Республики», «гордости за национальную культуру, историю, традиции», «наследии первого Президента Азербайджана Г. Алиева». В перспективе реализуемый концепт государственно-гражданской идентичности будет способствовать «развитию национально-государственного единства», становления «Азербайджана, как суверенного сильного регионального государства». Идеологической составляющей в данном случае становится «Азербайджанство, как единство азербайджанцев по всему миру» и «формирование концепта «азербайджанство» в подростковом и школьном возрасте» (см. Приложение 2).

Грузия. Технологии, используемые в современном ОПД Грузии для формирования государственно-гражданской идентичности, содержательно принципиально отличаются от российского и азербайджанского опыта. При их характеристике важно учитывать общую эволюцию политической ориентации грузинской республики – от грузинского национализма, господствующего в ОПД Грузии на протяжении 1990-х гг. до современного евроатлантизма, нередко приобретающего крайние формы.

Логичным следствием указанной эволюции является трансляция в рамках ОПД исторических «мифов», «максимально удаленных» от исторической действительности. В частности, рассматривая грузинскую республику, созданную 26 мая 1918 г. Грузинский ОПД безосновательно подчеркивает схожесть ее характеристик с государствами Европы, обосновывая тем самым «историческую» принадлежность Грузии к западноевропейской цивилизации. При этом опять же

без достаточных исторических оснований подчеркивается преемственность различных форм грузинского государства, существующих в разные периоды времени, которая, по утверждению высших официальных лиц грузинской республики, определила исходный гуманистическо-либеральный характер грузинской государственности.

Характерными в этой связи является следующий опус действующего Президента Грузии: «Мы празднуем этот день (национальной независимости 26 мая 1918 г.) с великими патриотами, которые сделали главную ценность, свободу нашей страны, иконой и пожертвовали своей жизнью ради достижения этой важнейшей цели. Поэтому сегодня мы празднуем историю нашего многовекового государства, которое наполняет нас гордостью¹.

Процесс реализации евроатлантического выбора грузинского государства и народа был, по мнению действующего президента Грузии, искусственно прерван в условиях «советской оккупации», однако в настоящее время Грузия вернулась на естественный путь своего развития – «Мир, в который Грузия вернулась как независимая страна 30 лет назад, сегодня имеет совершенно другие характеристики. Грузия, которая была изолирована от остального мира в течение 70 лет закрытых советских границ, прошла долгий путь, чтобы вернуться в мир за эти тридцать лет. Сегодня наши граждане обосновались практически во всех уголках земного шара; границы открыты для нас, наши границы открыты для других, и, самое главное, текущие события в мире не могут рассматриваться независимо от нас, а текущие события в нашем мире не могут рассматриваться независимо от мира. В то же время, Грузия сталкивается с жесткими вызовами: на оккупированных территориях, где права человека нарушаются по обе стороны от линии оккупации на ежедневной основе. Политика России, которая до сих пор

¹Президент Грузии поздравил грузинский народ с Днем независимости Грузии 26 мая 2015 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.president.gov.ge/geo/pressamsakhuri/siakhleebi/-.aspx> (дата обращения 09.06.2020).

несовместима с нашей независимостью и препятствует установлению добрососедских отношений¹.

Таким образом, как видим, ведущей технологией формирования государственно-гражданской идентичности граждан Грузии в рамках ОПД является продуцирование выраженного антагонизма между якобы естественным европейским ходом грузинской истории и советско-российским наследием, создающим препятствия для исторической миссии Грузии в качестве европейского правового демократического государства, основанного на европейских ценностях. Характерно, что по мнению действующего президента Грузии С. Зурабишвили «Грузия со своими ценностями, подлинно европейской культурой и собственными достижениями делает убедительные и необратимые шаги навстречу европейской семье»².

В этом смысле именно консолидация грузинской нации для противодействия российским имперским амбициям, «российской оккупации» в контексте борьбы за естественную свободу и государственный суверенитет рассматривается в качестве базовой технологии формирования гражданской идентичности. При этом, по мнению С. Зурабишвили, «в каждой цивилизованной стране, сталкивающейся с такой проблемой, политический спектр и общество объединены вокруг одной цели»³.

¹Годовой отчет президента Грузии Саломе Зурабишвили в парламенте Грузии 04.03.2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.president.gov.ge/geo/pressamsakhuri/siakhleebe/saqartvelos-prezidentis,-salome-zurabishvilis-yove.aspx> (дата обращения 09.06.2020).

²Обращение Президента Грузии 09.05.2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://www.president.gov.ge/geo/pressamsakhuri/siakhleebe/saqartvelos-prezidentis-mimartva-\(1\).aspx](https://www.president.gov.ge/geo/pressamsakhuri/siakhleebe/saqartvelos-prezidentis-mimartva-(1).aspx) дата обращения 09.06.2020).

³Годовой отчет президента Грузии Саломе Зурабишвили в парламенте Грузии 04.03.2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.president.gov.ge/geo/pressamsakhuri/siakhleebe/saqartvelos-prezidentis,-salome-zurabishvilis-yove.aspx> (дата обращения 09.06.2020).

Мифотворчество современного ОПД Грузии в контексте обоснования евроатлантической идентичности страны в качестве своего объекта рассматривает хронологически близкую историческую ретроспективу. При этом используется традиционная политическая технология – идеализации опыта существования независимой Грузии в постсоветский период. Характерным примером реализации данной технологии стало выступление Президента Грузии на Парламентской Ассамблее Совета Европы в январе 2020 г., в ходе которого было отмечено, что «за этот короткий период истории Грузия сумела превратиться из постсоветской страны в сильную и активную демократию. Она превратилась в государство с сильными институтами, свободной экономикой, устойчивым экономическим ростом и развитием социальных систем и систем здравоохранения. В целом в нашей стране стабильная обстановка. Несмотря на все это – несмотря на замороженные конфликты и открытую войну, оккупированные территории, угрозу дестабилизации Грузия проложила путь для Европейского союза и НАТО. Мы смогли провести необходимые реформы для членства, хотя кардинальные изменения часто были болезненными для населения. Мы прилагаем большие усилия, чтобы двигаться в единственном направлении, поддерживаемом подавляющим большинством населения. Соглашение об ассоциации с Европой, Соглашение о свободной торговле, Безвизовый режим свидетельствует о наших достижениях и подчеркивает, что Грузия является надежным партнером. Мы знаем, что не достигли конца пути. Для проведения последней волны реформ потребуется больше политической воли»¹.

Стремление обосновать евроатлантический характер государственно-гражданской идентичности Грузии в рамках ОПД порой приобретает откровенно гротескные формы. Так, в своем последнем отчете перед Парламентом страны

¹Выступление президента Грузии на Парламентской ассамблее Совета Европы в Страсбурге 28.01.2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.president.gov.ge/geo/pressamsakhuri/siakhleebi/saqartvelos-prezidentis-sityva-strasburgshi-evropi.aspx> (дата обращения 09.06.2020).

Президент заявила, что «мы прошли все этапы построения демократии. Нас отличает неограниченная свобода слова, политическая защита и защита прав человека»¹. При этом даже в условиях чрезвычайного положения, вызванного пандемией коронавируса, по мнению Президента Грузии, «Грузия не нарушила принципы демократии ни на одном этапе. Ограничение прав человека, которое само по себе является чрезвычайным положением, в нашем случае было сведено к минимуму»².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что содержательный концепт формирования государственно-гражданской идентичности, реализуемый в рамках ОПД Грузии может быть выражен следующим тезисом: «Наш путь в Европу и НАТО ясен и неизменен! Внутренние проблемы НАТО или Европейского Союза не повлияют на нас и не изменят путь не только потому, что мы записали эту цель в Конституции, но и потому, что на самом деле нет другого пути, нет альтернативы этому пути, нет другой перспективы свободного развития. Поэтому население Грузии не может и не сделает другого выбора»³.

Структурируя «грузинский кейс» можно определить, что основой формирования идей государственно-гражданской идентичности в Грузии осуществляется на стыке идей национал-патриотизма и евроатлантизма, одинаково популярных в грузинском обществе. Историческое обоснование на совокупности

¹Годовой отчет президента Грузии Саломе Зурабишвили в парламенте Грузии 04.03.2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.president.gov.ge/geo/pressamsakhuri/siakhleebe/saqartvelos-prezidentis,-salome-zurabishvilis-yove.aspx> (дата обращения 09.06.2020).

²Обращение Президента Грузии к Дню независимости Грузии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.president.gov.ge/geo/pressamsakhuri/siakhleebe/saqartvelos-damoukideblobisdgisadmi-midzgvnili-mi.aspx> (дата обращения 09.06.2020).

³Зурабишвили С. Наш путь в Европу и НАТО ясен и неизменен! Другого пути нет - население Грузии не может и не сделает другого выбора! 17.12.2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.president.gov.ge/geo/pressamsakhuri/siakhleebe/salome-zurabishvili-chveni-gza-evropisa-da-natoske.aspx> (дата обращения: 09.06.2020).

постулатов о «Демократической Грузинской Республики как основы суверенного государства», мифах о «Советской оккупации», героизации «Национально-освободительных движений», в перспективе проявляются не только в идеях о «Восстановление территориальной целостности», понимания Грузии, как «страны западного мира», что требует «Евроинтеграции», но и национал-патриотической риторике консолидирующей общество и выраженной в сохранении традиционных ценностей – «Грузия христианская страна», противодействию «внешнему врагу с имперскими амбициями» (см. Приложение 2).

Следует отметить, что политические технологии формирования государственно-гражданской идентичности в рамках ОПД рассматриваемых государств не ограничивается исключительно трансляцией сконструированных концептов «национально-государственных» идеологий. Другой важной технологией является привлечение институтов гражданского общества, включая профессиональное научное сообщество к разработке проблематики идейного основания государственно-гражданской идентичности.

К настоящему времени вышеуказанные технологии практически реализованы, в первую очередь, в Российской Федерации. В этой связи можно привести следующие примеры.

В 1996 г. По инициативе президента России Б. Н. Ельцина «Российской газетой» был проведен конкурс «Идея для России». Главный редактор издания очень эмоционально обосновал необходимость проведения такого конкурса: «народ без национальной объединяющей идеи – легкая добыча политических авантюристов» и что она «должна стать страховым надпартийным полисом на случай очередного политического психоза». «Мы хотим строить себя, страну, российское государство, а не подпевать очередным вождям, временщикам и властолюбцам, – заключает редактор. – И вера нам поможет»¹.

¹«Российская газета» объявляет конкурс на национальную идею. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.yeltsinmedia.com/events/july-30-1996/> (дата обращения: 05.09.2020)

Отметим, что, несмотря на имеющиеся положительные отклики на данный конкурс, большинство российской интеллигенции, все же негативно восприняло эту инициативу, что было обусловлено, прежде всего, выраженным неприятием любой сколь-нибудь оформленной государственной идеологии в рамках ортодоксально либерального европеизированного мировоззрения, господствующего в их рядах.

Однако, данный процесс все же получил свое продолжение. Так, в 2012 г. На страницах издания были обнародованы данные, полученные в результате научной работы, в которой исследователи так обозначили национальную идею: «Моя страна должна быть, и должна быть всегда». Результатом этого научного труда стал концепт национальной идеи через призму наивысших ценностей: «незыблемость самой России, работа государства на благо народа, любовь, семейственность, патриотизм, неприятие притеснений и дискриминации любого рода»¹.

В 2012-2013 гг. руководителями CF Art Group Д. Сауниным и Г. Маминым был организован конкурс арт-концепций. Пальма первенства тогда была отдана авторской интерпретации национальной идеи, сформулированной маркетологом В. Сабуровым, который выразил ее так: «Россия – неваляшка. Страна Ванька-встанька». Слоган был развернут следующим обоснованием: «Наша страна в постоянных метаниях. Мы как неваляшка – вроде бы, вот он, наш путь, и надо спокойно идти по нему, но нет, приводят опять Россию в движение внутренние силы и противоречия, опять поиск своего предназначения, опять качаемся из стороны в сторону. Но в этом вечном движении и качании есть и залог нашей непобедимости. Часто казалось: «Пропала Россия!!! Нет у нее будущего...». Но

¹Шадрина Т., Зыкова Т. Код успешности России. //Российская газета. 2012. № 5787 от 22 мая

восстает опять страна, как неваляшка, на удивление всем не верующим в нее. И снова временное затишье...»¹.

Визуализация этой арт-концепции была представлена публике, во время Венецианского бьеннале (<http://www.cfart.net/images/konkurs/Nevolyshka-F3.jpg>). стала. Эта пятиметровая скульптура, которая, по мнению автора, «воплощает искусство в реальность» и «углубляется в русское», сопровождалась слоганом: «Россия – попробуй завали».

Кроме того, в рамках реализации указанной технологии при поддержке правительства РФ в 2006 г. Был создан Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, задачи которого заключались в оказании научно-методологической поддержки в процесс формирования идейных концептов ОПД, позитивно влияющих на формирование государственно-гражданской идентичности.

Власти Азербайджана также поощряют научные и общественные изыскания и инициативы в вопросах определения и уточнения параметров национальной идеологии. В этой связи следует отметить подготовку и издание в 2018 г. При поддержке правительства республики двухтомного труда академика Р. Мехтиева, посвященного вопросам формирования национальной идеи². В этой фундаментальной работе на основе применения антропологического и генетического подходов всесторонне исследуются проблемы этногенеза азербайджанского народа, становления азербайджанской национально-культурной идентичности, определяются идейно-политические основания формирования

¹Конкурс арт-концепций на тему «Национальная идея России». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cfart.net/idea2.php> (дата обращения: 12.06.2020).

²Фундаментальный научный вклад в изучение национальной идеи Азербайджана. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azertag.az/ru/xeber/Fundamentalnyi_nauchnyi_vklad_v_izuchenie_nacionalnoi_idei_Azerbaidzhana-1144077(дата обращения: 05.00. 2020)

современной государственно-гражданской и этнонациональной идентичности азербайджанцев.

Вывод к параграфу

Таким образом, завершая анализ потенциала современного ОПД России, Азербайджана и Грузии в контексте оказания влияния на процесс формирования государственно-гражданской идентичности на современном этапе, можно сделать следующий вывод.

Ведущие технологии, реализуемые в рамках ОПД рассматриваемых государств в данном контексте связаны с формированием идейных концептов «россиянства», «азербайджанства» и «грузинства». При этом присутствуют различия в методологических подходах конструирования указанных концептов. Так, если в первых двух случаях в таком качестве выступает идеология национализма, то «грузинство» рассматривается в официальном дискурсе Грузии как частный случай «европейства». Соответственно, реализация данного концепта направлена на формирование у населения Грузии евроатлантической государственно-гражданской идентичности, что естественным образом противоречит традиционным социокультурным характеристикам грузинского общества.

Государственно-гражданская идентичность в официальных дискурсах России, Азербайджана и Грузии государств рассматривается в подчиненном по отношению к государственной значении в силу чего она формируется «сверху» как результат лояльного отношения к действующего общественно-политическому порядку и властной элите. В России при этом вплоть до 2010- х гг. в рамках диалогического контекста ОПД в целях определения концептов государственной идеологии – основы для формирования государственно-гражданской идентичности ограничено использовались технологии активизации гражданской и научной

инициативы. Характерным примером стала дискуссия о перспективах формирования интегральной государственной идеологии, развернувшаяся в российском научном сообществе в 2007 г. На площадке журнала «Полис».

В рамках ОПД рассматриваемых государств реализуется типовая технология формирования государственной идентичности на основе конструирования этнической. Данная технология получает практическую реализацию преимущественно в рамках официальных речей и концептуальных посланий первых лиц государств, в первую очередь, президентов. Эти элементы официального дискурса в рассматриваемых государствах имеют схожую семантическую структуру, состоящую из фреймов (риторических инструментов, увязывающих несвязанные характеристики фрагмента реальности в целостный образ или логическую последовательность, соответствующие определенному властной политической элитой идеологическому заказу), определяющих актуальные идеологические векторы официального дискурса.

Структура ОПД рассматриваемых государств предполагает использование лексических средств, повышающих эмоциональность и выразительность текстов посланий и выступлений. Кроме того, выступления официальных лиц проникнуты оптимизмом и инициативностью.

Таким образом, представляется, что политические технологии, реализуемые в рамках официального дискурса России и Азербайджана в целях конструирования государственно-гражданской идентичности, содержательно детерминированы неоконсервативным идеологическим концептом, тогда как для Грузии характерно сочетание неконсервативного и нелиберального, что предопределяет недостаточную эффективность его воздействия на общественное сознание.

Вывод к главе

Проведенное исследование позволяет рассматривать официальный политический дискурс элиты в качестве институционального феномена, представляющего собой совокупность языковых концептов, используемых властной политической элитой посредством властных структур и связанных с ними политических институтов для идейного обоснования проводимых политических мероприятий и актуализации значимой политической повестки.

Функциональная значимость официального политического дискурса в контексте процесса формирования государственно-гражданской идентичности заключается в том, что он активизирует общественное сознание, способствуя прочному восприятию и усвоению разнообразных идеологем, отражающих ключевые характеристики объектов идентификации (формы государства и гражданственности). В таком качестве официальный политический дискурс следует рассматривать в качестве особого метода психологического воздействия, который может быть реализован в двух основных контекстах – императивном и дискуссионном. В последнем случае актуализация ключевых для формирования государственно-гражданской идентичности происходит за счет «рецепции» властной элитой «информационных импульсов» формируемых наиболее активными представителями гражданского общества. В свою очередь, такая активность возникает по инициативе властной элиты и, как правило, реализуется в условиях контроля с ее стороны.

Ведущие технологии, направленные на формирование государственно-гражданской идентичности и реализуемые в рамках официального политического дискурса рассматриваемых государств, предполагают последовательное идеологическое воздействие властной политической элиты, реализуемое в императивном контексте. Ориентация на активизацию альтернативных идеологем со стороны гражданского общества, построение равнозначной дискуссии с ним

реализуются фрагментарно, что свидетельствует о переходном характере форм государства рассматриваемых стран и невысоком уровне развития демократии в них. Государственно-гражданская идентичность в рассматриваемых странах формируется преимущественно на основе неоконсервативного официального политического дискурса.

Глава 3. Формирование государственно-гражданской идентичности с помощью технологий медиадискурса

3.1. Технологии медиадискурса по формированию государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана и Грузии)

Прежде чем переходить к роли технологий медиадискурса в формировании, вынесенной в название данного параграфа, необходимо сделать несколько замечаний относительно значимости средств массовой информации (далее - СМИ) в качестве акторов медиадискурса.

По нашему мнению, СМИ следует рассматривать в качестве организаций, удовлетворяющих посредством использования разнообразных технико-коммуникационных средств, общественную потребность в оперативном получении актуальной информации. В этом смысле сущностное предназначение СМИ заключается в обеспечении придания информационным потокам публичного статуса. В таком качестве СМИ представляют собой достаточно автономную структуру, складывающуюся из совокупности входящих в нее составляющих, как-то форма и содержание, свойства и способы, и методы, и уровни организации. Из множества СМИ можно выделить ключевые, к ним относятся интернет СМИ, телевизионные, электронные, печатные. Однако тенденция последних лет дает определенные тренды развития социальных сетей, как своего рода новых средств массовой информации, формирующих в обществе восприятие тех или иных факторов, новостного контента. Процессы глобализации в информационном обществе направлены на создание некой общемировой цифровой юрисдикции, регулируемой наднациональными негосударственными акторами. Тенденции развития зарубежных социальных сетей, в первую очередь, Twitter, Facebook, или Instagram наглядно иллюстрируют подобную взаимосвязь.

Естественно, что в условиях постиндустриального общества, в котором информация рассматривается в качестве ключевого ресурса, значимость СМИ во всех сферах общественной жизни существенным образом возрастает. Политическая сфера не является исключением. В современной политической науке, СМИ прочно занимают позицию одного из наиболее результативных средств информационной политики государства, и их совершенствование, а, следовательно, и уровень влияния неуклонно возрастает.

Так, представитель американской научной общественности Л.Эдвардс, вывел определение «mediapolitik», что является ярким примером ресурсной важности этого инструмента для государственно-политических акторов в выполнении собственно важных задач и достижении поставленных целей. На сегодняшний день, именно этот инструмент информационного пространства, имеет колоссальный потенциал и стоит в одном ряду с другими важными ресурсами, такими как политическая воля, экономическая и военная мощь.

Большинство современных политологов рассматривают СМИ в качестве важнейших акторов политического процесса, по своему статусу фактически аналогичных органам государственной и муниципальной власти. Такое сравнение дает основание многим ученым определять СМИ в качестве «четвертой власти» в системе разделения властей, представляющей собой ключевой тренд современного государственного механизма.

Особое значение в таком качестве имеют электронные Интернет СМИ, которые реализуют повышенный потенциал влияния в рамках политического процесса. Можно говорить о том, что электронные СМИ в настоящее время приобретают статус пятой власти. Особенно это актуально для России, которая занимает первое место в Европе и четвертое в мире по числу пользователей фиксированного широкополосного Интернета (ШПД). Больше, чем в России, ШПД-пользователей только в Китае, США и Японии.

В информационном обществе, каковым сейчас является весь мир, власть информации стремительно растет. Хотя Медиа, и не имеют ресурса государственного или экономического принуждения, но их влияние на важнейший компонент политической системы – гражданское общество, посредством формирования, манипулирования и изменения общественного мнения, бесспорно велико. Одновременно такая тенденция требует от институтов государственной власти выработки подходов к контролю поставляемого СМИ, в том числе и электронными, контента. Формирование национальной информационной юрисдикции становится одним из действенных инструментов реальной политики, в части информационного сопровождения действий власти, путем использования подконтрольных средств массовой информации, а также технологий продвижения в рамках различных интернет ресурсов, мессенджеров и социальных сетей, которые позволяют в кратчайшие сроки доводить нужную информацию до максимального числа граждан. Можно сказать, что информация, доступ к информации, скорость ее распространения, становятся стратегическим ресурсом и продуктом, поскольку обеспечивают жизненно и исторически важные направления деятельности государства, общества и индивида.

Ю. Хабермас, говоря о традиционных СМИ, отмечает их самостоятельность, как акторов политического процесса, способность оказывать влияние на формирование общественного мнения, восприятия тех, или иных событий¹.

Данный подход представляется справедливым и для новых медиа-ресурсов, учитывая цифровизацию новостного пространства, рост количества пользователей различных интернет-ресурсов.

Характеризуя возрастание воздействия СМИ на политические процессы в рамках постиндустриального общества, современные политологи констатируют

¹Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. B.I. Suhrkamp. Fr.; - M.: 1987.

наличие взаимосвязанных тенденций, сегодня наблюдается, с одной стороны «политизация медиа», а с другой - «медиатизация политики».

И.И. Засурский интерпретирует понятие «политическая медиатизация» как «процесс, при котором политическая жизнь перемещается в символическое пространство средств массовой информации» называя этот процесс естественным и неотвратимым, в силу тесного взаимодействия демократии и медиа. что приводит к формированию медиа-политического пространства, которое постепенно становится «структурой институализации власти российских масс-медиа»¹.

Сегодня медиа, как традиционные, так и новые, по праву считаются флагманом политического действия, поскольку, существуя в информационном пространстве, принимают акты конфронтации политических акторов и выступают в качестве транслятора политического процесса в медиасреде информационного пространства².

Сегодня у медиа полная монополия на информацию, они не только передают ее нужному адресату, но и самостоятельно создают ее, изменяют и направляют, таким образом, регулируя на векторную направленность политического процесса в целом. Достижение таких результатов обеспечивается их возможностями, связанными с воздействием на общественное сознание³.

Анализируя характер такого воздействия, М. Н. Грачев справедливо отмечает, что будучи «хозяевами» информации, медиа конструируют среду, так называемого «псевдоокружения», которая не только вытесняет из жизни обывателя его реальное окружение, но и формирует упрощенное и стереотипное восприятие объективной реальности внешнего мира, и постепенно сама становится для него

¹Подробнее см.: Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text3/34.htm> (дата обращения: 24.06.2020)

²Балынская Н. Р. Парадигма развития СМИ в современном политическом процессе // Век информации. 2012. № 1. - С. 6.

³Датукишвили Е.З. Деятельность СМИ по формированию государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана, Грузии и России) //Этносоциум и межнациональная культура N 6 (144) 2020. - С. 62.

реальностью, контролирующей и активизирующей его действия в нужном направлении обыденной жизни в реальности¹.

В контексте характеристики значения СМИ в таком качестве необходимо принимать во внимание и традиционную роль данных институтов в диалоговой площадке для различных субъектов политического процесса, в том числе в рамках государственно-общественной коммуникации, что позволяет обеспечить стабильность и устойчивость политической системы².

В современной политологической науке сформировалось устойчивое представление об основных функциях, реализуемых современными СМИ в статусе «четвертой власти», которые и характеризуют их потенциал в контексте влияния на процесс формирования государственно-гражданской идентичности. К основным из них можно отнести следующие:

Во-первых, функция политической социализации. В рамках политической социализации современного общества СМИ в зависимости от характера информационной политики конкретного государства могут реализовывать двуединую функцию – выступать либо в качестве источника, либо в качестве фактора политической социализации.

Во-вторых, скрытое управление политическими сознанием и поведением индивида составляет сущность манипулятивной функции. Как мы говорили выше, СМИ, как традиционные, так и электронные, формируют некий контент, который оказывает влияние на общество или его отдельные группы. Так, например, старшее поколение в большей степени доверяет традиционным СМИ, молодое поколение интернет ресурсам. При этом СМИ, аффилированные с государством, выступают активным актором политической коммуникации, доводя до общества

¹Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М.: Прометей, 2004. - С. 82.

²Балынская Н. Р. Парадигма развития СМИ в современном политическом процессе // Век информации, 2012. № 1. - С. 6.

необходимую власти информацию, через предоставляемый же этой властью медиаресурс. Иными словами, манипулятивная функция СМИ способствует развитию соответствующей технологии в рамках медиадискурса.

В-третьих, адаптация индивида к социальной действительности посредством усвоения политических знаний, норм и ценностей, реализуется в процессе исполнения воспитательно-образовательной функции, при этом формируется навык фильтрации информационных потоков и их содержания. Здесь необходимо отметить, что так называемая «фильтрация» контента со стороны индивида обусловлена формированием обширного информационного пласта «fake news», в рамках которого СМИ не только интерпретируют различные факты в угоду сложившейся конъюнктуре, но и тиражируют откровенный вымысел. Одной из особенностей является дисбаланс между возможностями доступа к информации и ментальными особенностями потребления этой информации, что особенно проявляется на примерах государств с не высоким уровнем политической культуры, в том числе России, Азербайджана и Грузии.

В-четвертых, критика и контроль, эта функция призвана инициировать авторитетное вмешательство в жизнедеятельность политического сообщества гражданского общества и общественного мнения для урегулирования проблемных ситуаций, возникающих в социуме и возбуждения карательных мер, при бездействии властей.

В-пятых, концентрируя общественное внимание, на социально-политических проблемах общества, исполняется функция мобилизации, заставляющая принимать действия по разрешению проблем.

В-шестых, функция обратной связи общества и властных структур отличается двойственностью своей природы, с одной стороны – это возможность влияния общества на принятие решений, в ключе интересов граждан, а с другой стороны это возможность государства формировать и контролировать настроения и действия социума через инструментарий обратной связи.

Вышеуказанное функциональное назначение СМИ позволяет современному государству активно использовать их в качестве инструментария формирования восприятия той или иной точки зрения, формирования определенного ассоциативного ряда, в котором отдельное место занимает государственно-гражданская идентичность. При этом, используя медиавозможности, государство может формировать у граждан чувство патриотизма, объединяя и сплачивая социум; посредством обратной связи мониторить его настроения и потребности; используя пропаганду – манипулировать.

Данное обстоятельство определяется также и современным цивилизационным стандартом построения правовой демократической государственности, в соответствии с которым деятельность СМИ следует воспринимать в качестве важного механизма обеспечения реализации важнейших элементов демократического политического режима, таких как плюрализм и транспарентность политического процесса. Именно поэтому в развитых государствах нормативно закрепляется статус СМИ в качестве посредника, обеспечивающего коммуникацию между институтами гражданского общества и государством.

Потенциал СМИ в контексте формирования государственно-гражданской идентичности определяется характером такого взаимодействия. Оно организуется субъектами государственной власти, стремящимися использовать потенциал влияния СМИ, последовательно реализовывать политику идентичности, формируя при этом собственный позитивный имидж в общественном сознании. При этом, представляется, что именно заинтересованность субъектов власти и правящей политической элиты в СМИ создает условия для развития последних в качестве успешных бизнес проектов.

Необходимость сотрудничества обусловлена тем, что СМИ для власти являются индикатором стабильности, тем самым обеспечивая ей долгосрочное

существование на политической арене, положительно воздействовать на общественное сознание в целях формирования лояльной государственно-гражданской идентичности. СМИ же, в ответ, желают получить от государственно-властных структур, «свободы и денег», что мотивирует их побуждает к активности.

Иными словами, сотрудничество определяется взаимовыгодными целями. Органы власти стремятся использовать потенциал и опосредованность инструментария СМИ для повышения уровня поддержки обществом, укрепления своих легитимных позиций и возможности реализовать собственные цели, в свою очередь, медиа, вступая во взаимодействие с властью и политикой укрепляют свое влияние на массы и наращивают свою доходную часть от реализации совместной деятельности, параллельно удовлетворяя информационные потребности каждого актора.

Следовательно, справедливым будет наше утверждение о том, что СМИ и власть сотрудничают по целому ряду спектра их деятельности в разных направлениях, в особенности, если имеют место быть особые интересы. Потенциал СМИ в контексте процесса формирования государственно-гражданской идентичности, на наш взгляд, определяется характером медиаполитической модели взаимодействия СМИ и властной политической элиты.

Теория медиаполитических систем к настоящему времени последовательно, и достаточно глубоко, разработана в рамках зарубежной политической науки. В частности, в классическом труде «Четыре теории прессы» выделяются следующие основные типы медиаполитических систем: либертарную, социально-либертарную, демократическую, авторитарную, тоталитарную¹.

¹Сиберт Ф. и др. Четыре теории прессы: представления о том, какой должна быть пресса и чем ей следует заниматься в авторитар. и либертариан. теориях и в концепциях соц. ответственности и совет. коммунизма. [Пер. с англ.] / Фред. С. Сиберт, Уилбур Шрамм, Теодор Питерсон. - М.: Нац. ин-т прессы: Вагриус. 1998. - 223 с.

Либертарная модель предполагает свободное распространение информации СМИ в условиях отсутствия какой-либо цензуры, а также гарантии независимости журналистского сообщества.

В. В. Егоров справедливо отмечает, что либертарная модель имеет потенциал для реализации открытой конфронтации между СМИ и органами власти. Такой потенциал реализуется в случае ужесточения информационной политики государства в условиях наличия экономически мощных медиа, и достаточно самостоятельных СМИ, жизнедеятельность которых, поддерживает реклама, а репутацию – глубокие и прочные «журналистские традиции». «Конфронтационная модель», наряду с ужесточением информационной политики власти выделяет высокую медиа насыщенность, большое количество независимых от власти СМИ¹.

Ключевой характеристикой социально-либертарной модели является реализация СМИ определенных социальных обязательств перед обществом, которые выражаются, в первую очередь, в необходимости соответствия информационных материалов определенным профессиональным стандартам, принятым в журналистском сообществе, таким как информативность, объективность, сбалансированность информационного контента. Наличие таких обязательств предполагает вмешательство уполномоченных государственных структур в деятельность СМИ, нормативную регламентацию их профессиональной деятельности в целях исключения возможного деструктивного воздействия СМИ на общественное сознание, создания условий для развития социальных конфликтов. Таким образом, функциональная свобода СМИ ограничивается вышеуказанными рамками.

Ведущим принципом демократической медиаполитической модели является обеспечение доступа широких масс населения к формированию

¹Егоров В. В. На пути к информационному обществу. – М.: ИПК работников телевидения и радиовещания. 2006. - С. 39-42.

информационного контента СМИ. В рамках данной модели различным социальным группам создаются все условия для реализации своих информационных потребностей, иначе говоря, характеристики совокупности масс медиа, существующей в конкретном государстве, определяется наличием множества СМИ, ориентированных на конкретные социальные группы и общности. В этом смысле СМИ служат интересам своей аудитории, которая сегментизирована по социальному признаку.

Ведущим принципом авторитарной медиаполитической модели является лояльное отношение СМИ к властной политической элите и действующей модели общественно-политического устройства. Иначе говоря, в рамках данной модели предполагается наличие негласной цензуры, связанной с недопущением критики принятой системы социально-политических и моральных ценностей. Нарушение данного принципа может квалифицироваться в том числе и в виде уголовного деяния. Вместе с тем, в рамках журналистского профессионального сообщества в рамках данной медиаполитической модели сохраняется независимый статус отдельных журналистов, имеющих достаточно широкие возможности для вариативного построения медиаконтента.

В рамках авторитарной модели СМИ имеют исключительный статус «приводных ремней» властной политической элиты, позволяющих эффективно контролировать общественные настроения, формировать лояльное общественное сознание посредством единственной возможной идеологии, характеристики и параметры которой определяются государством в монопольном порядке. Ведущей предпосылкой формирования данной модели является командно-административная экономическая система, в рамках которой не допускаются рыночные отношения.

Иначе говоря, в качестве владельцев СМИ могут выступать исключительно государственные или подконтрольные им структуры. Соответственно, такая модель предполагает выполнение своих профессиональных обязанностей

журналистами, в парадигме решения задач воспитания, культуры и экономики. Присутствуют сдерживающие факторы ограничения информационных потоков и цензуры, а также санкционные меры, исходящие от властной политической элит, властное воздействие которой институционализируется в рамках деятельности государственных органов и «сброшенных» с ними партийных структур.

С учетом изложенного мы можем определить основные факторы, влияющие на формирование медиаполитической модели государства.

В первую очередь, ключевое влияние на характер медиаполитической модели государства, оказывает степень информационной открытости власти, определив который, можно перейти к другим факторам, по убыванию их значимости для формирования определенной модели.

Характер медиаполитической модели определяют:

- дозволённый уровень медиа свобод, который складывается из свободы производства и распространения информации;
- медийная наполненности информационного пространства и степень развитости медиа-рынка;
- медиаконфликтность, её уровень и характер, принципы самоорганизации медиа-сообщества в государстве¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что механизм двустороннего взаимодействия власти и СМИ следует рассматривать в качестве важного основания современного внутривластного процесса подавляющего большинства государств, что предопределяет значительное воздействие СМИ на процесс формирования государственно-гражданской идентичности.

При этом представляется, что позитивный потенциал СМИ в данном контексте реализуется только в рамках консенсусных отношений СМИ и правящей

¹Кузьменко, Н. П. Качественные и массовые издания на информационном рынке / Н. П. Кузьменко. – Москва : Лаборатория книги. 2012. – 110 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=140443> (дата обращения: 07.03.2021).

элиты. Соответственно, возможные конфликтные отношения рассматриваемых акторов политического процесса его разрушает. Более того, представляется, что развитие конфликтных отношений между СМИ и властной политической элитой может стать причиной не только «расплывания» государственно-гражданской идентичности, но и потери устойчивости государственной власти, приводящей к острому политическому кризису.

С нашей точки зрения эффективное воздействие СМИ на процесс формирования государственно-гражданской идентичности предполагает осуществление со стороны правящей элиты конструктивного сочетания отдельных медиаполитических систем – либертарной, социально-либертарной и авторитарной, целью которого является обеспечение возможностей для опосредованного осуществления через СМИ ключевых принципов политики идентичности в условиях обеспечения гарантий независимости СМИ, что является определяющим фактором недопущения возникновения конфронтационных отношений с ними.

Следует согласиться с мнением о том, что значение СМИ в контексте формирования государственно-гражданской идентичности определяется следующими особенностями их воздействия на общественное сознание:

- гораздо более сильное воздействие СМИ оказывают на формирование идентичности молодежи, транслируя нужные политические и социокультурные ценности и образы, благоприятно воспринимаемые ими, в силу недостаточной образованности и незначительного жизненного опыта, более старшее же поколение, поддается этому, в менее значимой степени;
- уровень доверия молодежи к медийным персонажам достаточно высок и позволяет идентифицировать себя с ними;
- реальная идентичность молодёжи нередко подменяется телеидентичностью;

- образы «виртуальных героев» побуждают к молодежи следовать их примеру, брать за образец манеры и черты, действия и поступки, таким образом, выступая достаточно сильными акторами формирования идентичности¹.

Анализ содержательного контента современных СМИ и его влияния на общественное сознание позволяет дифференцировать их виды по степени влияния на процесс формирования государственно-гражданской идентичности. При этом представляется возможным наблюдать противоречивую тенденцию.

С одной стороны, можно сделать вывод о том, что основным инструментом продвижения идей государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве является телевидение. Телевидение, которое является четко оформленной с институциональной точки зрения структурой, вещающей на значительную аудиторию, является более надежным средством трансляции государственно-ориентированных идей, чем свободный, мало контролируемый и имеющий сетевой характер интернет.

Кроме того, важным преимуществом телевидения, как средства продвижения гражданской идентичности на постсоветском пространстве, является консолидационный потенциал телевидения, который позволяет сформировать у зрительской аудитории цельную, непротиворечивую и отвечающую запросам государственного строительства картину мира. Благодаря систематичности и выверенной с редакционной и идеологической точки зрения работе с аудиторией, телевидение создает общий для большинства граждан страны информационный дискурс, который и является основой для создания единой государственно-гражданской идентичности нации. При этом ключевыми методами государственно-гражданской идентичности через посредство телевидения является реализация в России, Грузии и Азербайджане языковой политики на

¹Холкина К.Д. СМИ как фактор формирования российской идентичности молодого поколения // Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России: сборник научных трудов / Ульянов. гос. техн. ун-т. – Ульяновск :УлГТУ. 2015. - С. 288-289.

телевидении и поддержки государственных каналов, редакционная политика которых формулируется под влиянием государства¹.

С другой стороны, другим важным фактором обеспечения конструктивного воздействия СМИ на процесс формирования государственно-гражданской идентичности, на наш взгляд, является решающая роль в данном процессе «новых» СМИ.

О.Ю. Шмелева и Д. И. Каминченко, исследуя данный феномен, обосновали сущностные характеристики «новых» СМИ, значение которых в рамках внутриполитического процесса в настоящее время последовательно усиливается за счет снижения влияния на общественное сознание традиционных СМИ².

Данный тезис находит свое подтверждение и в рамках социологических опросов. Так, к примеру, по данным опроса, проведенного «Левада-Центром» в марте 2019 года, основным средством получения информационного контента для большинства россиян остается телевидение. Однако его место и роль в общей структуре информационного рынка постепенно теряется. Так, в частности, если в 2009 году доля телевидения как источника информации в России достигала 94 %, то к 2020 году она снизилась до отметки в 69 %. Телевидение сохраняет свое информационное влияние на старшее поколение россиян, поскольку 93 % россиян старше 65 лет получают информацию из федеральных каналов. Однако молодежь в ускоренном темпе переходит в цифровое пространство, и только 42 % молодых россиян узнают о новостях из телевизионных источников³.

¹Датукишвили Е.З. Деятельность СМИ по формированию государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана, Грузии и России) //Этносоциум и межнациональная культура. 2020. №6 (144) - С. 62.

²Шмелева О.Ю., Каминченко Д.И. Социальные медиа как механизм формирования образа современного государства в политическом сознании россиян // Вестник МГОУ. 2019. №3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-media-kak-mehanizm-formirovaniya-obraza-sovremennogo-gosudarstva-v-politicheskom-soznanii-rossiyan> (дата обращения: 13.09.2021).

³Левада-центр. Источники информации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/09/28/ggh/> (дата обращения: 01.08.2021)

Аналогичные тенденции свойственны и другим постсоветским странам, в силу чего именно телевидению и цифровым СМИ уделяется особое внимание в контексте формирования через посредничество СМИ государственно-гражданской идентичности в Азербайджане, Грузии и России.

Д.Г. Балувев и Д.И. Каминченко, говоря о «новых» СМИ, характеризуют их как комплексное обозначение, с одной стороны, специализированных организаций, в которых работают как профессиональные журналисты, так и непрофессионалы (например, блоггеры), с другой стороны, обычных пользователей интернета, которые занимаются сбором, обработкой и передачей данных, созданием контента и метаданных, способствующих их усвоению другими пользователями». Приводя различные характеристики, и, рассматривая функциональные особенности «новых» СМИ, исследователи выводят перечень их устойчивых признаков, среди которых, ключевыми являются среда и принцип функционирования. Здесь речи идет об информационно-коммуникационной сети Интернет, различного вида и формата «программно-аппаратных платформах» технологиях Web 2.0., и коннективном способе предоставления информации¹.

Таким образом, «новые» СМИ становятся не только инструментом воспроизводства и распространения информации, но и в определенной мере социальным институтом, формирующим прочные социальные связи между людьми, в том числе и в трансграничном формате. Широта охвата аудитории, где «новые» СМИ становятся элементом политической мобилизации, использование цифровых подходов, отсутствие государственного контроля за контентом говорит о высоком потенциале использования манипуляторных технологий относительно СМИ традиционных.

¹Балуев Д.Г., Каминченко Д.И. Отражение ценностей современного российского общества в социальных медиа // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2017. №3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-tsennostey-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva-v-sotsialnyh-media> (дата обращения: 13.09.2021).

Все это позволяет сделать вывод о том, что на процесс формирования государственно-гражданской идентичности в целом и в рассматриваемых государствах в частности оказывают влияния преимущественно два вида СМИ – телевидение и электронные (интернет, «новые») СМИ, что, в свою очередь, корректирует современное понимание медиадискурса, как одной из технологий политической пропаганды. В таком ключе, медиадискурс представляет собой взаимодействие различных средств массовой информации, как традиционных, так и новых, в том числе и социальных сетей, и общества по передаче смысловых единиц, отражающих понимание тех или иных событий и реперных точек политического процесса, сформулированное властью, в случае аффилированной медиаресурсов с государством, или, в ином случае, оппозицией.

В качестве практического кейса формирования подобного восприятия можно привести пример современного медиадискурса о событиях 90-х годов XX века в современной России. Прогосударственные СМИ, с санкции властей, формируют откровенно негативную коннотацию резонансных указанного временного периода, обозначаемого как «лихие девяностые»¹.

При этом оппозиционные власти ресурсы в противовес «лихим девяностым» выстраивают иную парадигму восприятия событий – «святые девяностые». Данный термин был впервые озвучен женой первого Президента России Б.Н. Ельцина, Наиной Ельциной в рамках мемуаров «Личная жизнь».

Говоря о медиадискурсе, как технологии пропаганды, в контексте государственно-гражданской идентичности, следует отметить, что процессы формирования, донесения до общества концепта государственно-гражданской идентичности являются следствием официального дискурса политических элит, доминирующих в обществе. В связи с вышесказанным можно констатировать, что взаимодействие СМИ и органов власти следует рассматривать в качестве

¹Малинова О.Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В. Путина и формирование мифа о «ликих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 3. - С. 45-69.

определяющего механизма не только формирования государственно-гражданской идентичности, но и последующего продвижения и восприятия этой идентичности в обществе.

С учетом сделанных предварительных замечаний проанализируем потенциал СМИ Грузии и Азербайджана по формированию государственно-гражданской идентичности, реализуемый в рамках внутривнутриполитического процесса рассматриваемых государств на современном этапе.

Важное значение в контексте определения потенциала грузинских СМИ в контексте влияния на процесс формирования государственно-гражданской идентичности имеет характеристика их идеологического спектра.

Как отмечает Ш. В. Апхаидзе, «СМИ в Грузии по политическому признаку можно разделить на ярко выраженные либерально-соросовскую, «саакашистскую» и антилиберальную, «антисаакашистскую» составляющие. Нейтральный сегмент тоже присутствует, но его диапазон гораздо более узок и нейтральность тоже, по сути, условная. Относительно внешней политики, нет такого ярко выраженного деления, так как все СМИ ориентированы на Запад, получая оттуда гранты и другие финансовые поощрения»¹.

Иными словами, можно сделать вывод о том, что формально в современной Грузии функционирует либеральная медиаполитическая модель, однако в реальности по своим характеристикам она близка авторитарной, поскольку консолидирована на основе ярко выраженного антироссийского, прозападнического идеологического концепта, последовательно и безальтернативно транслируемого грузинской властью на протяжении длительного периода времени.

¹Апхаидзе Ш. В. Грузинские СМИ и их отношение к России: 2003-2020 год. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://news-front.info/2020/04/02/gruzinskie-smi-i-ih-otnoshenie-k-rossii-2003-2020-god> (дата обращения: 05.10.2020).

Потенциал воздействия грузинского телевидения на процесс формирования государственно-гражданской идентичности определяется, в первую очередь, активным продвижением национального языка как основы государственно-гражданской идентичности. Приоритет грузинского языка как основного языка грузинских средств массовой информации нашло свое отражение в «Законе Грузии о языке». Данный закон в своей двадцать четвертой статье четко устанавливает положение о том, что все материалы, нацеленные на информирование грузинской общественности о тех или событиях, включая официальные заявления, афиши и рекламу, должны выполняться на грузинском языке. Положения данного закона строго выполняются в грузинском информационном пространстве, что создает основу для формирования в стране собственного политического, экономического и культурного дискурса, ориентированного на упрочение национальной независимости и объединения представителей всех этнических групп в стране в единую гражданскую нацию.

Другим важным направлением деятельности грузинского¹ телевидения по формированию государственно-гражданской идентичности в Грузии является формирование национальной повестки дня, основанной на продвижении национальной культурной самобытности и защиты национального суверенитета и территориальной целостности. Данные сюжеты занимают центральным направлением таких крупнейших грузинских телеканалов, как «Имеди», который смотрят более 76 процентов граждан страны, и «Рустави-2», зрителями которого являются 72 процента грузинского населения².

Анализ содержательного контента ведущих телевизионных и «новых СМИ» Грузии различной политической ориентации («Грузия онлайн», «Спутник

¹Датукишвили Е.З. Деятельность СМИ по формированию государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана, Грузии и России) //Этносоциум и межнациональная культура . 2020. № 6 (144) - С. 62.

² Там же.

Джорджиа» «Рустави-2», «Грузия и мир») позволяет сделать вывод об использовании ими разнообразных технологий политического манипулирования.

Ведущей из них является формирование дискурса, основанного на конструируемых посредством таких приемов как «лингвистическая ловушка» и «лингвистическая депривация» исторических образах, а также использование концепта «свой-чужой».

Для грузинских СМИ исходным системообразующим для формирования государственно-гражданской идентичности является образ независимой Демократической Грузинской Республики (ДГР), созданной в 1918 г.

Активно продвигается мифологема о типологической схожести этого государственного образования с формами ведущих европейских государств в связи с чем утверждается, что уже в 1918 г. Демократическая Грузинская Республика имела передовую конституцию, утверждающую развитую систему реально гарантированных гражданских прав и свобод, развитую парламентскую систему, свободную прессу и институт выборов. При этом констатируется, что под влиянием наступившей впоследствии советской оккупации был нарушен естественный ход эволюции грузинской государственности, который был восстановлен после распада СССР.

Предельно идеализированный в содержательном контенте грузинских СМИ образ Демократической Грузинской Республики, рассматривается в качестве базисного элемента государственно-гражданской идентичности, поскольку наилучшим образом символизирует такие категории как «независимость» и «государственность». В этой связи в материалах грузинских СМИ Демократическая Грузинская Республика позиционируется как «золотой век» грузинской истории¹.

¹ Там же

Таким образом, следует констатировать, что важной особенностью деятельности грузинских СМИ по формированию государственно-гражданской идентичности является их вынужденное лавирование между продвижением контента, направленного на защиту грузинской этнической идентичности как основы нации, и продвижением контента, носящего надэтнический характер, направленного на формирование у негрузинской части страны чувства принадлежности к грузинскому государству.

Националистический посыл, представленный в грузинских СМИ в жесткой критике России и позиционировании Грузии как древней нации, вышедшей из-под зоны советского влияния¹, играет важную роль в формировании гражданской идентичности Грузии. Важным элементом деятельности грузинских СМИ по формированию гражданской идентичности в Грузии является формирование нового образа Грузии как демократической и прозападной страны, в культурном и политическом смысле близкой европейским народам. Данная практика позволяет Грузии дистанцироваться от России, с которой ее связывает не только многовековая история, но и православная религия².

В информационном контенте большинства грузинских СМИ прослеживается тенденция к идеализации Грузинской Демократической Республики, что является неотъемлемым элементом создания любой национальной идеи как идеологической основы любой нации. Авторы грузинских блогов об истории Грузинской Демократической Республики позиционируют недолгий срок существования данного государственного образования как «золотой век» грузинской истории, прерванный советской Россией. Для продвижения этой идеи в грузинском информационном пространстве активно освещаются памятные даты, связанные с историей Грузинской Демократической Республики. В грузинском сегменте всемирной сети также создаются специализированные проекты и сайты,

¹ Там же

² Там же.

посвященные истории данного государственного образования, в которых особое внимание уделяется тематике единства грузинской гражданской нации и апологизации права грузинского народа на независимость¹.

Указанное обстоятельство определяет еще одну технологию, используемую грузинскими СМИ в процессе формирования государственно-гражданской идентичности – ритуализацию различных практик прославления создания Демократической Грузинской Республики в качестве единственно возможного и, в связи с этим «неизбежного» «государственного бытия» сильной и независимой грузинской нации.

Аналогичный западноевропейскому характер государственно-гражданской идентичности грузин подчеркивается присутствием в содержательном дискурсе, абсолютного большинства грузинских СМИ, антиимперской риторики, на основании которой формируется образ врага «Другого», под которым понимается Россия как прямая наследница и продолжательница имперской политики СССР.

Так грузинские СМИ, изобилуют дефинициями оценочного толка, в отношении РФ, ЕС и пр., исключительно негативного содержания. Россия преподносится как «агрессор», «интервент» (например, по отношению к Грузии и Украине), «западные санкции поставили на колени экономику России», журналисты транслируют ассоциативный ряд, по их мнению, адекватно характеризующих РФ: «отсутствие свобод-нарушение прав человека - криминал-бесправие-беспредел...», Евросоюз же представляется как «отсталое общество, не обладающее суверенными правами», «миграционная ночлежка», «приют нетрадиционной ориентации» и пр.

Совершенно не стесняясь в выражениях, центральные СМИ, а вслед за ними, и региональные, выпячивают, ничем не прикрытую антироссийскую линию поведения, не раздумывая, примыкают к когорте «националов», если

¹ Там же.

пророссийские организации оппонируют по вопросам внутренней политики (например, Институт Евразии), или выступают представители умеренно настроенных властных структур. Выбивается из этого «стройного ряда», пожалуй, лишь ТВ «Объектив», который транслирует пророссийские взгляды и позиции, в значительно меньшей степени, чем прочие СМИ, «поливают грязью» РФ. Но, повторимся, это скорее исключение, чем правило, поскольку их журналистские позиции, на сегодняшний день в абсолютном меньшинстве¹.

В идеологическом посыле грузинских СМИ обращение к истории создания Грузинской Демократической Республики является основой для преодоления советского космополитического наследия в современной Грузии, снижения влияния российской культуры и русского языка в грузинском информационном пространстве и легитимации национальной независимости. История борьбы Грузинской Демократической Республики за независимость от большевиков во многом является средством оправдания напряженных отношений Грузии с современной Россией, которая позиционируется как вечная и фундаментальная угроза будущему нации². При этом грузинские СМИ зачастую доходят до крайностей, прямо обвиняя Россию в реализации по отношению к Грузии «фашистской политики»³.

Стратегия деимпериализации, используемая грузинскими СМИ, представляет собой классический пример реализации манипулятивных технологий наклеивания ярлыков и пропаганды. В результате грузинские СМИ оказывают влияние на формирование государственно-гражданской идентичности населения,

¹Апхаидзе Ш. В. Грузинские СМИ и их отношение к России: 2003-2020 год. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://news-front.info/2020/04/02/gruzinskie-smi-i-ih-otnoshenie-k-rossii-2003-2020-god/?utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения: 06. 07. 2020).

²Датукишвили Е.З. Деятельность СМИ по формированию государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана, Грузии и России) //Этносоциум и межнациональная культура. N 6 (144). 2020. - С. 62.

³См., например: 9 мая в Грузии. Победен ли современный фашизм? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.apsny.ge/articles/1557446554.php> (дата обращения: 07.07.2020).

фактически игнорируя социокультурные характеристики грузинского общества, обусловленные длительным тесным взаимодействием с российским социумом в рамках единого государственного образования.

Показательным в этой связи является компания, развернутая в грузинских СМИ, направленная на формирование «альтернативной» модели грузинской истории, которая реализуется в контексте жесткой критики высказываний российского президента относительно исторических обстоятельств формирования и развития суверенной грузинской государственности.

В этой связи обращает на себя внимание серия статей в крупнейшем электронном издании Грузии «Грузия онлайн», а также в издании Civil (Грузия) с красноречивыми названиями «Путин беспардонно лжет»¹ «Какую цель преследует Путин, обвиняя Грузию в оккупации и геноциде»², «Путин вы плохо знаете историю»³, «100 лет назад в Цхинвали проживали лишь 27 семей этнических осетин»⁴, «Путин бросает песок исторической лжи»⁵, «Тбилиси отвечает на обвинения со стороны Путина об «оккупации Абхазии» и «геноциде осетинского народа»⁶.

В этих статьях утверждается отсутствие всяких исторических взаимосвязей между российской и грузинской государственностью, а также на основе

¹Путин беспардонно лжет. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.apsny.ge/articles/1564699847.php> (дата обращения: 07.07.2020).

² Какую цель преследует Путин, обвиняя Грузию в оккупации и геноциде. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20190712/245459476.html> (дата обращения: 07.07.2020).

³Путин вы плохо знаете историю. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20190711/245453726.html> (дата обращения: 07.07.2020).

⁴100 лет назад в Цхинвали проживали лишь 27 семей этнических осетин. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://inosmi.ru/social/20190813/245626779.html>

⁵Путин бросает песок исторической лжи. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20190716/245473117.html> (дата обращения: 07.07.2020).

⁶«Тбилиси отвечает на обвинения со стороны Путина об «оккупации Абхазии» и «геноциде осетинского народа». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20190711/245452272.html> (дата обращения: 07.07.2020).

тенденциозно подобранных исторических фактов обосновывается исконная принадлежность Абхазии и Южной Осетии ареалу грузинской государственности.

Подводя итог анализу контент-анализа грузинских СМИ, можно выделить три ведущих технологии, используемых ими для формирования государственно-гражданской идентичности:

- конструирование исторических мифов (существование независимой Демократической Грузинской Республики в качестве суверенного государства, аналогичного по своим характеристикам западноевропейским, существование длительной «советской оккупации», существование в период СССР в Грузинской ССР мощного движения за национальную независимость);
- сознательное искажение исторического процесса (констатация схожести социокультурных характеристик грузинского общества европейским);
- ритуализация практик прославления Демократической Грузинской Республики в качестве единственного исторического основания существования современной грузинской государственности;
- создание и поддержание ярко выраженного образа «Другого» (врага), используемого в качестве мощнейшего средства гражданской консолидации.

В результате реализации указанных технологий дискурс современных масс медиа в Грузии приобретает противоречивые характеристики, поскольку ориентируется на сочетание сложно совместимых между собой концептов – патриотическо-националистического и евроатлантического. Данное обстоятельство существенно осложняет формирование государственно-гражданской идентичности.

Указанное обстоятельство напрямую отражается на эффективности применяемых властью и СМИ для формирования государственно-гражданской идентичности технологий.

Проведенное в мае-июне 2019 г. американской независимой организацией по изучению общественного мнения IRI исследование убедительно показывает незначительные успехи данного процесса.

В ходе исследования было опрошено 1500 человек с погрешностью в 2.5%, во всех регионах Грузии. При этом, 57% опрошенных – горожане, а 92% - грузины, 29% безработные и 41% имеют высшее образование. В контексте предмета настоящей работы существенное значение имеют следующие результаты социологического исследования: лишь 23% считают, что Грузия движется в верном направлении и 66%, что в неверном; впервые оценка положения собственной семьи превысила оценку положения страны – 11% считают, что ситуация в семье улучшилась и 9% считают, что в стране, тогда как, к примеру в феврале 2007 года сопоставимые 15% говорили, что положение семьи улучшилось и 37% считали, что улучшилась экономическая ситуация в стране¹.

Таким образом, налицо нарастающие апатичные настроения большинства, опрошенных по отношению к стратегии государственного развития, реализуемой действующей властью в Грузии. Кроме того, зафиксированный приоритет интересов первичной социальной группы семьи по сравнению с общегосударственными гражданскими ценностями фиксирует нарастание абсентеизма населения, объективным следствием которого является «атомизация» государственно-гражданского единства. Исходя из данных обстоятельств, можно сделать вывод о неэффективности политики государственно-гражданской идентичности, реализуемой грузинскими властями в настоящее время и вместе с ней и применяемых СМИ технологий влияния. В этой связи представляется, что наиболее перспективным направлением формирования государственно-гражданской идентичности в грузинском обществе, учитывая традиционную

¹Опрос IRI в Грузии: растущее разочарование в России, НАТО, ЕС и Азербайджане. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/38791> (дата обращения: 08.09.2020).

религиозность населения, является повышение престижа православной церкви –единственного социального института, доверие к которому стабильно сохраняется в грузинском обществе на протяжении длительного периода времени¹.

Проблемы формирования государственно-гражданской идентичности также представляют собой серьезный вызов для современного Азербайджана как государства, появившегося на карте мира сначала как часть СССР, а затем в качестве независимого государства лишь в двадцатом веке. Находясь в зоне цивилизационного влияния России, Турции и Ирана, современный Азербайджан выстраивает свою идентичность на почве защиты национального языка, культуры и территориальной целостности страны². При этом немаловажное значение в процессе формирования государственно-гражданской идентичности современного Азербайджана также имеет деятельность СМИ.

Медиаполитическая система современного Азербайджана имеет противоречивые характеристики.

С одной стороны, количественно-качественный анализ совокупности СМИ позволяет сделать вывод, что флагманские позиции сегодня за азербайджанской прессой. (по отношению к другим странам СНГ). Палитра СМИ в Азербайджане весьма разнообразна. В азербайджанском политическом медиа-дискурсе имеют место быть и партийная пресса, при чем официальная, при этом оппозиционная пресса, также присутствует. Сотни газет, радиоканалов, интернет, телевидение, в том числе частные телеканалы и несколько информационных агентств («АзерТадж», «Асса-Ирада», Тренд», «Туран», «Шарг» и др.). Такое

¹Долгосрочные тенденции динамики общественного мнения в Грузии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/33271>(дата обращения: 08.09.2020).

²Датукишвили Е.З. Деятельность СМИ по формированию государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана, Грузии и России) //Этносоциум и межнациональная культура . 2020. N 6 (144). - С. 62.

информационное разнообразие, на наш взгляд, несомненно способствует формированию политического плюрализма в стране¹.

Таким образом, как «старые», так и «новые» СМИ имеют значительные возможности оказывать достаточно серьезное влияние на внутривнутриполитический процесс современного Азербайджана.

Ведущим среди азербайджанских информационных агентств является преемник советского агентства «Азеринформ» «Азертадж». Также на информационном рынке Азербайджана существуют не менее известные агентства, такие как «Тренд», «Азерпресс», «Шарг», «Эм-Пи-Ай», «Азадинформ». Каждое из них обладает собственными интернет ресурсами, активно позиционируется в социальных сетях. Достаточно много и печатных изданий, наиболее влиятельными среди которых являются газеты «Азербайджан», «Халг газети», «Республика», «525-ая газета».

Большое количество СМИ объективно создает трудности для установления над ними правительственного контроля, другими словами, определяет предпосылки для развития либеральной медиаполитической системы в современном Азербайджане. Важно отметить, что действующая система нормативно-правового регулирования также создает условия для этого.

Так, ст. 7 Закона «О средствах массовой информации» гласит «Не допускается государственная цензура над средствами массовой информации, а также создание и финансирование особых государственных органов с этой целью. За исключением случаев авторства информации и интервью, государственные органы, муниципалитеты, должностные лица предприятий, учреждений, организаций и общественных объединений, а также политических партий не вправе

¹Ягизаров Ш. Н. Роль СМИ в становлении и развитии политического плюрализма в Азербайджанской республике // Вестник экспертного совета. 2017. № 2. - С. 157.

требовать согласования либо запрещения распространения сведений и материалов средствах массовой информации¹.

С другой стороны, специфика формы современного азербайджанского государства, которую условно можно определить, как «демократический авторитаризм», предопределяет постоянное «управленческое давление» со стороны властных структур на азербайджанское медиа пространство, определяет характер взаимодействия с ними. Он определен и системой нормативно-правового регулирования информационной сферой, в частности, положениями закона о государственной тайне, которые практически позволяют вводить ограничения на информационное освещение любых тем, тем самым обеспечивая государственный контроль над информационным контентом, представляемым азербайджанскими СМИ.

Кроме того, существенные ограничения для свободы профессиональной деятельности СМИ определяет регламентация их прав на получение информации по официальным запросам от органов государственной власти, в соответствии с которой органы государственной власти имеют возможность дозировать информацию по своему усмотрению. Данное обстоятельство создает условия для реализации принципов свободной и объективной деятельности СМИ в тесном соотношении с критерием их политической лояльности правящему режиму.

Организационным механизмом практической реализации такой модели взаимодействия со СМИ является «Агентство по развитию медиа Азербайджана» которое стало правопреемником Фонда государственной поддержки развития

¹Закон Азербайджанской Республики от 7 декабря 1999 года №769-IQ «О средствах массовой информации». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2687 (дата обращения: 08.04.2021)

СМИ, исполняет его права и обязанности, и финансируется за счет средств государственного бюджета Азербайджана¹.

Президент также утвердил устав агентства. К задачам новой структуры отнесены осуществление деятельности по поддержке развития медиа, подготовка специалистов в данной сфере и их переобучение, стимулирование аудиовизуальных, печатных, онлайн медиа-субъектов и информационных агентств, а также журналистов, внедрение инноваций в сфере СМИ.

Именно поддержка этого Фонда являлась ключевой гарантией существования конкретного СМИ в современном Азербайджане. Ключевым отличием Агентства, стало наделение его карательными функциями. Так, согласно уставу структуры, в случаях выявления в печатных и онлайн-медиа признаков административного правонарушения оно будет обладать полномочиями принимать меры в соответствии с Кодексом об административных проступках. Если же агентство изыщет признаки уголовного деяния, то будет обращаться в соответствующие органы.

В итоге, отмечает С. Р. Мамедов, сегодня, при подборе информационного массива азербайджанские СМИ, вынуждены преодолевать ряд разнохарактерных трудностей (правового, процедурного, политического и др. толка). Кроме того, высокопоставленные чиновники обладают ресурсным потенциалом и инструментарием контроля и воздействия, что зачастую позволяет им уклоняться от соблюдения прав человека, при этом, они четко осознают, что злоупотребляют своим служебным положением, но это не служит для них труднопреодолимым препятствием, поскольку безнаказанность «развязывает им руки». Такое положение дел, несомненно препятствует росту профессионализма как

¹Ильхам Алиев создал Агентство по развитию медиа. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://moscow-baku.ru/news/politics/ilkham_aliev_sozdal_agentstvo_po_razvitiyu_media/ (дата обращения: 08.04.2021)

сотрудников, так и СМИ в целом, что, как следствие, снижает качество журналистики, ее ограничивает беспристрастность и независимость СМИ ¹.

Можно сделать вывод, что большинство современных СМИ Азербайджана вследствие их большой зависимости от властной политической элиты, которая выражается в существовании негласной цензуры, отсутствии устойчивой материальной базы, гарантирующей их независимое положение, играют роль «приводных ремней», обеспечивающих повышенный эффект воздействия официального дискурса. Можно сделать вывод о том, что фактически в современном Азербайджане функционирует выраженная авторитарная медиаполитическая система, в рамках которой действенное воздействие на общественное сознание населения имеют возможность оказывать лишь лояльные политической элите СМИ.

Вышеуказанные характеристики медиаполитической системы современного Азербайджана определяют то обстоятельство, что подавляющее большинство СМИ в контексте процесса формирования государственно-гражданской идентичности действуют в унисон с правительством.

В этой связи, как отмечает Р. Мехтиев², «история развития средств массовой информации в Азербайджане показывает, что они сыграли незаменимую роль в становлении и развитии азербайджанского литературного языка, просвещении нашего народа, пропаганде культуры, национально-нравственных ценностей, распространении идей единства и солидарности азербайджанцев всего мира» ³.

¹Мамедов С.Р. Проблемы развития СМИ Азербайджана на современном этапе // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-15. – С. 3404-3407.

²Кулиев Бахруз Вагиф Оглы Азербайджанский опыт взаимосвязи политики и журналистики // АНИ: экономика и управление. 2016. №2 (15).

³Мехтиев Р. Эфирное пространство Азербайджана: проблемы и задачи // Газета «Азербайджан». 2009. 2 октября.

Анализ информационного контента наиболее влиятельных «старых» и «новых» СМИ современного Азербайджана позволяет согласиться с мнением Ф. Бабаева о том, что они реализуют концепт государственно-гражданской идентичности азербайджанского общества по многим ключевым направлениям, от защиты прав и свобод, до продвижения ценностей истории, культуры и науки Азербайджана, трансляции и пропаганды истинно азербайджанских ценностей¹.

При этом абсолютное большинство СМИ играют роль «приводного ремня» реализации государственной политики, направленной на утверждение в общественном сознании концепта азербайджанства, посредством представления информационного контента о сущности и содержании идеологии, интерпретации ключевых положений и продвижение в широкие массы азербайджанства, в контексте истории Азербайджанской Демократической Республики, соотношения с идеями пантюркизма и исламизма².

При этом, как и в случае с Грузией, азербайджанская электронная пресса популяризирует идею преемственности современного Азербайджана и Азербайджанской Демократической республики, созданной на руинах Российской империи в 1918 году. Это и позволяет расширить исторические горизонты существования азербайджанской нации и сформулировать тезис о том, что Азербайджан является самостоятельным историческим субъектом³.

При этом, аналогично Грузии, имеет место ярко выраженная идеализация исторического опыта кратковременного существования азербайджанской демократической республики в контексте противоречия колониальной политики

¹Бабаев Ф. Гражданская интеграция и СМИ в Азербайджане. Баку: ИД Апостроф. 2011. С. 52-53.

²Кулиев Бахруз Вагиф Оглы Азербайджанский опыт взаимосвязи политики и журналистики // АНИ: экономика и управление. 2016. №2 (15). С. 278-281.

³Датукишвили Е.З. Деятельность СМИ по формированию государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана, Грузии и России) //Этносоциум и межнациональная культура. 2020. No 6 (144). - С. 62.

Российской империи, в качестве исторического правопреемника которого рассматривается советское государство.

В качестве примеров данного обстоятельства можно привести выдержки из аналитической статьи ведущего проправительственного интернет-издания Азербайджана – газеты «Азербайджан», посвященной характеристике исторического опыта данного государственного образования. Так, в статье отмечается, что «Азербайджанская Демократическая Республика, первая парламентская республика в истории азербайджанского народа, была также первым примером демократического, правового и светского государства на всем Востоке, включая тюрко-исламский мир. Несмотря на то, что Азербайджан прожил всего 23 месяца, Азербайджанская Демократическая Республика доказала, что даже самые жестокие колониальные и репрессивные режимы не способны разрушить идеалы свободы и традиции независимой государственности азербайджанского народа. Сразу после советской оккупации в стране начали демонтировать систему независимого государственного управления, созданную во время Азербайджанской Демократической Республики.... Фактически начался новый геноцид против азербайджанского народа»¹.

Кроме того, ведущие азербайджанские СМИ постоянно транслируют мнения различных представителей научно-экспертного сообщества, дающих высокую оценку государственному потенциалу АДР. Так на официальном сайте информационного агентства «Азертадж» содержится целый раздел с такого рода материалами, посвященный столетнему юбилею существования АДР²:

- представление ключевых концепций азербайджанства сразу в нескольких вариациях: как национально-государственной идеологии, как философско-эстетического концепта, как катализатора осознания этнической

¹Общая информация об истории Азербайджана //Азербайджан. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://azerbaijan.az/information/301> (дата обращения: 07.07.2020).

²Азербайджанская демократическая республика -100 / Азертадж. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://azertag.az/ru/bolme/cumhuriyyet> (дата обращения: 10.07.2020).

принадлежности к азербайджанцам, по линии религии, духовности и нравственности¹.

- раскрытие сущности азербайджанства в контексте политики мультикультурализма.

Формирование гражданской идентичности на основе идеи мультикультурного восприятия единой общности, осознания принадлежности к азербайджанскому государству, в настоящее время является одним из главных направлений деятельности азербайджанских СМИ. Проводником данной политики государства в Азербайджане являются, прежде всего, такие государственные телевизионные каналы, как «АТV», «Хазар ТВ», «СВС TV» и так далее. При этом, подавляющее большинство средств массовой информации в стране осуществляется на азербайджанском языке, что является дополнительным фактором упрочения этой связи².

Представляется, что ведущая роль в процессе разъяснения сущности и пропаганды «азербайджанства» среди «новых СМИ» принадлежит агентству «Азертадж», на официальном сайте которого содержатся масса информационно-аналитических материалов, посвященных данной проблематике³ – значение национального лидера Г. Алиева в контексте формирования основ и реализации идеологии «азербайджанства».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большинство азербайджанских СМИ последовательно внедряет в общественное сознание сконструированный властной политической элитой умеренно-националистический

¹Кулиев Бахруз Вагиф Оглы Азербайджанский опыт взаимосвязи политики и журналистики // АНИ: экономика и управление. 2016. №2 (15). С. 278-281.

²Датукишвили Е.З. Деятельность СМИ по формированию государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана, Грузии и России) //Этносоциум и межнациональная культура No 6 (144) 2020. - С. 62.

³См., например: Азербайджан – страна полная оптимизма. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azertag.az/ru/xeber/Azerbaidzhan___strana_polnaya_optimizma-1135551(дата обращения: 10.07.2020).

концепт «азербайджанства», в основе которого находится популяризация исторически корректных фактов, с одной стороны, о генеалогическом родстве азербайджанского и турецкого народов, а с другой – об их социокультурных различиях, обусловленных длительным нахождением Азербайджана в составе российской, а позднее советской государственности. Особое значение в контексте реализации данной технологии приобретает идеализация личности президента Азербайджана И. Алиева и проводимой им политики.

Другой технологией формирования государственно-гражданской идентичности азербайджанских СМИ также является использование образа врага. Азербайджанские масс медиа традиционно воспринимают в таком качестве Армению. При этом антиармянский дискурс в содержательном контенте носит чрезвычайно агрессивный характер. В этой связи азербайджанские СМИ, активно манипулируя спорными историческими фактами, стремятся реализовать «экстремально-мобилизационный» вариант идентичности¹.

Следует отметить, что в связи с началом нового витка вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе указанная технология стала приоритетной в обеспечении процесса консолидации азербайджанского общества и формировании устойчивой государственно-гражданской идентичности.

При этом азербайджанские СМИ при освещении военных действий в Нагорном Карабахе опираются исключительно на официальные представления об этимологии и ходе данного конфликта, которые фактически актуализируют при оценке действий армянских вооруженных сил образ нацистских оккупантов. В этой связи показательны названия статей, размещаемые на официальном сайте Азербайджанского информационного агентства, содержащих информационно-аналитический контент, посвященный сводкам с линии фронта: «Первый вице-

¹В качестве характерного примера такого рода деятельности азербайджанских СМИ см.: О геноциде азербайджанцев // Азербайджан. Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://azerbaijan.az/ru/related-information/5> (дата обращения: 10.07.2020).

президент Мехрибан Алиева: Подобные варварские атаки свидетельствуют о том, что жестокость армян не знает границ»¹, «Президент Ильхам Алиев: Азербайджанская армия освободила от оккупации несколько сел Зангиланского, Джебраильского и Губадлинского районов и город Губадлы»². При этом успехи азербайджанской армии сравниваются с боевыми успехами бойцов Красной Армии и воспринимаются как личные успехи Президента И. Алиева, которые обеспечивают восстановление исторической справедливости и «светлое будущее» для процветающего Азербайджана³.

Необходимо отметить, что повышению эффективности концепта «образа врага», активно реализуемого как в официальном политическом дискурсе Азербайджана, так и в материалах абсолютного большинства азербайджанских СМИ, в контексте процесса формирования устойчивой государственно-гражданской идентичности, основанной на лояльной позиции по отношению к правящему режиму и лично президенту Алиеву, способствуют действия внешних акторов, в первую очередь, Турции и России. Турция, оказывая всестороннюю поддержку Азербайджану как на официальном, так и на неофициальных уровнях,

¹Первый вице-президент Мехрибан Алиева: Подобные варварские атаки свидетельствуют о том, что жестокость армян не знает границ. [Электронный ресурс] –Режим доступа: https://azertag.az/ru/xeber/Pervyi_vice_prezident_Mehriban_Alieva_Podobnye_varvarskie_ataki_svidetelstvuyut_o_tom_chto_zhestokost_armyan_ne_znaet_granic-1627065 (дата обращения: 29.10.2020).

²Президент Ильхам Алиев: Азербайджанская армия освободила от оккупации несколько сел Зангиланского, Джебраильского и Губадлинского районов и город Губадлы. [Электронный ресурс] –Режим доступа: https://azertag.az/ru/xeber/Prezident_Ilham_Aliev_Azerbaidzhanskaya_armiya_osvobodila_ot_okkupacii_neskolko_sel_Zangilanskogo_Dzhebrail'skogo_i_Gubadlinskogo_raionov_i_gorod_Gubadly-1623969 (дата обращения: 29.10.2020).

³Первый вице-президент Мехрибан Алиева: Сегодня азербайджанский народ во главе с Президентом Ильхамом Алиевым пишет новую историю. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azertag.az/ru/xeber/Pervyi_vice_prezident_Mehriban_Alieva_Segodnya_azerbaidzhanskii_narod_vo_glave_s_Prezidentom_Ilhamom_Alievym_pishet_novuyu_istoriyu-1621523 (дата обращения: 29.10.2020).

обеспечила ему военную победу в конфликте с Арменией, а Россия, которая выступила ключевым посредником в проведении переговоров между противоборствующими сторонами – дипломатическую.

Указанные обстоятельства позволили азербайджанской правящей элите актуализировать новые символы азербайджанского национального единства, такие как «День национального возрождения», «Отечественная война против армянских оккупантов». Официальные лица Азербайджанской республики практически сразу после подписания мирных соглашений между сторонами выступили с соответствующими заявлениями, которые активно распространили азербайджанские СМИ.

Показательным в этой связи стало обращение первого вице-премьера М. Алиевой к азербайджанской нации 17 ноября 2020 г., в котором она подчеркнула: «Искренне поздравляю весь азербайджанский народ с Днем национального возрождения, желаю каждому нашему соотечественнику крепкого здоровья, любви и счастья! Сегодня всех нас объединяют самые светлые, теплые чувства к нашей Родине, гордость за нее, за ее успехи, достижения и победы! Да будут вечными солидарность азербайджанского народа и наша государственная независимость! Пусть в Азербайджане всегда господствуют мир, благополучие и безопасность! Пусть Всевышний бережет наш народ и нашу Родину!»¹.

Следует отметить, что после подписания трехстороннего соглашения по Нагорному Карабаху, закрепившему военную и дипломатическую победу Азербайджана в войне, на страницах абсолютного большинства азербайджанских СМИ появилось большое количество публикаций, в которых проводились прямые

¹Первый вице-президент Мехрибан Алиева поздравила наш народ с Днем национального возрождения. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azertag.az/ru/xeber/Pervyi_vice_prezident_Mehriban_Alieva_pozdravila_nash_narod_s_Dnem_nacionalnogo_vozrozhdeniya-1644297 (дата обращения: 20.11.2020).

параллели и аналогии между победой Азербайджана над армянскими оккупантами и победой СССР в борьбе нацизмом.

Таким образом, необходимо констатировать высокую результативность влияния на процесс формирования государственно-гражданской идентичности азербайджанских СМИ, которые, как было показано выше, действуют «в унисон» с риторикой ОПД. Как показывают социологические опросы, фундаментальной основой государственно-гражданской идентичности азербайджанцев в настоящее время является лояльность по отношению к действующей политической элите и лично к Президенту.

Так, в ноябре 2019 г. ведущий центр изучения общественного мнения Азербайджана – Центр социальных исследований (ЦСИ) проводил исследование общественного мнения по вопросам отношения общественности к институтам власти и к деятельности главы государства¹, которое мы рассмотрим ниже.

По демографическим показателям опроса, 67,6 процента из 1316 респондентов составляют мужчины, 32,4 процента - женщины. Основная возрастная группа составляет 26-35 лет, то есть 34,3 процента. По уровню образования преобладали люди с полным средним образованием – 45,1 процента.

По результатам ежемесячного мониторинга общественного мнения о деятельности Президента Азербайджанской Республики, проведенного Центром социальных исследований, в октябре 2019 года наблюдалось повышение рейтинга главы государства.

Результаты опроса, проведенного Центром, показывают, что деятельность Президента Ильхама Алиева в международной и внутренней плоскостях считается очень действенной и важной с точки зрения защиты национальных интересов и обеспечения общенационального благосостояния.

¹ Подавляющее большинство населения Азербайджана поддерживает реформы и деятельность Президента Ильхама Алиева – ОПРОС. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://news.day.az/politics/1177855.html> (дата обращения: 20.11.2020).

В целом, 77,5 процента граждан заявили, что вера и доверие к Президенту выросли еще больше, а 18,1 процента респондентов сообщили, что сохранили свою стабильную веру и доверие к главе государства.

Ссылаясь на итоги опроса, можно сказать, что респонденты удовлетворены тем, что Президент выступает с точки зрения их интересов, потребностей и ожиданий.

Положительная динамика результативности деятельности на международной арене, на почве авторитета Президента, его действительно важных политических инициатив, демонстрации личных примеров полезной и активной деятельности, способствует стабильному повышению его рейтинга у населения. Кроме всего прочего, значительное содействие этому, оказывают разумные и глубокие внутриполитические преобразования, продолжающиеся в конструктивном ключе.

Таким образом, можно сделать вывод, что государственно-гражданская идентичность современных азербайджанцев формируется на основе признания концепции политического развития государства, предложенной правящей элитой и связанными с ней СМИ, на базе ключевого постулата: «в центре государственной политики Азербайджана находится человеческий фактор», который декларируется правящей элитой в качестве приоритетного направления внутренней политики государства.

Вывод к параграфу

Итак, завершая характеристику деятельности грузинских и азербайджанских СМИ, направленную на формирование государственно-гражданской идентичности, можно сделать вывод об использовании ими аналогичных технологий влияния, несмотря на различия в характеристиках, установившихся в этих государствах медиаполитических систем.

Основными из них является идеализация кратковременного исторического опыта существования суверенной государственности начала XX в., который рассматривается в качестве фундаментального основания соответственно – европейской и мультикультурной государственно-гражданской идентичности, а также использование «образа врага» (в таком качестве рассматривается соответственно Россия и Армения) в контексте формирования мобилизационного и консолидирующего гражданского потенциала.

3.2. Технологии медиадискурса по формированию государственно-гражданской идентичности в постсоветской России

Переходя к анализу особенностей влияния российских СМИ на процесс формирования государственно-гражданской идентичности населения Российской Федерации на современном этапе, необходимо сделать важное замечание относительно эволюции российской медиаполитической системы.

Представляется, что с момента крушения советской государственности вплоть до настоящего времени российская медиаполитическая система подверглась радикальным изменениям, которые были обусловлены трансформационными процессами формы российского государства и характера государственной идеологии.

Направленность этих изменений определялась поэтапным преодолением структурного кризиса, сопряженного с аномическим состоянием социума, наступление которого было обусловлено тем обстоятельством, что Российская Федерация, объявив себя правопреемницей СССР, максимально испытала все негативные последствия данного процесса. Фактически, начиная с 1991 г. Россия переживала не только вышеуказанный системный кризис, но и преодолевала

угрозы нивелирования как внутреннего, так и внешнего суверенитета. В этих условиях правящая элита отчасти заняла коллаборационистскую позицию, пытаясь под влиянием внешних факторов практически реализовать идеологию крайнего либерализма евроатлантического образца. Данное обстоятельство с учетом нарастающей поляризации общества по социально-экономическому признаку определило слабость государственной власти, которая в условиях жесткой социальной оппозиции не могла проводить сколь-нибудь эффективную политику идентичности.

Именно слабость государственного механизма РФ в 1990 – е гг., наряду с кризисом идентичности большинства населения страны создали широкие возможности для развития либертарной медиаполитической системы, в рамках которой государство было неспособно не только использовать СМИ в интересах обеспечения консолидации общества на основании формирования прочных идентификационных основ, но и противостоять информационным угрозам российскому обществу, реализуемым рядом СМИ по прямой указке западных государств, в первую очередь, США, которые продолжали мыслить категориями «холодной войны». Этот период развития российской медиасистемы сопровождался тотальной коммерциализацией медиасферы.

Примерно с середины 1990- х гг. российское медиапространство начинает постепенно переходить под контроль преимущественно российских олигархов, которые начинают активно использовать «старые» и «новые» СМИ для реализации собственных интересов, связанных с политическим лоббированием.

Иначе говоря, СМИ превращаются в ключевое орудие борьбы за обеспечение «делегирования» экономического влияния в политическую плоскость. Естественным, что в таких условиях СМИ не оказывали сколь-нибудь значимого воздействия на формирование государственно-гражданской идентичности в условиях отсутствия четко построенной модели государственной политики идентичности.

С 2000-х гг. благодаря усилиям новой политической элиты России, концентрирующейся преимущественно в рамках политической партии «Единая Россия» и ее лидера В. В. Путина начинается процесс постепенного формирования новой формы отечественного государства, которая в программных документах «Единой России» получила наименование «суверенная демократия».

Идейным концептом политики новой политической элиты стало последовательное восстановление традиционных ценностей российской государственности, которые нашли выражение в характеристиках официального политического дискурса, проанализированного в предыдущей части настоящего исследования. Соответственно, начала реализовываться политика идентичности, а в качестве ключевого механизма реализации данного процесса стали рассматриваться СМИ.

С середины 2000-х гг. государственные структуры начинают брать под контроль СМИ и формировать крупные медиахолдинги. В результате либертарная медиаполитическая модель стала последовательно трансформироваться в авторитарную. Данное обстоятельство проявляется, в первую очередь, в том, что провластный дискурс представлен во всех видах СМИ – в прессе, на радио и телевидении, в сетевых изданиях – очень широко, он значительно преобладает над оппозиционным дискурсом по количеству текстов и привлеченным ресурсам – административным, журналистским, пропагандистским.

Кроме того, справедливо мнение о том, что российские СМИ с начала XX в. до нынешнего времени нельзя разделить на две группы по признаку принадлежности к провластному или оппозиционному дискурсу. Существуют телеканалы, газеты, интернет-издания, в которых абсолютно преобладает одобрение решений действующей власти, в первую очередь президента: «Первый канал», РИА «Новости» и др. Но такой дискурс присутствует и в СМИ, имеющих репутацию критически ориентированных, таких как «Новая газета», «Эхо Москвы». Эти СМИ придерживаются концепции представления разных точек

зрения, поэтому дают слово как депутатам Государственной думы, разъясняющим и обосновывающим государственную политику, так и некоторым представителям политической оппозиции (Илья Яшин, Дмитрий Гудков), которые много критикуют те или иные решения исполнительной и законодательной власти. Собственно журналистские тексты в таких СМИ также поддерживают баланс между нейтральной, положительно-оценочной и негативно-оценочной информацией об актуальных российских событиях¹.

Отмеченные обстоятельства позволяют констатировать, что на современном этапе развития российского государства статус СМИ во многом схож с азербайджанскими, в связи с чем ведущие из них, лояльные правящему режиму, принимают активное участие в процессе формирования государственно-гражданской идентичности выполняют политический заказ «сверху». В этой связи деятельность СМИ призвана усилить воздействие концептов официального дискурса на общественное сознание.

Характеризуя российскую медиаполитическую систему, сложившуюся на современном этапе, необходимо отметить ее многосоставной характер, который обусловлен, в первую очередь, масштабами российского государства. В этой связи, в российской политологии существуют различные представления о данной дефиниции.

Уровневую иерархию строения медиа среды в России, вывел и представил российскому научно-политическому сообществу И. И. Засурский. Он выделяет в структуре медиа поля, три уровня, ступени, в порядке убывания масштаба охвата аудитории.

Верхний уровень включает в себя все медиа ресурсы федерального (общероссийского) масштаба, которые выстраивают медийное политическое

¹Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война» / О. И. Асташова, Э. В. Булатова, Л. В. Енина и др., под ред. Э. В. Чепкиной. – Екатеринбург : Кабинетный ученый. 2017. - С.17-18.

пространство и формируют повестку дня. Далее, по аналогии с административно-территориальным устройством, следуют межрегиональные медиа, соответственно, третий уровень – региональный. В качестве четвертого уровня, исследователь выделяет сеть Интернет.

А. Н. Чумиков и М.П. Бочаров, в «Связях с общественностью: теория и практика», в продолжение вышеуказанной концепции, проецируют модель И. И. Засурского, на функционал PR-служб¹.

Первый уровень, по их мнению, весьма ограниченный, и не позволяет проявить всю широту креатива и реализовать замыслы PR-щика. Второй – более интерес для них, поскольку, создавая коммерчески привлекательный «сценарий», они привлекают медиа, и те без какого-либо принуждения включаются в дискурс, «симпатизируя» одному из оппонентов, или напротив, проявляют «антипатию», по отношению к другому. Третий уровень они считают «важным каналом «трансляции информационных потоков, а Интернет – флагманом медиа поля»².

Представляется целесообразным сказать о том, что деятельность российских СМИ по формированию государственно-гражданской идентичности в стране значительно отличается от аналогичной работы СМИ других постсоветских республик в силу принципиально другого социально-политического и культурного контекста. Современная Россия, которая является прямой наследницей Советского Союза и Российской империи, не имеет потребности в актуализации своего права на независимость, однако ее многонациональный и многоконфессиональный

¹ Чумиков А. Н., Бочаров М. П. Связи с общественностью: теория и практика. М.: Дело. 2004. - С. 193–196; Шиханов А.В. Роль современных СМИ в формировании и выявлении российской идентичности. В сборнике: Диалог культур и цивилизаций. Материалы Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Ч.Б. Далецкого, А.Ю. Платко. 2019. - С. 227-235. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://linguanet.ru/upload/medialibrary/d7c/d7c5672f8c5ba87d6a8ed334ab4ddc25.pdf>

² Шиханов А.В. Культурные смыслы деятельности региональных PR-подразделений государственных органов (на примере Ярославской области) : диссертация кандидата культурологии : 24.00.01 Ярославль. 2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42474063>

состав обуславливает необходимость подбора позитивных аспектов русской истории и современности, которые сплачивали бы нацию вокруг общих ценностей.

В качестве ведущей технологии, обеспечивающих решение данной задачи, рассматривается формулирование и трансляция концепта суверенного, сильного демократического российского государства, имеющего потенциал равно порядкового центрального полюса современного полицентрического мира, в силу чего априори призванного реализовать активную внешнюю политику, конкурентную другим геополитическим «центрам силы».

Данный концепт формулируется посредством героизации исторического прошлого, актуализации патриотического элемента общественного сознания на основе констатации социокультурной уникальности российского общества. При этом для большинства современных российских СМИ характерна редакционная политика, «фильтрующая» представление исторической информации в направлении нивелирования противоречивых сюжетов и проблем российской истории. Так, например, представляя и анализируя российский исторический опыт, большинство СМИ намеренно обходят стороной такие противоречивые вопросы, как положительная или негативная роль Иосифа Сталина в истории страны, вопросы депортации этнических меньшинств в разные периоды русской истории. Акцентирование внимания зрительской аудитории на могуществе и положительных сторонах российской истории и отказ от обсуждения ее противоречий является средством создания русской национальной идеи для упрочения российской государственно-гражданской идентичности¹.

Анализ информационного контента наиболее влиятельных российских СМИ позволяет согласиться с мнением О. И. Елховой о том, что ключевое место в деятельности российских средств массовой информации, направленной на

¹Датукишвили Е.З. Деятельность СМИ по формированию государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана, Грузии и России) //Этносоциум и межнациональная культура.2020. No 6 (144) - С. 62.

консолидацию российского общества, играет пропаганда российского исторического наследия как фактора общественного единства. Особое место в создании масс-медиа гражданской идентичности в стране является использование тематики Победы в Великой Отечественной Войне как общепринятой ценности для всех без исключения граждан России и постсоветского пространства. Проведение и трансляция акции «Бессмертный полк», создание отдельного телеканала «Победа», активная трансляция на телевидении кинофильмов и сериалов, посвященных Великой Отечественной войне, постоянное присутствие в программах теленовостей сюжетов о необходимости борьбы с фальсификацией истории – все эти мероприятия, осуществляемые российскими государственными СМИ, цементируют единство российской гражданской нации¹.

Особая роль в практической реализации технологии актуализации героико-патриотического ареола в настоящее время принадлежит телевидению и «новым» российским СМИ. Данное обстоятельство является следствием последовательного роста влияния электронных СМИ на общественное сознание, в первую очередь, на молодежь, что в свою очередь, соответствует реалиям информационного общества.

По данным всероссийского исследования, проведенного «Левада-центром» в мае 2020 г. телевидение остается наиболее используемым источником информации для россиян (74%). Тенденция на спад его использования замедлилась. Использование интернет-источников (38%) и социальных сетей (39%) несколько выросло по сравнению с прошлым годом. Продолжается освоение социальных сетей людьми старших возрастов. Так, за последний год в группе 40-54 лет использование социальных сетей для получения новостей выросло на 10 п.п., в возрастной группе 25-39 – только на 6 п.п. Растет частота потребления информации по всем популярным каналам получения информации (телевидение,

¹Елхова О.И. Сохранение российской национальной идентичности в информационном мире // Вестник Башкирск. ун-та. 2017. №2. – С.551-554. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-rossiyskoy-natsionalnoy-identichnosti-v-informatsionnom-mire-1> (дата обращения: 13.09.2021).

интернет-издания, видеоблоги), а значит, растет погруженность респондентов в информационные потоки. 44% респондентов смотрят телевидение каждый день, 36% - читают новости в интернете каждый день¹.

Отмеченные обстоятельства обуславливают тот факт, что в последние десятилетия в российском сегменте интернета активно создавались различные электронные проекты и сайты, направленные на поддержку идеи патриотизма в российском социуме. Ярким примером деятельности российских электронных СМИ по формированию государственно-гражданской идентичности в России можно считать организованный в 2006 году сетевой проект «Летописи.ру» на котором школьники, студенты и преподаватели со всех городов России принимали участие в наполнении гипертекстовой энциклопедии, посвященной русской истории. Другим примером продвижения российскими электронными средствами массовой информации идей государственно-гражданской идентичности является организованный в 2013 году общероссийский сетевой проект «Святой витязь земли русской», на котором продвигаются идеи патриотизма, любви к Родине и защиты российских традиционных ценностей. В деятельности данного проекта приняли участие двадцать семь команд студентов и школьников из Нижегородской области, Санкт-Петербурга, Владимира и других регионов страны².

В условиях нарастания геополитической напряженности в двусторонних отношениях России и стран Запада российские СМИ аналогичным официальному дискурсу образом актуализируют «образ врага». Фактически реализуется технология общественной консолидации, характерная для советского периода, которую условно можно обозначить как «осажденная крепость».

¹Российский медиаландшафт -2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/05/20/rossijskij-medialandshaft-2020-2/> (дата обращения: 08.09.2020).

²Датукишвили Е.З. Деятельность СМИ по формированию государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана, Грузии и России) //Этносоциум и межнациональная культура. 2020. No 6 (144) - С. 62.

Такое сходство определяется актуализацией и идеализацией образа «лидера нации» – президента В. Путина, фигура которого все чаще рассматривается СМИ в качестве базисного основания формирования государственно-гражданской идентичности. Дискурсивный медиа контент проправительственных СМИ, использует, в качестве ведущего средства актуализации национального лидера является отсыл к данным соцопросов. Как отмечает в «Известиях», М. Елкина¹: «В этом смысле данное исследование (социологическое) подтверждает высокий уровень доверия президенту, который, безусловно, распространяется на всю его команду. Одним из достижений Владимира Путина за 15 лет стала стабильная и предсказуемая политика, в том числе взвешенные и выверенные кадровые решения. Граждане понимают и ценят это. Если мы доверяем президенту, то доверяем и человеку, который с ним работает»¹.

Возобновление трансляции, в медиа контенте большинства российских СМИ «образа врага» позволяет констатировать, что их влияние на процесс формирования государственно-гражданской идентичности осуществляется в реалиях информационной войны. Данный феномен, по нашему мнению, смело можно причислить к технологиям борьбы за власть, в купе с дискурсивными практиками, соответствующего контекста. Кроме того, методическое выстраивание вредоносного ореола вокруг «нужного» объекта, его имиджевого образа или истории действий, также, транслируемые в медиадискурсе, также диагностирует текущее состояние медиасреды.

¹Елкина М. Больше половины граждан поддерживают команду президента // Известия. 2015. 23 марта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://iz.ru/news/584380> (дата обращения: 08.09.2020).

Сущность информационной войны сводится к конструированию врага: именно такую форму приобретает объект медиадискурса, которому последовательно и систематически причиняют вред¹.

Как правило, в рамках информационного контента российских СМИ проправительственной ориентации назван субъект, противопоставленный России в рамках информационной войны. В таком качестве рассматривается либо собирательный образ западных государств, олицетворяющих евроатлантическую цивилизацию, либо Украина, либо терроризм международного уровня.

Сама по себе, «информационная война», есть ничто иное, как формирование и транслирование нерелевантного, с точки зрения, «жертвы агрессии» (в большинстве случаев это РФ), информационного потока, который вредит репутации, имиджу и восприятию действительного образа.

Д. Песков (глава Пресс-службы администрации Президента РФ), в качестве комментария этого процесса, высказал точку зрения, характеризующую восприятие информационных потоков в медиасреде при условии информационного противостояния: «В Кремле советуют во время информационной войны очень осторожно относиться к ненадежным источникам»²; «Нужно быть очень аккуратными, потому что в интернете распространяется много лживой информации»³.

Приведенные цитаты демонстрируют определенные риски, связанные с ростом популярности информационного контента, исходящего от новых СМИ, при этом сама структура сетевых интернет-медиа не всегда позволяет «фильтровать»

¹Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война» / О. И. Асташова, Э. В. Булатова, Л. В. Енина и др., под ред. Э. В. Чепкиной. – М.; Екатеринбург : Кабинетный ученый. 2017. – 197 с.

²Чувства – взаимные. В Кремле рассказали об отношениях с НАТО Текст: Кира Латухина. Российская газета - Федеральный выпуск № 241(6812). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/10/26/peskov.html>

³Каблуков Е. В. Концепт «информационная война» в российских правительственных и оппозиционных СМИ / Е. В. Каблуков // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 22. № 4 (156). - С. 45-55.

ложную информацию, а, следовательно, несет в себе риски для формируемого медиадискурса власти и общества.

Примечателен в этой связи и контекст публичных высказываний официальных лиц РФ, транслируемых в тематическом медиадискурсе: «Бороться с информационной войной можно только правдой (А. Бастрыкин)¹;

При этом анализ информационного контента российских СМИ позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на постоянные обвинения проправительственных СМИ в организации и проведении названными субъектами актов информационной войны против России они и сами являются непосредственными ее участниками.

Необходимо отметить, что технология актуализации образа врага в рамках информационной войны, активно используемая проправительственными СМИ, чрезвычайно эффективна в контексте формирования государственно-гражданской идентичности.

Как показывают социологические опросы все большее число россиян считает, что, во-первых, у России есть враги, а во-вторых, другие страны относятся к России как к врагу².

Специфика роли российских СМИ в процессе формирования государственно-гражданской идентичности заключается в том, что в отличие от Грузии и Азербайджана часть из них, представителей которых можно характеризовать в качестве оппозиционных, совершают попытки реализовать собственный концепт государственно-гражданской идентичности, существенным образом отличающийся от официального. Так, например, телеканал «Дождь», значительную часть своих эфиров посвящает гражданскому обществу России, но

¹Исключительное право. Александр Бастрыкин предлагает исключить из Конституции РФ нормы о приоритете международного права. Текст: Наталья Козлова. Российская газета - Федеральный выпуск № 162(6733). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/07/23/bastrykin-site.html>

²Общественное мнение – 2015 / сост. Н. Зоркая. - М.: Левада Центр. 2016.- С. 243, 247, 253.

оценивает его с точки зрения единства с евроцивилизацией, ратует за российскую идентичность, основанную на соблюдении и защите прав человека и гражданина¹.

Необходимо отметить, что реализация теоретически имеющегося в рамках современной политической системы РФ потенциала организации дискурса согласований с оппозиционными СМИ в контексте процесса формирования государственно-гражданской идентичности затруднена вследствие базовых характеристики их информационного контента.

В этой связи справедливым представляется мнение Т. И. Малиевой о том, что «российские СМИ либерального толка с самого начала заявили о себе как антигосударственная структура. Антигосударственная направленность в деятельности СМИ осуществлялась, как говорится, не за страх, а за совесть, то есть в соответствии с идеологией победившего капитализма, сознательно»².

Радикальные отличия официального и либерального концептов формирования государственно-гражданской идентичности, реализуемых российскими СМИ, наглядно иллюстрируют идеологемы, используемые в медиаконтенте.

Такие различия наглядно иллюстрирует следующая Таблица 1:

Сферы общественно-политической жизни	Идеологемы, используемые государственно-ориентированными СМИ	Идеологемы, используемые либеральными СМИ
Внутренняя политика	Национальное единство, единая российская нация, общероссийская нация	Пропаганда Универсальное космополитичное гражданское общество

¹Датукишвили Е.З. Деятельность СМИ по формированию государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана, Грузии и России) //Этносоциум и межнациональная культура N 6 (144) . 2020.- С. 62.

²Малиева Т. И. СМИ и формирование российской идентичности // Вестник северо-осетинского государственного университета им. Е. Л. Хетагурова. - Общественные науки. 2014. № 4.- С. 127.

	Суверенная демократия, конкурентные выборы	Политические репрессии Фальсификации, честные выборы Коррупция
Внешняя политика	Русский мир Воссоединение Крыма с Россией Антироссийские угрозы и провокации, санкции, противоречащие международному праву	Присоединение Крыма Агрессия Международная изоляция России
Социально- экономическая сфера	Национальная конкурентная экономика Импортозамещение Преодоление экономического кризиса	Экономический кризис Неэффективность экономики

Представляется, что влияние оппозиционных СМИ на общественное сознание является незначительным, вследствие неэффективности их главной технологии – актуализации либерально-демократического образа, сходного по своим основным характеристикам с концептами, характерными для официальных дискурсов западных государств.

Очевидно, что данный идейный концепт в значительной степени дискредитировал себя в представлении большинства россиян зрелого возраста, вследствие негативного опыта реализации либеральной модели построения российской государственности в 1990-е гг. Нельзя не согласиться с мнением, что «в целом деятельность постперестроечных СМИ не способствует формированию российской идентичности, поскольку ее четко обозначенный либеральный дискурс противоречит России как стране традиционных ценностей»¹.

¹Малиева Т. И. СМИ и формирование российской идентичности // Вестник северо-осетинского государственного университета им. Е. Л. Хетагурова. - Общественные науки. 2014. № 4.- С. 129.

При этом представляется, что отсутствие реальных возможностей для обеспечения конструктивного дискурса согласований между официальными и оппозиционными СМИ вплоть до настоящего времени существенно затруднено и вследствие откровенно антигосударственного характера представляемого ими антироссийского контента с высокой степенью интенсивности.

Так, по подсчетам журналистов И. Сарматова и А. Юн только за период с 19 по 28 февраля 2020 г. в рамках интернет версии «Эхо Москвы» было опубликовано 79 материалов антироссийской направленности, на информационных ресурсах «МБХ Медиа», принадлежащего оппозиционному скандально известному олигарху М. Ходорковскому, 56 таких материалов, а на сайте оппозиционного телеканала «Дождь» 53 материала.

Естественно, что данные факты исключают возможность выработки российскими СМИ единого идейного основания для формирования государственно-гражданской идентичности российских граждан. Справедливости ради, необходимо отметить, что это не является приоритетной задачей оппозиционных СМИ. Об этом свидетельствует осуществленный нами ивент-анализ информационного контента телеканала «Дождь», транслируемого в 2020 г. На его основе следует сделать вывод о том, что его приоритетной задачей является формирование активной протестной гражданской позиции на основе системной критики всех ключевых аспектов современной государственной политики. Иначе говоря, налицо деструктивная значимость деятельности оппозиционных российских СМИ в контексте влияния на процесс формирования государственно-гражданской идентичности.

Откровенная слабость концепта государственно-гражданской идентичности, реализуемого оппозиционными СМИ, вызвана и государственной политикой в медиасфере. В этой связи, как отмечает А. И. Соловьев, «политические функции основных СМИ в России совпадают с функциями самолегитимации медиакратического режима и сосредоточены на осуществлении

контроля и ограничении (регулировании) интенсивности протеста в публичном дискурсе, наполнении массовой коммуникации безопасными для властей сообщениями. Обратной стороной данного процесса, по справедливому убеждению А. И. Соловьева, является тот факт, что «государство теряет возможность «услышать» гражданские структуры, включить население в управление страной»¹. В результате объективно снижается потенциал гражданской идентичности.

Кроме того, важным фактором, снижающим эффективность влияния оппозиционных СМИ, является прочной экономической основы вследствие действия закона об иностранных агентах, ограничивающего финансирование российских СМИ зарубежными фондами.

Итак, анализ информационного контента российских СМИ на современном этапе позволяет сделать вывод о том, что они оказывают гораздо более существенное влияние на процесс формирования государственно-гражданской идентичности в сравнении с азербайджанскими и грузинскими СМИ.

Данный вывод подтверждается, прежде всего, количественным разнообразием реализуемых СМИ «идентификационных» маркеров» рассматриваемого вида идентичности личности россиянина. В таком качестве можно рассматривать следующие направления идентификации:

Ведущим из них является политическое. В его рамках целесообразно выделять внутривнутриполитический и внешнеполитический контексты. Универсальным основанием государственно-гражданской идентификации в рамках данного направления является смысловой концепт «Россия», который обеспечивает формирование сплоченного единства «россияне», используемое в дискурсе российских СМИ. Такое единство, как правило используется в контексте

¹ Соловьев А.И. Глава 11. Медиаспособности государства как фактор развития российского общества: проблемы и практики/ Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика /Под ред. Л.Н.Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2012. - С.222-232.

дихотомического противоречия в рамках консолидирующей технологии «образа врага», посредством выставления отрицательных маркеров зарубежными оппонентами: «...Америка спровоцировала и теперь раздувает конфликт на Украине, развязывая новую холодную войну»¹.

«Внешнеполитические идентификации России в текстах на политическую тематику распределяются на дискурсивные практики по установлению различия или сходства. Активны практики указания на идентичность через установление различия в его крайнем выражении — резком противопоставлении, открытой вражде. Складывается антагонистический тип отношений между дискурсивными объектами Россия и Запад. Последний объект иногда конкретизируется до Украины, Польши, США, Дании, Канады или обобщается до стран ЕС, стран НАТО, западной цивилизации»².

Кроме того, дискурсивные практики современных российских медиа позволяют выделять различные направления формирования государственно-гражданской идентичности, их специфика отражает те сферы общества, информация о которых в них содержится. Так выделяют историческое, экономическое, правовое, спортивное, профессиональное направления и т. д.

В целом, представляется, что процесс формирования государственно-гражданской идентичности в России, Азербайджане и Грузии находится на начальных стадиях своего развития и далек от своего логического завершения, выраженного в обеспечении ее сформированности и устойчивости.

Такой вывод подтверждают результаты проведенного нами выборочного e-мэйл опроса, в котором участвовало 300 респондентов — представителей

¹Енина Л. В., Ильина О. В., Каблуков Е. В., Чепкина Э. В. Практики политической идентификации россиян под влиянием медиаконцепта «информационная война» // Политическая лингвистика. — Екатеринбург. 2017. № 4 (64). — С. 96-107.

²Там же. - С. 101

студенческой молодежи из числа россиян, азербайджанцев и грузин, получающих высшее образование в образовательных организациях г. Москвы¹.

Респондентам для заполнения была представлена небольшая анкета, содержащая четырнадцать вопросов, ответы на которые позволяют оценить, во-первых, уровень сформированности политического мировоззрения, во-вторых, определить политический статус личности, а в-третьих, выявить представления о сущности понятия «государственно-гражданская идентичность». Е-мейл опрос осуществлялся методом сплошной рассылки анкеты по электронным адресам студентов. Среди респондентов, приславших в ответном письме заполненные анкеты, большинство (82%) являлись гражданами РФ, 12 % являлись гражданами республики Азербайджан, 6 % – гражданами Грузии. Отметим наиболее значимые результаты, полученные после обработки присланных анкет.

На вопрос «как вы относитесь к политике» только 12 % опрошенных выбрали варианты ответов «постоянно интересуюсь политикой», 9 % «постоянно хожу на выборы». Соответственно, наиболее популярными ответами на данный вопрос являлись предложенные варианты «политика мне неинтересна» и «иногда хожу на выборы». Показательным в контексте настоящего исследования являются следующие результаты опроса:

- большинство респондентов (72 %) не следит за публичными выступлениями высших должностных лиц рассматриваемых государств и только 8 % постоянно их слушает, читает и смотрит;

- 63 % из числа опрошенных лишь поверхностно знает основные вехи истории своей страны и празднуют государственные праздники только в том случае, если позволяет время;

- 68% опрошенных специально не следят за публикациями СМИ по общественно-политической тематике. При этом из числа тех, кто проявляет

¹ Анкета приведена в Приложении № 1

интерес к таким публикациям, лишь 35 % доверяет официальным СМИ, остальные предпочитают знакомиться с информационным контентом независимых электронных СМИ. При этом степень доверия напрямую зависит от статуса авторов новостных или аналитических материалов. В наибольшей степени (72 % из числа опрошенных) доверяют журналистам, в меньшей политологам (18%) и профессиональным политикам (10%). При этом парадоксально, что большинство опрошенных (82%) назвали себя патриотами своих стран в то время, как только 15 % имеют определенное представление о понятии «государственно-гражданская идентичность» в связи с чем представили свои варианты определения данного понятия.

Таким образом, на примере опроса представителей наиболее активной части населения (студенческой молодежи), устойчивая государственно-гражданская идентичность которой имеет принципиальное значение для обеспечения легитимности властной политической элиты в обозримой исторической перспективе, можно сделать вывод о том, что в России, Азербайджане и Грузии у рассматриваемой части населения чрезвычайно высок уровень абсентеизма, который обусловлен низким уровнем политико-правовой культуры, незначительной сформированностью политического мировоззрения. В таких условиях политика формирования государственно-гражданской идентичности, осуществляемая властной элитой преимущественно посредством дискурсивных технологий, не является эффективной.

Очевидно, что данный тип идентичности у наиболее перспективной части населения фактически не сформирован. Представляется, что данное обстоятельство актуализирует необходимость осуществления дискурса согласований, выражающегося в формировании и реализации устойчивой стратегии молодежной политики, всецело учитывающей мировоззренческие приоритеты наиболее активной части молодежи – студенчества и на их основе содействующей формированию целостного и рефлексивного политического

мировоззрения, которое является ключевым компонентом политической культуры. Таким образом, будут созданы условия для эффективной реализации политики конструирования государственно-гражданской идентичности.

Вывод к параграфу

Итак, в завершении характеристики влияния российских СМИ на процесс формирования государственно-гражданской идентичности необходимо констатировать следующее.

Российская медиаполитическая система обладает значительной спецификой по сравнению с Грузией и Азербайджаном. Она обусловлена совокупностью причин как объективного, так и субъективного характера, а именно – большим размером территории и фактом юридической правопреемственности СССР и России, а также направленностью эволюции в направлении перехода от либертарной к авторитарной концепции взаимодействия СМИ и власти.

Указанные обстоятельства обуславливают повышенное значение СМИ в качестве актора внутривнутриполитического процесса и соответственно субъекта конституирования государственно-гражданской идентичности. При этом количество современных российских СМИ обуславливают наличие двух альтернативных вариантов воздействия СМИ на данный процесс, классифицирующим признаком которых является лояльность к существующей форме государства и правящей элите. Несмотря на то, что базовые идеологические концепты формирования государственно-гражданской идентичности, презентуемые в рамках данных вариантов существенным образом различаются, в силу дискредитации либерального проекта общественно-политического развития в 1990-е гг. в сознании большинства населения оппозиционные СМИ не оказывают существенного воздействия на процесс формирования государственно-гражданской идентичности. В этой связи можно говорить о том, что большинство

российских СМИ аналогично грузинским и азербайджанским на современном этапе успешно реализуют официальный концепт государственно-гражданской идентичности.

При этом используемые российскими СМИ технологии конструирования государственно-гражданской идентичности в целом аналогичны грузинским и азербайджанским. Основными из них является мифологизация и героизация национальной истории, конструирование национальной идеи и национального единства, а также использование консолидирующего потенциала «образа врага». Данная технология в условиях осложнения геополитической обстановки приобретает все более важное значение в информационном дискурсе большинства российских СМИ. В этой связи в контексте воздействия российских СМИ на процесс формирования государственно-гражданской идентичности обнаруживается большое количество направлений, среди которых ключевое значение приобретает смежность политического и территориального / цивилизационного.

Особое значение в контексте процесса формирования государственно-гражданской идентичности имеет используемая, как в рамках ОПД, так и проправительственными СМИ технология актуализации положительного опыта государственно-гражданского строительства в советскую эпоху.

Представляется, что последняя технология обладает наибольшим потенциалом в контексте формирования устойчивой государственно-гражданской идентичности. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты репрезентативного социологического исследования, опроса, проведенного «Левада-центром» в марте 2020 года¹. В частности, в структуре представлений о «советской эпохе» преобладала положительная компонента (76%), которая

¹Датукишвили Е.З. Деятельность СМИ по формированию государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана, Грузии и России) //Этносоциум и межнациональная культура. N 6 (144). 2020. - С. 62.

связывалась с представлениями о социальном государстве, в котором (с позиции настоящего времени) отсутствовало неравенство и расслоение граждан, существовала социальная справедливость и сплочённость граждан, а основные потребности граждан удовлетворились системой государственного (бесплатного) обеспечения в сфере здравоохранения, образования, занятости и решения жилищной проблемы. Кроме того, в исследовании февраля 2020 г. респондентам после открытого вопроса предлагалось согласиться или не согласиться с суждением о социально-справедливой и благополучной жизни в СССР, которое поддержало $\frac{3}{4}$ участников опроса¹.

В целом результаты социологических исследований свидетельствуют о противоречивой динамике процесса формирования государственно-гражданской идентичности в России. посредством рассмотренных технологий. С одной стороны, государственная идентичность большинства граждан на основе идеологической концепции «суверенной демократии», реализуемой властной политической элитой, успешно формируется. Так, почти половина граждан, участвующих в социологических опросах считает, что в России уже существует демократия (49%). При этом регулярные измерения общественного мнения показывают, что сегодняшние показатели поддержки президента и режима в целом находятся на рекордно высоком уровне.

С другой стороны, наблюдаются очевидные проблемы, связанные с формированием гражданской идентичности. В частности, интерес к текущим событиям общественно-политической жизни декларируют около 43% опрошенных. При этом характерно, что согласно полученным результатам около половины респондентов (46%) не смогли определить свои политические взгляды. Готовность участвовать в политике держится на протяжении десяти лет примерно

¹Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/03/Pamyat-o-Sovetskom-Soyuze.pdf> (дата обращения: 08.09.2020)

на одном уровне и составляет по разным опросам около пятой части опрошенных (18- 23%). В обществе преобладает мнение о том, что в России власть не подотчетна обществу – с этим согласны 60% населения. В этой связи большинство опрошенных граждан (69%) не готовы активно участвовать в политической жизни, разделяя смысл пословицы: «Хочешь спокойно жить – не высывайся»¹.

Таким образом, в целом технологии, реализуемые большинством российских СМИ в контексте формирования государственно-гражданской идентичности, можно признать перспективными с учетом внесения корректировок, направленных на актуализацию политического участия граждан, что может быть достигнуто интенсификации пропаганды его необходимости.

Немаловажное значение в контексте обеспечения повышения эффективности СМИ в качестве субъектов процесса формирования государственно-гражданской идентичности имеет ослабление политико-административного контроля за их деятельностью. В этом связи следует согласиться с мнением А. И. Соловьева, который отмечает, что «установление политико-административного контроля за ведущими СМИ, формирующими основные информационные потоки, сформировалось в рамках политической системы, где в значительной мере свернуты каналы представительства гражданских интересов, существенно сокращена сфера публичного дискурса. Это однозначно определяет односторонний характер массовых коммуникаций и, как следствие, ничтожное политическое значение общественного мнения», что негативно влияет на формирование гражданской идентичности².

¹Демократия в России: установки населения Сводный аналитический отчет. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.levada.ru/old/sites/default/files/report_fin.pdf (дата обращения: 08.09.2020)

²Соловьев А. И. Медиаспособности государства как фактор развития российского общества: проблемы и практики // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика /Под ред. Л.Н.Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2012. - С. 283.

Вывод к главе

В качестве ключевого универсального тренда внутриполитического процесса рассматриваемых государств является последовательное усиление влияния СМИ, которые в настоящее время приобретают статус не просто самостоятельного актора внутриполитического процесса, но и самостоятельных центров власти.

В этой связи следует отметить, что в системе координат традиционной теории разделения властей традиционные СМИ (печатные СМИ и телевидение) можно идентифицировать в качестве «четвертой власти», а электронные СМИ в качестве «пятой власти», которая в условиях продолжающегося научно-технического прогресса, ключевым проявлением которого является, в первую очередь, дальнейшее совершенствование информационных технологий, начинает определять генеральные тенденции внутриполитического процесса, поскольку его содержание постепенно переносится в информационное пространство.

В связи с вышесказанным очевидна значимость дискурса СМИ в контексте определения основных тенденций внутриполитического процесса в целом и процесса формирования государственно-гражданской идентичности граждан рассматриваемых государств, в частности.

При этом степень влияния СМИ на данный процесс коррелирует сообразно характеристикам типа медиаполитической системы. Так, в условиях авторитарной медиаполитической системы дискурс СМИ усиливает императив идейных концептов, определяемых в рамках официального политического дискурса в качестве базисной основы государственно-гражданской идентичности. В этой связи СМИ приобретают характер «приводных ремней» в процессе монопольного

формирования государственно-гражданской идентичности со стороны власти. Такое положение СМИ актуализирует вопрос о наличии у них реального независимого статуса, который следует рассматривать в качестве одной из ключевых предпосылок существования и развития правового демократического государства. В рамках либертарной медиаполитической системы, характерной для большинства стран развитой демократии, дискурс СМИ усиливает диалогичный потенциал официального политического дискурса, содействует реализации потенциала концепта согласований. В таких условиях государственно-гражданская идентичность формируется на альтернативной основе.

Представляется, что в рассматриваемых государствах к настоящему времени фактически завершена трансформация либертарных медиаполитических систем, получивших свое развитие в переходный период становления постсоветских форм государства и сыгравших вследствие данного обстоятельства сугубо негативную роль в контексте обеспечения стабильности внутриполитического процесса, в авторитарные.

В таких условиях в рамках дискурса СМИ рассматриваемых государств в контексте содействия процессу формирования государственно-гражданской идентичности реализованы фактически идентичные политические технологии преимущественно императивно-манипулятивного характера. Среди них основными являются такие как идеализация и мифологизация исторического прошлого, предполагающие сознательные фальсификации исторических фактов, актуализация образа врага посредством трансляции идеологического концепта «свой-чужой», тотальная дискредитация политических оппонентов различными средствами (включая указания на их преступную деятельность, в случае если действующее законодательство предусматривает такие возможности). Лишь в Российской Федерации в настоящее время некоторые СМИ в процессе формирования государственно-гражданской идентичности отчасти реализуют дискурс согласований. Вместе с тем данный процесс осуществляется

непоследовательно и в условиях тотального контроля со стороны властных структур. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в рассматриваемых государствах роль СМИ в контексте формирования государственно-гражданской идентичности определяется исключительно властной политической элитой.

Ключевой проблемный аспект, препятствующий формированию государственно-гражданской идентичности в рассматриваемых государствах, обусловлен отсутствием прочной государственной идеологии. Во многом это связано с объективными тенденциями трансформации политических идеологий. В этой связи представляется справедливым мнение А. И. Соловьева, который отмечает, что традиционные формы идеологии в современном мире уступают место другим смыслообразующим матрицам символической политики. К примеру, функции политической идеологии и мифологии сегодня переходят к дискурсу политической рекламистики. Сегодня, отмечает Соловьев, развиваются новые способы форматирования политических предложений граждан, которые качественным образом отличаются от былых идеологий, прежних идеологических форм их репрезентации. Функции идеологии все активнее начинают выполнять различного рода имиджевые и консалтинговые структуры, создающие рекламные оболочки политического продукта, без которых в настоящее время уже невозможно включиться в пространство власти¹. Вместе с тем традиционные идеологические структуры продолжают сохранять определенное влияние на политическую культуру, а вместе с тем и на процессы формирования государственно-гражданской идентичности.

¹Соловьев А.И. Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии. Материалы дискуссии // Полис. Политические исследования. 2004. № 4.- С. 40.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет подтвердить правильность выдвинутой гипотезы о том, что государственно-гражданская идентичность представляет собой сложный идеологический конструкт, являющийся предметом осуществления целенаправленной государственной политики России, Азербайджана и Грузии. В целях ее формирования необходимо использовать две ведущие политические технологии: официальный политический дискурс элиты и медиадискурс, которые совместно конструируют эту идентичность, стремясь объединить народ каждого государства в единое сообщество. Без применения этих политических технологий трудно надеяться на легитимацию политической власти и политическую стабильность в каждом из рассматриваемых государств.

В результате автором получены следующие основные результаты:

1. Понятие «государственно-гражданская идентичность» представляет собой сложный идеологический конструкт, созданный под влиянием целенаправленного воздействия политической элиты и масс-медиа, зависящий от исторически формировавшихся культурных кодов общества. Это двуединый феномен, сочетающего в себе, во-первых, сознательное самоотождествление граждан с социальной общностью, формирующее «образ мы – народ», а, во-вторых, их политические представления, то есть комплексы понятий, утверждений, объяснений и ценностных ориентаций, связанных с институтом государства, его политическим устройством, языком общенационального общения, «образом будущего».

«Ощущение государства» формируется посредством образовательной и идеологической деятельности ключевых акторов – правящей политической элиты и масс-медиа.

Активный компонент государственно-гражданской идентичности предполагает волевое действие личности, находящее выражение в соотнесении с различными политическими структурами и организациями, выступающими от имени граждан. Такое действие формирует гражданскую идентичность, содержание которой определяется осознанно избранной принадлежностью к конкретной политической организации общества и определенным политическим силам на основании совпадения их целей и идей с политическим мировоззрением личности. Активный компонент государственно-гражданской идентичности реализует ряд важнейших функций, а именно – интегративную, позволяющую формировать коллективную политическую ментальность; гарантии возможностей развития и социализации личности, личностного роста и самоутверждения; защитную, которая является выражается в предоставлении гарантий реализации аффилиативной необходимости личности в ощущении причастности к общности, что помогает индивиду ощущать спокойствие и уверенность, несмотря на сложности стремительно меняющегося мира, стабильность и уравновешенность личности. Ключевое значение при определении сущности государственно-гражданской идентичности имеет когнитивно-ценностный компонент, характеризующий представления субъекта о нормативно-ценностной системе конкретной общности, ее ресурсах, свойствах своего социального статуса и перспективах его прогрессивного изменения.

Государственно-гражданская идентичность представляет собой важнейший компонент интегральной характеристики личности, а также ключевое основание обеспечения легитимности власти. В этой связи формирование данного вида идентичности следует рассматривать в качестве одного из важнейших направлений внутренней политики государства, которое целесообразно обозначать как политику идентичности. При этом соотношение двух компонентов в рамках государственно-гражданской идентичности следует рассматривать в иерархическом контексте – предпосылкой для формирования гражданской

идентичности служит существование устойчивой государственной идентичности, и социальной, включающих в себя выраженный этнополитический компонент.

2. Инструментом формирования политики государственно-гражданской идентичности выступает совокупность политических технологий. Сущность политических технологий всегда определяется их целевым назначением, связанным с целенаправленным влиянием на общность для мотивации производить нужные действия, для достижения заданных целей. В результате анализа мы выделили две ведущие технологии, задействованные в формировании государственно-гражданской идентичности трех государств – официальный дискурс политических элит и медиа-дискурс. Оба дискурса представляют собой процессы, имеющие свои технологии воплощения.

Ключевое значение в формировании государственно-гражданской идентичности имеет официальный политический дискурс элиты, который представляет собой сложный процесс, включающий в себя различные неравнозначные компоненты. Основными являются лингвистические компоненты, такие как текст и речь, составляющее «ядро внешнего выражения» дискурса и также характеристики конкретной социокультурной обстановки, образующие смысловые проекции в сознании субъекта дискурса, которые определяют «объективную детерминацию» его содержания. Функциональное назначение официального дискурса заключается в оказании манипулятивного и регулирующего воздействия на общественное сознание, которое усиливается благодаря его «идеологической ангажированности», увеличивающей «доказательственную способность» правильности политических мероприятий, реализуемых властной элитой.

Содержание процесса формирования идентичности рассматриваемого вида предполагает одновременное достижение двух целей – образования тождества между отдельной личностью и государственной организацией, выраженного как в мировоззренческой позиции, так и в готовности осуществлять практические

действия с целью удовлетворения публичных интересов, а также стимулирования в сознании личности установки на принятие существующей политической действительности и готовности осуществлять целенаправленные практические действия, направленные на ее конструктивное изменение при руководящей роли государства.

Процесс формирования государственно-гражданской идентичности осуществляется в рамках политической социализации личности, под которой следует понимать усвоение конкретной личностью норм, идеалов, ценностей, ролей и стандартов поведения, соответствующих определенным образам значимых объектов политической сферы. Исходя из этого, в качестве фундаментального основания государственно-гражданской идентичности следует рассматривать политическую культуру, которая представляет собой комплексный психосоциальный феномен, отражающий процесс социогенеза в контексте его ценностно-нормативного, институционального содержания. Политическая культура выражает внешние характеристики процесса политической социализации, обеспечивая сохранение политического мировоззрения и его ретрансляцию в образах и ценностях, что и определяет содержание феномена государственно-гражданской идентичности.

Формирование государственно-гражданской идентичности в рамках осуществления политики идентичности предполагает два последовательных этапа, обеспечивающих политическую социализацию личности. На первом этапе должно происходить конструирование властной элитой идейных концептов в рамках официального политического дискурса и имеющего по отношению к нему вспомогательное значение дискурса СМИ, которые в настоящее время приобретают статус самостоятельного властного субъекта. На втором этапе обеспечивается интеграция данных концептов в общественное сознание посредством целенаправленного применения политических технологий,

основными из которых является «моделирование истории» и создание механизмов взаимодействия субъектов гражданского общества и властных структур.

3. По целевой и функциональной направленности политические технологии элиты и медиа могут быть разделены на три основные группы: технологии, направленные на установление или изменение порядка коммуникации участников политического процесса, параметров и характера их взаимодействия; технологии, транслирующие новые идеи, ценности и цели в массы, для их благоприятного ими восприятия и усвоения, с целью последующих манипуляций сознанием, поведением и действиями, общественности в целом, и ее отдельных групп, различных по многим показателям (качественному составу, численности, и др.). В таком качестве рассматривается целенаправленное конструирование властной элитой и ведущими СМИ политико-этнических образов, имеющих устойчивую историческую детерминацию, а также политически значимых символов в структуре политической культуры.

4. В рассматриваемых странах используют технологии медиа-дискурса преимущественно трех основных видов:

- технологии, обеспечивающие формирование в структуре массового сознания новых представлений, норм, ценностей и категорий, отражающих параметры перспективной государственно-гражданской идентичности;
- технологии, обеспечивающие достижение направленного изменения содержания и правил взаимодействия между ведущими акторами внутриполитического процесса;
- технологии, позволяющие осуществлять манипулирование поведением общественных масс.

В рамках современного медиадискурса СМИ справедливо рассматриваются в качестве важнейших акторов политического процесса, в качестве «четвертой власти» в системе разделения властей, по своему статусу и значению фактически аналогичных органам государственной и муниципальной власти. В контексте

реализации указанных функций современные СМИ осуществляют скрытое управление политическим сознанием и поведением людей, обеспечивают восприятие и усвоение гражданами, требуемых политических и социальных правил, норм, образцов политического и социального поведения, одновременно, контролируя власть независимой журналистской деятельностью.

Такой функционал дает возможность медиадискурсу значительным образом влиять на процесс формирования государственно-гражданской идентичности. Особенности такого влияния определяются характеристиками медиаполитической модели взаимодействия СМИ и властной политической элиты. С нашей точки зрения эффективное воздействие СМИ на процесс формирования государственно-гражданской идентичности предполагает осуществление со стороны правящей элиты конструктивного сочетания отдельных медиаполитических систем – либертарной, социально-либертарной и авторитарной, целью которого является обеспечение возможностей для опосредованного осуществления через медиа ключевых принципов политики идентичности в условиях обеспечения гарантий независимости медиа, что является определяющим фактором недопущения возникновения конфронтационных отношений с ними.

Следует отметить, что в рамках информационного контента медиа фактически отсутствует альтернативный дискурс, оказывающий существенное воздействие на формирование государственно-гражданской идентичности. Данное обстоятельство исключает дискурс согласований в деятельности медиа, что, как представляется, обусловлено рядом факторов, основными из которых являются:

– консолидация правящей политической элиты и медиа на основе представлений о значимых событиях внутривластного процесса, идеализации образов исторического развития национальной государственности, либо образе врага. Данное обстоятельство фактически исключает наличие влиятельных оппозиционных медиа. Такая ситуация характерна для Грузии и Азербайджана;

- особенности государственной политики в сфере медиа, в рамках которой деятельность оппозиционных медиа может быть признана незаконной по различным основаниям (например, при финансировании из-за рубежа);

- выраженная незаинтересованность или неспособность оппозиционных СМИ предложить альтернативный официальному идейный концепт государственно-гражданской идентичности.

5. Формирование государственно-гражданской идентичности представляет собой ключевую задачу постсоветских государств, решение которой представляет собой главную предпосылку сохранения и укрепления их суверенитета. В этой связи процесс формирования государственно-гражданской идентичности в качестве отдельного направления государственной политики, в рамках которого должно быть обеспечено однонаправленное воздействие на общественное сознание содержательных концептов официального дискурса элит и медийного дискурса. При этом в качестве основной политической технологии формирования государственно-гражданской идентичности следует рассматривать внедрение в общественное сознание позитивных идейно-политических конструкторов на основании выборочного использования исторических фактов, консолидирующих гражданскую общность и формирующих двусторонние отношения государств на принципах взаимоуважения и мирного сосуществования.

Определены особенности воздействия официального политического дискурса элиты в трех государствах на процесс формирования государственно-гражданской идентичности. Официальный политический дискурс элит России, Азербайджана и Грузии является противоречивым и содержит как позитивные, так и негативные характеристики, обусловленные их «генетической зависимостью» от дискурса советского государства. Данное обстоятельство, а также отсутствие устойчивых традиций существования правовой, демократической государственности и развития института гражданского общества в рассматриваемых странах определяют простоту, примитивность содержания

концептов официальных дискурсов рассматриваемых стран, их крайнюю зависимость от личностных характеристик и мировоззренческой позиции отдельных представителей властной политической элиты, ритуальный характер политической коммуникации, гипертрофированное воздействие на содержание дискурсов разнообразных манипуляторов общественным сознанием – имиджмейкеров, политтехнологов, политических консультантов, которые становятся фактически самостоятельными его субъектами (разработчиками), подменяя тем самым важнейшую функцию представителей властной политической элиты.

Выявлена значимость медиадискурса, как традиционных, так и новых – сетевых медиа, в процессе формирования государственно-гражданской идентичности. Определены типичные технологии воздействия, используемые СМИ рассматриваемых государств в контексте осуществления данного процесса. Сформулированы общие и особенные черты процесса формирования государственно-гражданской идентичности в России, Азербайджане и Грузии. Установлено, что в первых двух странах реализована гибридная модель осуществления данного процесса, предполагающая безусловную гегемонию властной элиты в определении содержания медийного контента, а в Грузии конкурентная модель в результате конфликтов власти и оппозиции, препятствующая в условиях низкого уровня политического сознания населения выработке единого идейного концепта государственно-гражданской идентичности.

Анализ содержания современного ОПД рассматриваемых государств в контексте влияния на процесс формирования государственно-гражданской идентичности позволяет сделать вывод о сходстве политических технологий, используемых для достижения данной цели. Ведущей из них является «моделирование истории» в контексте создания взаимосвязанных мифов о единой национальной общности, выступающей в качестве ключевого критерия

легимитизации власти политической элиты и главного субъекта политического процесса, делегирующего свои полномочия властной элите.

В официальных дискурсах элит рассматриваемых государств реализуется типовая технология формирования государственной идентичности на основе конструирования этнической. Данная технология получает практическую реализацию преимущественно в рамках официальных речей и концептуальных посланий первых лиц государств, в первую очередь, президентов. Различия определены содержанием данных идейных концептов. Для России и Азербайджана характерна его эволюция от классических либеральных ценностей западной цивилизации к умеренным национал-патриотическим идеологиям, основанным на представлении об уникальности «социокультурного кода».

В частности, ключевой идеей консолидации гражданской общности россиян в контексте формирования их государственно-гражданской идентичности в рамках официального политического дискурса является концепт уникальности российского государства, который является очередной интерпретацией вариантов официальной идеологии Российской империи «самодержавной триады», созданной в 1830 – е гг. министром просвещения С. С. Уваровым.

Центральным элементом официального политического дискурса современного Азербайджана, служащего основанием формирования государственно-гражданской идентичности является «азербайджанство», которое понимается как идеологический концепт, ориентированный на перспективу создания сильного независимого национального государства, в рамках которого должно быть обеспечено стабильное общественно-политическое развитие, прогрессивный экономический рост, ориентированный на формирование статуса Азербайджанской республики в качестве сильной региональной державы. При этом «азербайджанство» предполагает реализацию традиционной политической технологии обеспечения прочного национального единства на основе президентской республики с сильным элементом авторитарного правления. Важно

отметить, что «азербайджанство» предполагает и реализацию внешнеполитической технологии влияния, связанной с оформлением политической субъектности «паназербайджанства». В этой связи «азербайджанство» ориентировано на формирование «космополитичной» государственно-гражданской идентичности.

В рамках официального политического дискурса современной Грузии имеет место конкуренция национал-патриотического и евроатлантического идейного концепта при последовательном усилении влияния второго. При их характеристике важно учитывать общую эволюцию политической ориентации грузинской республики – от грузинского национализма, господствующего в ОПД Грузии на протяжении 1990-х гг. до современного евроатлантизма, нередко приобретающего крайние формы. Логичным следствием указанной эволюции является трансляция в рамках ОПД исторических «мифов», «максимально удаленных» от исторической действительности. Ключевым из них является безосновательная констатация типологического сходства Грузинской демократической республики и современных государств западной Европы.

Кроме того, в рамках ОПД России рассматриваемых стран реализуются и иные технологии конструирования государственно-гражданской идентичности, имеющие вспомогательное значение, например, активизация научного осмысления проблематики национальной идеи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ
Законодательство Российской Федерации, Азербайджана и Грузии

1. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 10.09.2020).
2. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212190001.pdf> (дата обращения: 04.04.2021).
3. Закон Грузии «О порядке планирования и координации политики национальной безопасности». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/2764463?publication=9> (дата обращения: 10.09.2020).
4. Указ Президента Азербайджанской Республики «Об утверждении Концепции развития «Азербайджан 2020: взгляд в будущее». [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azertag.az/ru/xeber/Ukaz_Prezidenta_Azerbaidzhanskoi_Respubliki_Ob_utverzhdenii_Koncepcii_razvitiya_Azerbaidzhan_2020_vzglyad_v_budushchee-100266 (дата обращения: 10.09.2020).

Монографии

5. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация / Х. Абельс.— СПб.: Алетейя. 2000. – 272 с.
6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: Канон-Пресс. 2001. – 288 с.
7. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука. 1988. – 341 с.
8. Бабаев Ф. Гражданская интеграция и СМИ в Азербайджане / Ф. Бабаев. – Баку: ИД Апостроф. 2011. – 242 с.
9. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М.: УРСС. 2001. – 360 с.
10. Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России: курс лекций: [в 3 ч.] / Н. А. Баранов. – СПб. : Балт. гос. техн. ун-т. – 122 с.
11. Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер. – М.:Медиум [и др.]. 1995. – 323 с.
12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии сознания. - М.: 1995. - 323 с.
13. Богданов В. В. Текст и текстовое общение / В. В. Богданов. – СПб.: 1993. – 67 с.
14. Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино. 1995. – 168 с.
15. Брубейкер Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики. 2012. – 406 с.
16. Ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: URSS. 2013. – 344 с.

17. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : URSS. 2005. – XXII. – 259 с.
18. Вятр Е. Социология политических отношений. М., "Прогресс". 1979. – 456 с.
19. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку / К. С. Гаджиев.– М: «Логос». 1997. – 541 с.
20. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Наука. 2000. – 495 с.
21. Геллнер Э. Условия свободы / Э. Геллнер. – М.: Московская школа политических исследований. 2004. – 239 с.
22. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. – М.: 1977. – 703 с.
23. Государство в политической науке и социальной реальности XXI века. Колл. монография / Под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пантина / ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Весь Мир». 2020 – 384 с.
24. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М.: Канон-пресс-Ц : Кучково поле. 2000. – 302 с.
25. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития / М. Н. Грачев. – М.: Прометей. 2004. – 327 с.
26. Гринберг Т.Э. Политические технологии / Т. Э. Гринберг. – М.: Аспект Пресс. 2007. – 172 с.
27. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности / Л. Гринфельд.– М.:ПЭР СЭ. 2008.– 527 с.
28. Гуссерль Э. Картезианские размышления / Э.Гуссерль.– М.: Идея-Пресс. 2001.– 229 с.
29. Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез / пер. с фр. Н. Б. Маньковской и Э. П. Юровской. – СПб.: Петрополис. 1998. – 384 с.

30. Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – М. : Акад. Проект. 2000. – 319 с.
31. Дробижева Л.М. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М.: Издательство Института социологии РАН. 2006. – 327 с.
32. Дробижева О. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / О. М. Дробижева. – М.: Центр общечеловеческих ценностей. 2003. – 373 с.
33. Дробижева О. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет / О. М. Дробижева. – М.: Новый хронограф. 2013.– 332 с.
34. Дискурс и коммуникация: монография; [под ред. Е.В. Грудевой]. Новосибирск: Изд. «СибАК». 2015. — 234 с.
35. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М.: Наука. 1991. – 575 с.
36. Егоров В. В. На пути к информационному обществу / В. В. Егоров. – М.: ИПК работников телевидения и радиовещания. 2006. – 189 с.
37. Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. Монография. – М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2017. – 360 с.
38. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание/ ред-сост. Семененко И. С. М.: изд-во «Весь мир». 2017.– 992 с.
39. Исследования по консерватизму / [Сост. и науч. ред. П. Ю. Рахшмир]. – Пермь: Перм. ун-т. 1994.– 201 с.
40. Жирнов Н. Ф. Консерватизм и неоконсерватизм: политические и управленческие идеи Эдмунда Бёрка в теории и практике / под ред. Ю. В. Ирхина. – Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина. 2007. – 238 с.

41. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант – СПб.: Наука. 1999. – 471 с.
42. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис. 2004. – 389 с.
43. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука. 1987. – 261 с.
44. Киселёв А. Г. Теория и практика массовой информации: общество – СМИ – власть / А. Г. Киселев. – М.: ЮНИТИ. 2010. – 431 с.
45. Картунов С. В. Национальная идентичность: Постижение смысла / С. В. Картунов. – М.: Аспект Пресс. 2009.– 589 с.
46. Конт О. Общий обзор позитивизма / О. Конт. Под ред. Э. Л. Радлова. – Изд. 2-е . – М. : ЛИБРОКОМ. 2011. VII. – 200 с.
47. Кули Ч.Х Человеческая природа и порядок / Ч. Х. Кули. – М: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги. 2000. – 320 с.
48. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ / Э. Лассан. – Вильнюс. 1995. – 232 с.
49. Левченко А.Е. Формы и методы воздействия СМИ на общественное сознание / А. Е. Левченко. – М.: ИНФА_М.: 2000.– 165 с.
50. Мертес М. Немецкие вопросы – европейские ответы / М. Мертес. – М.: Московская школа политических исследований. 2001. – 336 с.
51. Миронова Н. Н. Дискурс — анализ оценочной семантики / Н. Н. Миронова. – М.: НВИ 90. Тезаурус. 1997. – 157 с.
52. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2009. – 256 с.
53. Назаров М. М. Политическая культура общества 1991-1995 гг.: опыт социологического исследования / М. М. Назаров.– М: Эдиториал УРСС. 1998. – 175 с.

54. Орлов. Б.С. Политическая культура и становление демократии в России / Б. С. Орлов. - М.: ИНИОН РАН. 1994.— 50 с.
55. Панарин А.С. Философия политики. / А. С. Панарин. - М.:1996. – 424 с.
56. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект-Пресс. 1998. – 270 с.
57. Плассеро И. Идентичность народов Европы/ пер. с фр. А. Пондопулло—СПб. : Нестор-История. 2019. – 200 с.
58. Политические технологии в политике и политическом управлении / под ред. М. Г.Анохина, В. С. Комаровского, Ю. И. Матвеевко. – М.: РАГС. 2004.— 342 с.
59. Политическая энциклопедия. В 2 т. Т.1 / Нац. обществ.-науч. фонд. Рук. проекта Г.Ю. Семигин. М.: 1999. – 750 с.
60. Политическая идентичность и политика идентичности. В двух томах. Т.2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. Отв. ред. И.С. Семененко. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2012. – 471 с.
61. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. / Е. П. Прохоров. – М.: МГУ. 2005. – 293 с.
62. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война» / О. И. Асташова, Э. В. Булатова, Л. В. Енина и др., под ред. Э. В. Чепкиной. – М.; Екатеринбург : Кабинетный ученый. 2017. –197 с.
63. Рикер П. Путь признания: три очерка / П. Рикер. – М. : РОССПЭН. 2010. – 267 с.
64. Самуэль Г. Л. Либерализм : опыт изложения принципов и программы современного либерализма : с введением Герберта Г. Асквита / Г. Самуэль ; пер. с англ. под ред. М. Мамуровского. – 2-е изд., испр. – М.: URSS. 2009. – 488 с.
65. Сиберт Ф.С. Четыре теории прессы : представления о том, какой должна быть пресса и чем ей следует заниматься в авторитар. и либертариан. теориях

и в концепциях соц. ответственности и совет. коммунизма : [Пер. с англ.] / Фред. С. Сиберт, Уилбур Шрамм, Теодор Питерсон. – М. : Нац. ин-т прессы : Вагриус. 1998. – 223 с.

66. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты 117. прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia. 2000. – 128 с.

67. Смит Э. Национализм и модернизм / Э. Смит. — М. : Праксис. 2004. – 458 с.

68. Соловьев А. И. Политология. Политическая теория, политические технологии / А. И. Соловьев. – М.: Аспект-пресс. 2006. – 559 с.

69. Спенсер Г. Социология, как предмет изучения / Г. Спенсер. – СПб.: тип. А. Якобсона насл., 1896. XII - 405 с.

70. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Переводы с французского языка по ред. А.А.Холодовича. - М.: Прогресс. 1977. – 695с.

71. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – М.: URSS. 2007. – 312 с.

72. Состояние и перспективы развития российской гражданской идентичности. Обзор научных исследований и публикаций 2010 – 2015 гг.

73. Отчет по результатам научно-исследовательской работы. – Исследовательская группа Циркон. 2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.zircon.ru/upload/iblock/c9b/Civil_Identity.pdf (дата обращения: 20.01.2020).

74. Тимофеева Л.Н. «Открытая власть» информационная деятельность государства в условиях становления демократии // Массовые информационные процессы в современной России. Очерки /Отв. ред. А. В. Шевченко – М.: Изд-во РАГС. 2002 - 302 с.

75. Тимофеева Л. Н. Власть и оппозиция: взаимодействие, взаимоограничение, взаимоконтроль, коммуникация / Л. Н. Тимофеева. – М.: Изд-во РАГС. 2004 (ОП ИЦ РАГС). – 238 с.
76. Тишков В. А. Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа / В. А. Тишков. — СПб. : СПбГУП. 2010.– 25 с.
77. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции / В. В. Титов. – М.: Типография «Ваш формат». 2017.– 181 с.
78. Тоффлер О. Футурошок / О. Тоффлер. – М.: Прогресс. 1973. – 379 с.
79. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М. : Ад Маргинем Пресс, сор. 2016. – 383 с.
80. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия/Фрэнсис Фукуяма: Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер. 2019. – 256 с.
81. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.
82. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: избр. ст. позд. периода творчества / М. Хайдеггер. – М.: Высш. шк.. 1991. – 190 с.
83. Чумиков А. Н., Бочаров М. П. Связи с общественностью: теория и практика . / А. Н. Чумиков, М. П. Бочаров. – М. : Дело. 2006. – 552 с.
84. Шапочкин Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект / Д. В. Шапочкин. – Тюмень; изд-во ТГУ. 2012. – 260 с.
85. Шеллинг Ф. В, Йозеф фон Сочинения : в 2-х томах / Ф. В. Йозеф Шеллинг. – М.: Мысль Т. 1. 1987.– 637 с.
86. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.; Волгоград: Перемена. 2000. – 367 с.
87. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая рос. энцикл.. 1998. – 682 с.

88. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М.: Прогресс. 1996. – 344 с.
89. Эриксон Э. Детство и общество / Э. Эриксон / пер. с англ. Обнинск. 1993.– 196 с.
90. Эриксон Э. Трагедия личности: [перевод с английского] / Э. Эриксон. – М.: Эксмо : Алгоритм. 2008. – 253 с.
91. Ясперс К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс / пер. М.И. Левиной. – М.: ИНИОН АН СССР. 1978. № 1. – 210 с.

Научные статьи

92. Абрамова Е. С. Социоморфная метафора как средство языковой репрезентации концепта «Россия» в современном массмедийном дискурсе / Е. С. Абрамова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота. 2015. № 3. – С. 13-15.
93. Айвазян Г. А. Политическая идентичность в транзитивных обществах / Г. А. Айвазян // Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. 2010. № 4. – С. 137-144.
94. Акимова И. А. Средства массовой информации как фактор формирования идентичности личности в современном обществе / И. А. Акимова // Сервис PLUS. 2009. № 1. – С. 10-14.
95. Акимова М. К., Иванова И. И., Персиянцева С. В. Гражданские практики как проявление гражданской идентичности у современной молодежи / М. К. Акимова, И. И. Иванова, С. В. Персиянцева // Психология и психотехника. 2014. № 11.– С. 1142-1152.
96. Алексеева Т.А. Рукописи не горят. Международный порядок: взгляд из Москвы / Т. А. Алексеева // Международные процессы. - М.: 2006. Том 4. № 1(10).– С.134-139.

97. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Полис. Политические исследования. 1994. № 4. – С. 122-134.
98. Анохин М.Г. Политические технологии / М. Г. Анохин // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2000. №2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mybiblioteka.su/tom2/10-67463.html> (дата обращения: 22.07.2020).
99. Апхаидзе Ш. В. Грузинские СМИ и их отношение к России: 2003-2020 год / Ш. В. Апхаидзе. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://news-front.info/2020/04/02/gruzinskie-smi-i-ih-otnoshenie-k-rossii-2003-2020-god/?utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения: 06. 07. 2020).
100. Аствацатурова М.А. Гуманизм российской гражданской идентичности в системе общественно-политического процесса // В сборнике: Научные исследования в сфере гуманитарных наук: открытия XXI века. Материалы XI Международной научно-практической конференции. 2021.- С. 339-343.
101. Ахиезер А. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) / А. Ахиезер // Pro et contra. Т. 7. 2002. № 3. – С. 51-76.
102. Ачкасов В.А. Этнополитическая мобилизация: попытка концептуализации понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2014. №3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopoliticheskaya-mobilizatsiya-popytka-kontseptualizatsii-ponyatiya> (дата обращения: 13.08.2020).
103. Балынская Н. Р. Парадигма развития СМИ в современном политическом процессе / Н. Р. Балынская // Век информации. 2012. № 1. – С. 5-8.
104. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 1. – С. 11-21.

105. Баринова Е. А., Когель А. С. Основные функции СМИ в политическом процессе / Е. А. Баринова, А. С. Когель // Наука сегодня: вызовы и решения. – Вологда 31 января 2018 г. - С. 170-171.
106. Баталов Э. Я. Политическая культура как социальный феномен / Э. А. Баталов // Веста. Моск. ун-та. – Сер. 5.– Социал.-полит. исслед. 1991. № 5.– С. 12-32.
107. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Литературно- критические статьи. – М.: 1986. - С. 121-262.
108. Бекназар-Юзбашев Т. Б. Этничность, коллективная идентичность и положение этноменьшинств в смешанных сообществах / Т. Б. Бекназар- Юзбашев // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / под ред. О. Ю.Малиновой и А. Ю. Сунгурова. – СПб.:Норма. 2005. - С. 203-214.
109. Белозерова Н. Н. Парадоксы дискурса. [Электронный ресурс] / Н. Н. Белозерова. Режим доступа: https://www.studmed.ru/belozeroval-n-n-paradoksy-diskursa_6elc6620adf.html (дата обращения: 02.06.2020).
110. Булатова А. П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе / А. П. Булатова // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 4.– С. 34-49.
111. Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Геополитическое измерение неоевразийской интеграции / Н. А. Васильева, М. Л. Лагутина //Клио. 2015. № 3. – С. 18-26.
112. Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Философские вопросы мировой политики / Н. А. Васильева, М. Л. Лагутина // Вопросы философии. 2012. № 10. – С.26-32.
113. Водак Р. Специальный язык и жаргон: о типе текста «партийная программа» / Р. Водак // Язык. Дискурс. Политика. Волгоград. 1998. - С. 14 -27.
114. Водолажская Т. Идентичность гражданская / Т. Водолажская //Образовательная политика. 2010. № 5-6.– С. 140-142.

115. Волков Ю. Г. Идеология и идентичность: дискурс противопоставления / Ю. Г. Волков // Общество и право. 2006. № 4. - С. 7-14;

116. Воронина Д. Г. Масс-медиа как фактор формирования российской идентичности / Д. Г. Воронина. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mass-media-kak-faktor-formirovaniyarossiyskoy-Identichnosti> (дата обращения: 13.07.2020).

117. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического дискурса / М. В. Гаврилова. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.academia.edu/10309239/> (дата обращения: 04.06.2020).

118. Герасименко Н.А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе / Н.А. Герасименко // Политический дискурс в России. – М.: 1998.- С. 20-23.

119. Горшков М. К. Модернизационный потенциал идентичности (вместо предисловия) / М. К. Горшков // Россия реформирующаяся. 2013. № 12. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsionnyy-potentsial-identichnosti-vmesto-predisloviya> (дата обращения: 22.01.2020).

120. Гоффман Э. Представление себя другим / Э. Гоффман // Современная зарубежная социальная психология: тексты. – М.: Издательство Московского университета. 1984.– С. 188-196.

121. Дахин В.Н. Политическая культура и власть / В. Н.Дахин // Свободная мысль. 1996. № 1. – С. 16-26.

122. Датукишвили Е. З. Деятельность СМИ по формированию государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана, Грузии и России) / Е. З. Датукишвили // Этносоциум. 2020. № 6. – С. 59-68.

123. Датукишвили Е. З. Политическая идентичность как фактор развития России / Е. З. Датукишвили // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы. Материалы всероссийской научной конференции

РАПН с международным участием. Московский педагогический государственный университет. – М.: 2019. - С. 126-127.

124. Датукишвили Е. З. Национальная и гражданская идентичность в России: проблемы сопряжения // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Том. 9. № 10. – С. 1682-1690.

125. Датукишвили Е. З. Государственно-гражданская идентичность как предметное поле современной политической науки / Е. З. Датукишвили // Вопросы политологии. 2020. № 9. – С. 2717- 2724.

126. Датукишвили Е. З. Технологии участия грузинской и азербайджанской диаспор в политической системе России / Датукишвили Е.З.// Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 2 (140). - С. 94-103.

127. Датукишвили Е. З. Влияние миграционных потоков на идентичность россиян. /Датукишвили Е.З.// Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 11 (51). - С. 2421-2430.

128. Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / В. З. Демьянков // Методы анализа текста. Тетради новых терминов. – М.: ВЦП. 1979. № 2. – 227 с.

129. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В. З. Демьянков // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В.Н. Топоров. – М.: Языки славянских культур. 2005. - С. 32-49.

130. Демидченко В. В. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды / В. В. Демидченко // Власть. 2015. № 12. – С. 140-142.

131. Елхова О. И. Сохранение российской национальной идентичности в информационном мире / О. И. Елхова. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-rossiyskoy-natsionalnoyidentichnosti-v-informatsionnom-mire-1> (дата обращения: 13.07.2020).

132. Зорин В.Ю. Мусульмане России: реалии формирования гражданской идентичности // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2016. Т. 12. № 2. - С. 117-126

133. Ильин М. В. Политический дискурс как предмета анализа / М. В. Ильин // Политическая наука. 2002. № 3. – С. 5-21.

134. Ирхин Ю.В. Национальная идея России и идеологема «План Путина» / Ю. В. Ирхин // Россия и современный мир: Проблемы. Мнения. Дискуссии. События. 2008. №. 2 (59). – С. 45 – 56;

135. Загладин Н.В. Конфликт вокруг Грузии – симптом кризиса системы миропорядка / Н. В. Загладин // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 5. – С. 3-10.

136. Засурский И. И. Масс-медиа второй республики / И. И. Засурский. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text3/34.htm> (дата обращения: 24.06.2020).

137. Засурский И. И. Взаимоотношения СМИ и общества в России 1990-х годов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 1. – С. 79–81.

138. Климова Г.С. Коллективная память как средство построения европейской идентичности / Г. С. Климова // PolitBook. 2019. – С. 53-79.

139. Климова Г.С. Границы европейской идентичности: взгляд из России // «Свой» / Г. С. Климова / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России / отв. ред. Т. Л. Лабутина.– СПб.: Алетейя. 2019.– С. 81-98.

140. Комаровский В. С. Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски / В. Комаровский // Власть. 2015. № 3. – С. 20-27.

141. Комаровский В. С. Политическая идентификация России в свете идеологием «суверенной демократии» // Модель «суверенной демократии» в России: что за кадром? Материалы научного семинара / Под ред. В.И. Якунина. М.: Научный эксперт. 2008. № 9 (14). – С. 6-35.

142. Левченко А. Е. Формы и методы воздействия СМИ на общественное сознание / А. Е. Левченко. – М.: ИНФА – М: 2000. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.studmed.ru/view/levchenko-ae-formy-i-metody-vozdeystviya-smi-na-obschestvennoe-soznanie_9f22c583d75.html (дата обращения: 22.07.2020).

143. Ледяев В.Г. Политическая власть: концептуальный анализ / В. Г. Ледяев. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.hse.ru/data/2010/04/26/1216731380/Политическая_власть_2009.DOC (дата обращения 17.05.2020).

144. Лобанова Т.Н., Кибалина В.О. Особенности и функционирование концептов и прецедентных феноменов в китайской политической метафоре / Т. Н. Лобанова, В. О. Кибалина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (9). – С. 105-108.

145. Малахов В. С .Идентичность / В. С. Малахов // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль. 2001. Т. 3. – С. 78 – 79.

146. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью / В. С. Малахов // Вопросы философии. 1998. № 2.– С. 43 -53.

147. Малиева Т. И. СМИ и формирование российской идентичности / Т. И. Малиева // Вестник северо-осетинского государственного университета им. Е. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2014. № 4. - С. 126-129.

148. Малинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности // Полит. наука. 2005. №3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-politiki-i-diskurs-ob-identichnosti> (дата обращения: 12.09.2021).

149. Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. - С. 139-158.

150. Малинова О.Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 3. - С. 45-69.
151. Мамедов С.Р. Проблемы развития СМИ Азербайджана на современном этапе // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-15. – С. 3404-3407. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37795> (дата обращения: 06.07.2020).
152. Мехтиев Р. Эфирное пространство Азербайджана: проблемы и задачи / Р. Мехтиев // Газета «Азербайджан». – 2 октября 2009.
153. Мещерякова О. М. Центробежные и центростремительные тенденции в Европейском Союзе и проблемы суверенитета государств – членов / О. М. Мещерякова // Вестник РУДН, серия Политология. 2009. №1. – С.56-63.
154. Миронова Н. Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа / Н. Н. Миронова // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1997а. Т. 56. № 4. – С. 52-59.
155. Морозова Е. В. Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа / Е. В. Морозова // Человек. Общество. – Управление. 2012. № 1. – С. 60-65.
156. Мусаев И. М., Гаджиева А. А. Государственно-гражданская политическая идентичность: теория и опыт формирования / И. М. Мусаев, А. А. Гаджиева // Социально-политические науки. 2018. № 1. – С. 15-19.
157. Нестерчук О.А. Формирование российско-московской культурной идентичности как направление современной молодежной политики / О. А. Нестерчук // Idea wielokulturowości jako wyzwanie. Dyskurs religijny, kulturowy i społeczny. - Bydgoszcz: Wydawnictwo Kujawsko-Pomorskiej Szkoły Wyższej w Bydgoszczy. 2015. - С. 117-123.
158. Николаева А. А. Гражданская идентичность в структуре социальных идентичностей личности / А. А. Николаева // Точка зрения. 2011. № 4. – С. 67-70.

159. Оломский А. А. Зарубежные подходы к изучению идентичности личности в психологии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-psikhologii-i-pedagogiki-v-sovremennykh-usloviyakh-sbornik-nauchnykh-trudov-po-ito/sektsiya-19-pedagogicheskaya-psikhologiya/zarubezhnye-podkhody-k-izucheniyu-identichnosti-lichnosti-v-psikhologii/> (дата обращения: 12.08.2020).

160. Окунев И. Ю. Центростремительные и центробежные силы на политической карте мира / И. Ю. Окунев // Космополис. 2008. № 1(20). – С. 172-179.

161. Особенности политической идентичности в России и странах Европы // Полис. Политические исследования. 2009. № 1. – С. 143–157.

162. Паин Э.А. Проблемы гражданской нации в России и на Западе: общее и особенное // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2018. № 1. – С. 171-191.

163. Попова О. В. Модели идентичности политических акторов в современной России / О. В. Попова // Политическая наука. 2018. № 2. – С. 173-194.

164. Попова О. В. Особенности политической идентичности в России и странах Европы / О. В. Попова // Полис. Политические исследования. 2009. № 1. – С. 143–157.

165. Рыбакина А. В. Проблемы политического дискурса. [Электронный ресурс] / А. В. Рыбакина. – Режим доступа: https://pgu.ru/upload/iblock/5b3/uch_2009_ii_00039.pdf (дата обращения: 04.06.2020).

166. Санина А. Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках // Социс. Социологические исследования. 2014. № 12. – С. 3-11.

167. Санина А. Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход / А. Г. Санина // Социс. Социологические исследования. 2012. № 12. – С. 57-65.

168. Семененко И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политэкс. 2011. Т. 7. № 2. – С. 42-51.

169. Семененко И. С. Идентичность в системе координат мирового развития (в соавт. с В. В. Лапкиным, В. И. Пантиным) // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. – С. 40-59.

170. Семененко И. С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. – С. 8-23.

171. Семененко И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности//Полис. Политические исследования. 2008. № 5. - С. 7-18

172. Семьгин Г.Ю. Антология мировой политической мысли / Г. Ю. Семьгин. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/33.php (дата обращения 18.02. 2020).

173. Соловьев А. И. Политическая идеология: логика исторической эволюции / А. И. Соловьев // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. – С. 5-23.

174. Соловьев А. И. Медиаспособности государства как фактор развития российского общества: проблемы и практики / А. И. Соловьев // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика /Под ред. Л.Н.Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2012. С. 278-291.

175. Усикова Л. Ф. Политическая культура / Л. Ф. Усикова // Вестник МГТУ им. М. А. Шолохова. 2010. № 1. – С.90-101.

176. Сарматов И., Юн. А. Рейтинг антироссийских СМИ. Рейтинг 9. [Электронный ресурс] // Федеральное агентство новостей [сайт]. – Режим доступа : riafan.ru. (дата обращения: 17.01.21).

177. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука. 1991. - С. 32-47.

178. Тимофеева Л. Н. Россия в поисках субъектности / Л. Н. Тимофеева // Власть. 2014. № 2. – С. 135-138.
179. Тимофеева Л. Н. Власть и оппозиция в России: проблемы политического дискурса (К «совершеннолетию» российской оппозиции) / Л. Н. Тимофеева // Власть. 2007. № 4. – С. 3-9.
180. Тимофеева Л. Н. Новый имидж России как символ возрождения страны / Л. Н. Тимофеева // Дискурс ПИ. 2014. № 1. – С. 119-123.
181. Тимофеева Л. Н. Введение / Л. Н. Тимофеева // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика /Под ред. Л.Н.Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2012. - С. 5-32.
182. Тишков В. А. Старые и новые идентичности. [Электронный ресурс] / В. А. Тишков. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/obrazy_rossii/starie-i-novie-i.html (дата обращения: 25.01.2020).
183. Тхагапсоев Х. Г. Идентичность как философская категория и мера социального бытия / Х. Г. Тхагапсоев // Философские науки. 2011. № 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-kak-filosofskaya-kategoriya> (дата обращения: 20.01.2020).
184. Фолиева Т. А., Ворожейкина Л. И. Базовая персональная структура Абрама Кардинера / Т. А. Фолиева, Л. И. Ворожейкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9. Исследования молодых ученых. 2010. № 8. Ч. 1. -С. 130-132.
185. Чабан Н.А. Политические мифы в языке, дискурс, ментальные модели / Н. А. Чабан // Язык и культура = Мова и культура. Киев. 1997. Т. 1. -С. 137–138.
186. Хачатрян Л. В. Основные подходы к осмыслению феномена идентичности / Л. В. Хачатрян // Грамота. 2019. Том 12. № 7. – С. 123-126.

187. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука. 2000. - 377 с.
188. Хобсбаум Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. 2000. № 1. – С. 47-62.
189. Холкина К. Д. СМИ как фактор формирования российской идентичности молодого поколения / К. Д. Холкина // сборник научных трудов / Ульянов. гос. техн. ун-т. – Ульяновск : УлГТУ. 2015.. С. 288-290.
190. Шабров О. Ф. Политические технологии / О. Ф. Шабров // ЗПУ. 2012. №4. – С. 328-330.
191. Шейгал Е. И. Структура и границы политического дискурса / Е. И. Шейгал // Филология. –Краснодар. 1998. № 14. – С. 22-28.
192. Шмелева О.Ю., Каминченко Д.И. Социальные медиа как механизм формирования образа современного государства в политическом сознании россиян // Вестник МГОУ. 2019. №3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-media-kak-mehanizm-formirovaniya-obraza-sovremennogo-gosudarstva-v-politicheskom-soznanii-rossiyan> (дата обращения: 13.09.2021).
193. Юм Д. О тождестве личности // Юм Д. О человеческой природе. СПб.: Азбука. 2001. С. 297-407.
194. Ягизаров Ш. Н. Роль СМИ в становлении и развитии политического плюрализма в Азербайджанской республике / Ш. Н. Ягизаров // Вестник экспертного совета. 2017. № 2. – С. 156-160.

Статьи из периодической печати

195. Елкина М. Больше половины граждан поддерживают команду президента / М. Елкина // Известия. 2015.– 23 марта.

196. Козлова Н. Исключительное право / Н. Козлова // Российская газета. 2015. – 23 июля.
197. Латухина К. Чувства – взаимные / К. Латухина // Российская газета. 2015. – 25 октября.
198. Тимофейчев А. Из России — без ненависти / А. Тимофейчев // Российская газета. 2015. – 14 сентября.
199. Шадрина Т., Зыкова Т. Код успешности России / Т. Шадрина, Т. Зыкова // Российская газета. 2012. № 5787. – 22 мая.
200. Христенко А. В Конгрессе США предложили забыть о ненависти к России. Вести недели / А. В. Христенко // Россия 24. 2015. – 29 марта.

Научная литература на иностранном языке

201. Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations / G. A. Almond, S. Verba. – Princeton University Press. 1963. – 574 p.
202. Aprasidze D., Formation of a State and a Nation in Modern Georgia: an Unfinished Project? / D. Aprasidze // Identity Studies. Vol.1. 2009. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://identitystudies.ac.ge/1/>. (дата обращения: 06.07.2020).
203. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches // Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna. 1985. P. 101-124.
204. Benwell B., Stokoe E. Discourse and identity. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2006.
205. Brubaker R., Cooper F. Beyond identity / R. Brubaker, F. Cooper // Theory a. society. – Dordrecht. 2000. Vol. 29. № 1. – P. 1–47.
206. Castells M. The Power of Identity / Castells M. – Maiden, MA: Blackwell. 2004. – XXII. – 537 p.

207. Cooper F. Citizenship, Inequality, and Difference: Historical Perspectives / F. Cooper. – Wiley. 2018. – 224 P.
208. Chadwick R. W. Social Justice and the Politics of Democracy, in James C. Hsiung and Chung-ying Cheng, Distribution of Power and Rewards / R. W. Chadwick 1991: University Press of America, Lanham, Md., P. 63-80.
209. Giddens A. Modernity and Self-Identity, Self and Society in the Late Modern Age / Giddens A. – Stanford, CA: Stanford University Press. 1991.– 256 p.
210. Erikson E.H. Identity: Youth and crisis. N.Y.: Norton. 1968
211. Erikson E.H. Life history and historical moment / E. H. Erikson.– New York: Norton. 1975. – 338 p.
212. Edwards L. Mediapolitik: How the Mass Media Have Transformed World Politics / L. Edwards. Catholic University of America Press. 2001. – 364 p.
213. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. Boston: Addison Wesley Publishing Company. 1995. 266 p.
214. Gellner E. Nationalism. London / E. Gellner: Weidenfeld and Nicolson. 1997. –387 p.
215. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. B.I. Suhrkamp. Fr.; M., 1987
216. Kardiner A. My Analysis with Freud. Reminiscences by A. Kardiner, M.D. - N. Y. : W. W. Norton & Co., Inc.. 1977.-123p.
217. Mead G. H. Mind, self and Society. / G. H. Mead. – Chicago. 1934. – 401 p.
218. Mead G. H. The philosophy of the act / G. H Mead. – Chicago. 1950. –632 p.
219. Mead G. H. The social psychology / G. H. Mead. – Chicago. 1956.– 228 p.
220. Mead G. H. Mind, Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago. 1934 / G. H. Mead. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://livros01.livrosgratis.com.br/bu000001.pdf> (дата обращения: 10.09.2020).

221. Nye, J. *Soft Power: The Means To Success In World Politics* / J. Nye. – New York : Public Affairs Group. 2004. –208 p.

222. Nodia G. *Components of the Georgian National Idea: an Outline* / G. Nodia // *Identity Studies*, ed.G. Zedania, Tbilisi, Ilia Chavchavadze State University. P. 84-101.

223. Schopflin G. *Identities, Politics and PostCommunism in Central Europe* / G. Schopflin // *Nations and Nationalism*. 2003. № 9 (4). – P. 23-45.

224. Stephenson G. V. *Intergroup bargaining and negotiation* / G. V. Stephensen // *Untergroup behavior* / J. C Turner, H. Giles (eds). – Oxford. 1984. – p. 168-198.

225. Taylor Ch. *Democratic Exclusion (and its Remedies?)*. In A.C. Cairns. *Citizenship, Democracy and Pluralism* / Ch. Taylor.– Toronto: McGill University Press, 1999.– 274 P.

226. Tajfel H. *Social categorization, social identity and social comparison* // *Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations* / Ed. by H. Tajfel. N.Y.: Academic Press. 1978. P. 61–76.

227. Tajfel H., Turner J.C. *An integrative theory of intergroup conflict* // *The social psychology of intergroup relations* / Ed. by W.G. Austin, S. Worchel. Monterey (CA): Brooks/Cole. 1979. P. 33–47.

228. Touraine A. *Production de la societe* / A. Touraine – Paris: Zd. du Seuil. 1973. – 542 p.

229. Tucker R. S. *Political Culture and Leadership in Soviet Russia. From Lenin to Gorbachev*. Sussex. 1987 / R. S. Tucker. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.scribd.com/document/228178663/Political-Culture-and-Leadership-in-Soviet-Russia-From-Lenin-to-Gorbachev> (дата обращения: 10.09.2020).

230. Lipset S., Rokkan S. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives* / S. Lipset, S. Rokkan.– New York, Free Press. 1967.– 554 p.

231. Zedania G., *National Form and the Question of Identity* / G. // *Identity Studies*, ed. G. Zedania, Tbilisi, Ilia Chavchavadze State University. Chkhartishvili M., On

Georgian Identity and Culture. Nine International Presentations, Tbilisi. 2009. №1.
[Электронный ресурс] – Режим доступа:
<https://ru.scribd.com/document/24278543/Giga-Zedania-National-Form-and-the-Question-of-Identity> (дата обращения: 10.09.2020).

232. Van Dijk T.A. What is political discourse analysis? / T. A. Van Dijk // Political linguistics; ed. Jan Blommaert, Chris Bulcaen. – Amsterdam. 1998. – P. 12-43.

233. Volkov V. Obshchestvennost': Russia's Lost Concept of Civil Society // Civil Society in the Baltic Sea Region / Ed. by N. Gotz, J. Hackmann. Aldershot: Ashgate. 2003. – P.63-74.

234. White S. Political culture and Soviet politics / S. White. – London; Basingstoke : Macmillan press. 1979. – XI, 234 p.

Авторефераты и диссертации

235. Азимов Т. Г. Идентичность как глобальная проблема современности: политологический анализ: автореф. дисс. канд. полит. наук / Т. Г. Азимов. – М.: 2000. – 31с.

236. Арзамасова А. Г. Политическая культура России в контексте формирования политических символов / А. Г. Арзамасова: автореф. дисс. канд. полит. наук. – Казань. 2004. – 28 с.

237. Гришин О. Е. Технологии политической деятельности: сущность и потенциал применения: автореф дисс.канд. полит. наук / О. Е. Гришин. – М.: 2001. – 24 с.

238. Гусев А. С. Формирование политической идентичности в современной России: автореферат дисс. канд. полит. наук / А. С. Гусев. – СПб.: 2014. – 24 с.

239. Иванов П. В. Политико-правовые основы формирования российской идентичности: исторический аспект: дисс. канд. полит. наук / П. В. Иванов. – М.: 2013. – 200 с.

240. Зевако Ю. В. Технологии формирования политической идентичности в современной России: механизмы, ресурсы, эффективность : дисс. канд. политич. наук / Ю. В. Зевако. – Саратов. 2012. – 209 с.

241. Иванов П. В. Политико-правовые основы формирования российской идентичности: исторический аспект / П. В. Иванов: дисс. канд. полит. наук. – М.: 2013. – 200 с.

242. Иванова Н. Л. Психологическая структура социальной идентичности. дисс. д-ра психол. наук / Н. Л. Иванова. – Ярославль. 2003. – 408 с.

243. Иванцов А. А. Политические технологии общественно-политических движений в постсоветской России: дисс. канд. социолог. наук / А. А. Иванцов. – М.: 2003. – 157 с.

244. Каминченко Д. И. «Новые» средства массовой информации и социальные медиа как субъект политического процесса: автореф. дисс. канд. полит. наук / Д. И. Каминченко. – Н. Новгород. 2015. – 18 с.

245. Карамова А. А. Современный политический дискурс: автореф. дис... д-ра филолог. наук / А. А. Карамова. – Уфа. 2013. – 38 с.

246. Когатько Д. Г. Российская идентичность как культурно-цивилизационный феномен: автореф. дисс. ... канд. социолог. наук / Д. Г. Когатько. – СПб.: 2007. – 23 с.

247. Конода И. В. Становление гражданской идентичности россиян в процессе политической социализации : дисс. канд. полит. наук / И. В. Конода. – М.: 2007. – 206 с.

248. Корф О. В. Медiateкст как инструмент формирования дискурса в политическом конфликте: на примере конфликта 1994-1996 гг. в Чеченской республике: дисс. канд. полит. наук. / О. В. Корф. – М.: 2009. – 148 с.

249. Легойда В.Р. Символы и ритуалы в политических процессах в США: традиции и современность (Феномен «гражданской религии»): дисс. на соиск. ученой степени канд. политол / В. Р. Легойда – М.: 2000. – 242 с.

250. Лукина А. В. Социокультурные технологии формирования национальной идентичности: историко-методологический аспект: дисс. канд. культуролог. наук / А. В. Лукина. – Екатеринбург. 2004. – 156 с.

251. Малов К. В. Политическая идентичность как основание социально-политического структурирования общества: дисс. канд. социолог. наук / К. В. Малов. – Новосибирск. 2012. – 162 с.

252. Марченко Т. В. Манипулятивный потенциал интертекстуальных включений в современном политическом дискурсе : дисс. канд. филолог. наук / Т. В. Марченко. – Ставрополь. 2007. – 255 с.

253. Матвеев Ю. И. Политическая модернизация как фактор консолидации современного российского общества : автореф. дисс. ... д-ра полит. наук / Ю. И. Матвеев. – М.: 2002. – 53 с.

254. Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. канд. филолог. наук / О. Л. Михалева. – Кемерово. 2004. – 21 с.

255. Мухлынкина Ю. В. Этническая идентичность: сущность, содержание и основные тенденции развития: дисс. канд. философ. наук / Ю. В. Мухлынкина. – М.: 2011. – 190 с.

256. Негров Е. О. Трансформация официального политического дискурса в современной России: автореф. дисс. канд. полит. наук / Е. О. Негров. – СПб.: 2008. – 28 с.

257. Саетгараев Д. И. Соотношение политической и этнической идентичностей: дисс. канд. полит. наук / Д. И. Саетгараев. – Казань. 2011. – 151 с.

258. Савченко И. А. Технологии политического действия в трансформирующемся обществе: дисс. канд. полит. наук / И. А. Савченко. – Ростов-на-Дону. 2005. – 147 с.

259. Семенова Л. А. Формирование российской национальной идентичности студентов в условиях поликультурного образовательного пространства вуза : дисс. канд. пед. наук / Л. А. Семенова. – Тюмень. 2015. – 292 с.

260. Старостин А. А. Политическая идентичность граждан постсоветской России : модели и технологии формирования : дисс. канд. полит. наук / А. А. Старостин. – Ростов-на-Дону. 2010. – 138 с.

261. Строганов В. Б. Технологии политической манипуляции в интернете: дисс. канд. полит. наук / В. Б. Строганов. – Екатеринбург. 2020. – 209 с.

262. Полякова Н. Б. Конструирование дискурса власти: герменевтический аспект : дисс. канд. философ. наук / Н. Б. Полякова. – Ижевск. 2003. – 143 с.

263. Преображенский И. С. Политические дискурсы постсоветских государств (на примере Киргизии, Украины и России): автореф. канд. полит. наук / И. С. Преображенский. – М.: 2009. – 25 с.

264. Руткаускайте М. В. Формирование политической идентичности современной российской молодежи в процессе политической социализации: факторы и агенты: автореферат дисс. канд. полит. наук / М. В. Руткаускайте. – Пермь. 2012. – 25 с.

265. Тимофеев И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции: автореф дисс. канд. полит. наук / И. Н. Тимофеев. – М.: 2006. – 28 с.

266. Тимофеева Л. Н. Власть и оппозиция: конфликтно-дискурсивный анализ (теория, история, методология) / Л. Н. Тимофеева. – автореф. дисс. д-ра полит. наук. – М.: 2005. – 57 с.

267. Томайчук Л. В. Формирование национальной идентичности на постсоветском пространстве : на примере Украины и Республики Беларусь : дисс. канд. полит. наук / Л. В. Томайчук. – СПб.: 2013. – 170 с.

268. Филатов Г. А. Русская национальная идентичность в современном российском политическом процессе : дисс. канд. полит. наук / Г. А. Филатов. – Ростов-на-Дону. 2005. – 145 с.

Аналитические материалы

269. Демократия в России: установки населения Сводный аналитический отчет. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.levada.ru/old/sites/default/files/report_fin.pdf (дата обращения: 08.09.2020).

270. Долгосрочные тенденции динамики общественного мнения в Грузии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/33271> (дата обращения: 08.09.2020).

271. Общественное мнение – 2015 / сост. Н. Зоркая. – М.: Левада Центр. 2016. – 323 с.

272. Российский медиаландшафт – 2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/05/20/rossijskij-medialandshaft-2020-2/> (дата обращения: 08.09.2020).

273. Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/03/Pamyat-o-Sovetskom-Soyuze.pdf> (дата обращения: 08.09.2020).

274. Центр социальных исследований изучил общественное мнение о деятельности Президента Азербайджана. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3151640.html> (дата обращения: 08.09.2020).

Интернет материалы

275. 9 мая в Грузии. Победен ли современный фашизм? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.apsny.ge/articles/1557446554.php> (дата обращения: 07.07.2020).

276. 100 лет назад в Цхинвали проживали лишь 27 семей этнических осетин. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://inosmi.ru/social/20190813/245626779.html> (дата обращения: 07.07.2020).

277. Азербайджанцам мира. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.president.az/articles/35418> (дата обращения: 09.06.2020).

278. Азербайджанская демократическая республика -100 / Азертадж. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://azertag.az/ru/bolme/cumhuriyyet> (дата обращения: 10.07.2020).

279. Азербайджан – страна полная оптимизма. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azertag.az/ru/xeber/Azerbaidzhan___strana_polnaya_optimizma-1135551 (дата обращения: 10.07.2020).

280. Выступление В. В. Путина на пленарном заседании партии «Единая Россия» 23 ноября 2019 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/62105> (дата обращения: 09.06.2020).

281. Выступление В. В. Путина, посвященное 75- летию Победы у могилы неизвестного Солдата в Алексанровском саду. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/63329> (дата обращения: 09.06.2020).

282. Выступление президента Грузии на Парламентской ассамблее Совета Европы в Страсбурге 28.01.2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.president.gov.ge/geo/pressamsakhuri/siakhleebi/saqartvelos-prezidentis-sityva-strasburgshi-evropi.aspx> (дата обращения 09.06.2020).

283. Годовой отчет президента Грузии Саломе Зурабишвили в парламенте Грузии 04.03.2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.president.gov.ge/geo/pressamsakhuri/siakhleebi/saqartvelos-prezidentis,-salome-zurabishvilis-yove.aspx> (дата обращения 09.06.2020).

284. Какую цель преследует Путин, обвиняя Грузию в оккупации и геноциде. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20190712/245459476.html> (дата обращения: 07.07.2020).

285. Конкурс арт-концепций на тему «Национальная идея России». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cfart.net/idea2.php> (дата обращения: 05.00. 2020).

286. О геноциде азербайджанцев // Азербайджан. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://azerbaijan.az/ru/related-information/5> (дата обращения: 10.07.2020).

287. Обращение Президента Грузии 09.05.2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://www.president.gov.ge/geo/pressamsakhuri/siakhleebi/saqartvelos-prezidentis-mimartva-\(1\).aspx](https://www.president.gov.ge/geo/pressamsakhuri/siakhleebi/saqartvelos-prezidentis-mimartva-(1).aspx) дата обращения 09.06.2020).

288. Обращение Президента Грузии к Дню независимости Грузии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.president.gov.ge/geo/pressamsakhuri/siakhleebi/saqartvelos-damoukideblobis-dgisadmi-midzgvnili-mi.aspx> (дата обращения 09.06.2020).

289. Опрос IRI в Грузии: растущее разочарование в России, НАТО, ЕС и Азербайджане. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/38791> (дата обращения: 08.09.2020).

290. Общая информация об истории Азербайджана //Азербайджан. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://azerbaijan.az/information/301> (дата обращения: 07.07.2020).

291. Первый вице-президент Мехрибан Алиева: Сегодня азербайджанский народ во главе с Президентом Ильхамом Алиевым пишет новую историю. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azertag.az/ru/xeber/Pervyi_vice_prezident_Mehriban_Alieva_Segodnya_azerbaidzhanskii_narod_vo_glave_s_Prezidentom_Ilhamom_Alievym_pishet_novuyu_istoriyu-1621523 (дата обращения: 29.10.2020).

292. Первый вице-президент Мехрибан Алиева: Подобные варварские атаки свидетельствуют о том, что жестокость армян не знает границ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azertag.az/ru/xeber/Pervyi_vice_prezident_Mehriban_Alieva_Podobnye_varvarskie_ataki_svidetelstvuyut_o_tom_chno_zhestokost_armyan_ne_znaet_granic-1627065 (дата обращения: 29.10.2020).

293. Первый вице-президент Мехрибан Алиева поздравила наш народ с Днем национального возрождения. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azertag.az/ru/xeber/Pervyi_vice_prezident_Mehriban_Alieva_pozdravila_nash_narod_s_Dnem_nacionalnogo_vozrozhdeniya-1644297 (дата обращения: 20.11.2020).

294. Поздравление В. В. Путина выпускникам высших военно-учебных заведений России 10 мая 2020 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/63332> (дата обращения: 09.06.2020).

295. Послание Федеральному собранию 20 февраля 2019 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/59863> (дата обращения: 09.06.2020).

296. Послание Федеральному собранию 15 января 2020 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/62582> (дата обращения: 09.06.2020).

297. Послание Федеральному собранию 20 февраля 2019 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/59863> (дата обращения: 09.06.2020).

298. Поздравления В. В. Путина с праздником Пасхи 19 апреля 2020 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/63222> (дата обращения: 09.06.2020).

299. Президент Грузии поздравил грузинский народ с Днем независимости Грузии 26 мая 2015 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.president.gov.ge/geo/pressamsakhuri/siakhleebi/-aspх> (дата обращения 09.06.2020).

300. Президент Ильхам Алиев: Азербайджанская армия освободила от оккупации несколько сел Зангиланского, Джебраильского и Губадлинского районов и город Губадлы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azertag.az/ru/xeber/Prezident_Ilham_Aliev_Azerbaidzhanskaya_armiya_osvobodila_ot_okkupacii_neskolko_sel_Zangilanskogo_Dzhebrail'skogo_i_Gubadlinskogo_raionov_i_gorod_Gubadly-1623969 (дата обращения: 29.10.2020).

301. Путин В. Россия и меняющийся мир . [Электронный ресурс] // Вести ру. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=726754> (дата обращения: 19.03.2020).

302. Путин беспардонно лжет. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.apsny.ge/articles/1564699847.php> (дата обращения: 07.07.2020).

303. Путин вы плохо знаете историю. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20190711/245453726.html> (дата обращения: 07.07.2020).

304. Путин бросает песок исторической лжи. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20190716/245473117.html> (дата обращения: 07.07.2020).

305. «Российская газета» объявляет конкурс на национальную идею. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.yeltsinmedia.com/events/july-30-1996/> (дата обращения: 05.09.2020)

306. Саломе Зурабишвили - Наш путь в Европу и НАТО ясен и неизменен! Другого пути нет - население Грузии не может и не сделает другого выбора! 17.12.2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.president.gov.ge/geo/pressamsakhuri/siakhleebi/salome-zurabishvili-chveni-gza-evropisa-da-natoske.aspx> (дата обращения 09.06.2020).

307. Тбилиси отвечает на обвинения со стороны Путина об «оккупации Абхазии» и «геноциде осетинского народа. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20190711/245452272.html> (дата обращения: 07.07.2020).

308. Участникам II Международного симпозиума «Исламская цивилизация на Кавказе». Выступление И. Алиева. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.president.az/articles/33796> (дата обращения: 09.06.2020).

309. Фундаментальный научный вклад в изучение национальной идеи Азербайджана. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azertag.az/ru/xeber/Fundamentalnyi_nauchnyi_vklad_v_izuchenie_nacionalnoi_id_ei_Azerbaidzhana-1144077 (дата обращения: 05.00. 2020).

Приложение 1

АНКЕТА ДЛЯ ИНТЕРНЕТ ОПРОСА**«Эффективность технологий формирования государственно-гражданской идентичности»**

1.Гражданство _____

2.Ваш возраст?

- 18-25

- 26-35

- 36-45

- 46-60

- 61-80

3. Как вы определяете свой статус на сегодняшний день?

-работаю

-обучаюсь в ВУЗе

-другое

4. Как Вы относитесь к политике?

а. политика мне не интересна

б. нейтрально. иногда хожу на выборы

- в. положительно, стараюсь быть в курсе всех политических событий
- г. участвую лично в общественно-политических мероприятиях
- д. конструктивно, являюсь членом политической партии

5. Насколько регулярно Вы следите за публичными выступлениями первых официальных лиц государства?

- а. не слежу
- б. знакомлюсь время от времени
- в. постоянно слушаю и смотрю

6. Как Вы относитесь к празднованию знаменательных исторических дат, имеющих статус официальных праздников?

- а. не слежу за такими праздниками
- б. праздную, если позволяет время
- в. всегда праздную, для меня это знаменательные события

7. Насколько хорошо Вы знаете основные этапы истории своей страны?

- а. историей государства не интересуюсь
- б. знаю поверхностно, на уровне школьной программы
- в. хорошо знаю

8. Как часто Вы знакомитесь с материалами СМИ?

а. специально не знакомлюсь, читаю и смотрю лишь то, что попадает на глаза

б. еженедельно смотрю новостные сводки

в. ежедневно смотрю новостные сводки

г. ежедневно смотрю новостные сводки и читаю (смотрю) информационно-аналитические статьи и программы

9. Какие СМИ вы предпочитаете?

а. государственные

б. независимые от государства

в. иноСМИ

г. оппозиционные

Подробнее (назовите их) _____

10. Насколько Вы доверяете ли материалам современных СМИ?

Выберите один ответ:

а. доверяю

б. совершенно не доверяю

в. доверяю частично

г. читаю и смотрю разные источники, чтобы составить собственное мнение

11. Вы считаете себя патриотом своей страны?

а. считаю

б. не считаю.

в. Я - гражданин мира

г. я - советский человек

12. Чьим выступлениям в СМИ вы доверяете больше?

а. государственным деятелям

б. историкам

в. политологам

г. журналистам

Еще _____

**13. Что для вас означает государственно-гражданская идентичность?
(дайте определение)**

14. Как Вы себя идентифицируете по национальной и гражданской принадлежности?

Приложение 2

**Контент-анализ дискурса о государственно-гражданской идентичности
современных России, Azerbaijan и Грузии на материалах выступления
первых лиц**

Государство	Основная идея	Категории	Слова индикаторы
Россия	Государственный подход к формированию идеологии государственно-гражданской идентичности многонациональной России	Прошлое	Величие русского народа; Историческая миссия России
		Будущее	Сильное суверенное государство; Патриотизм; Сильная армия; Прорыв в развитии России
		Государственно-гражданская идентичность	Собственная уникальная идентичность; Сохранение традиций; Всенародная причастность к победе в ВОВ; Единая российская нация
Azerbaijan	Традиционные исламские ценности и мультикультурное	Прошлое	Azerbaijan – первая в мире мусульманская демократическая Республика;

	общество – основа государственно- гражданской идентичности современного Азербайджана		Гордость за национальную культуру, историю, традиции; Современный Азербайджан – наследие Г. Алиева.
		Будущее	Развитие национально- государственного единства; Азербайджан суверенное сильное региональное государство; Светский характер власти обеспечивает сохранение толерантности и мультикультурализма.
		Государственно- гражданская идентичность	«Азербайджанство» - единство азербайджанцев по всему миру; Формирование концепта «азербайджанство» в подростковом и школьном возрасте
Грузия	Формирование государственно- гражданской идентичности в контексте разрешения конфликта национал- патриотизма и евроатлантизма	Прошлое	Демократическая Грузинская Республика в качестве основы суверенного государства; Советская оккупация; Национально- освободительные движения
		Будущее	Европейская интеграция;

	грузинского общества		Грузия – страна западного мира; Восстановление территориальной целостности
		Государственно-гражданская идентичность	Образ «другого», врага (России) как фактор консолидации общества перед имперскими амбициями; Грузия – христианская страна.